Н. Г. КУЗНЕЦОВ

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

ИЗ ЗАПИСОК АДМИРАЛА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемая читателям книга составлена из сохранившихся в личном архиве и никогда ранее полностью не публиковавшихся записок Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза, наркома ВМФ Николая Герасимовича Кузнецова. Описываемые в ней события, относящиеся как к служебной деятельности выдающегося военачальника, так и к его работе в период отставки, позволяют узнать много нового о незаурядной личности единственного в советской истории военно-морского министра.

Издание иллюстрировано редкими фотографиями, дополнено интересными мемуарными материалами, снабжено подробными хронологическим и библиографическим указателями. Рассчитано на широкий круг читателей.

- Н.Г. КУЗНЕЦОВ
  -
  - К ЧИТАТЕЛЮ
  - ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
  - ОТ АВТОРА
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
    - Ю.А. ПАНТЕЛЕЕВ[94]
    - Е. А. ЧЕРНОЩЁК[95]
    - Н.Ф. ХАРИТОНОВ[96]
    - ХРОНОЛОГИЯ[97] основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала Флота Советского Союза Кузнецова Николая Герасимовича
    - БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Н.Г. КУЗНЕЦОВА
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

Н.Г. КУЗНЕЦОВ
КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ
ИЗ ЗАПИСОК АДМИРАЛА

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1995

Составитель кандидат исторических наук Р.В. КУЗНЕЦОВА

Подготовка текста, комментарии, хронологический и библиографический указатели В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ и Р. В. КУЗНЕЦОВОЙ

К ЧИТАТЕЛЮ

Предстоящий 300-летний юбилей отечественного флота заставляет нас еще раз обратиться к ярким и драматичным страницам его истории; он воскрешает в памяти образы людей, творивших ее, среди которых достойное место занимает личность Героя Советского Союза, Адмирала Флота Советского Союза, наркома ВМФ Николая Герасимовича Кузнецова. Настоящая книга подготовлена к печати в год 90-летия со дня его рождения и 20-летия со времени его кончины. Вся жизнь этого человека, гражданина и воина-моряка является образцом служения Родине, долгу, флоту и как бы наглядно иллюстрирует собой текст воинской присяги с ее первых и до последних слов.

Сложные перипетии судьбы побудили Николая Герасимовича обратиться к литературной деятельности. Из-под его пера (а писал он сам, без посторонней помощи) вышли интереснейшие книги об истории становления советского Военно-Морского Флота, о суровых днях испытаний, о военных моряках, достойно и мужественно встретивших врага утром 22 июня 1941 года и все четыре с половиной года войны героически отстаивавших свободу, честь и независимость Родины.

Основу этой книги составили никогда ранее полностью не публиковавшиеся записки «Крутые повороты», работа над которыми продолжалась около двадцати лет. Вниманию читателя предлагаются также воспоминания людей, лично знавших Н.Г. Кузнецова, освещающие различные этапы жизни единственного в советской истории военно-морского министра.

Рукопись книги подготовлена близкими Николаю Герасимовичу людьми — его женой Верой Николаевной и женой его сына Раисой Васильевной Кузнецовыми. Хочется надеяться, что предлагаемое издание заинтересует читателей, небезразличных к отечественному флоту и его истории.

Адмирал Флота И.М. КАПИТАНЕЦ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Описываемые в записках Николая Герасимовича Кузнецова события, «сугубо личные моменты», по его выражению, на самом деле носят далеко не личный характер, проливая свет на многие важнейшие исторические факты, ибо его жизнь и деятельность были неразрывны с историей Военно-Морского Флота и Советских Вооруженных Сил, даже после того, как он был навсегда уволен из них.

Николай Герасимович оказался в отставке в 51 год, в том возрасте, когда для творческой личности, полной богатого опыта, сил и желания трудиться, наступает наиболее плодотворный период. Но именно тогда он и был лишен возможности продолжать «дело всей своей жизни», как он сам выражался, имея в виду работу для ВМФ своей Родины. Это произошло в 1956 году. За годы опалы (1956—1974), да и во время, прошедшее после смерти Николая Герасимовича, о его судьбе рассказано множество легенд и домыслов. О том, что же произошло в действительности, и повествуют его записки. Он очень хотел, чтобы люди, особенно моряки, узнали правду. Когда при жизни издавались его книги, многое выбрасывалось и не могло быть напечатано по вполне известным причинам, но автор не терял надежды рассказать правду о пережитом, «пусть даже с того света» (опять же — его выражение). Обстановку, в которой Николай Герасимович работал над мемуарами, трудно назвать благоприятной. Вот что сам он писал по этому поводу:

«…Учитывая специфику моих мемуаров, связанных с секретами, мне очень противно бывает писать и заранее думать, как посмотрит на это редактор. Скажет, что «об этом писать так нельзя», и мне придется все переделывать. Только несколько глав и рассказов написаны без давления со стороны редактора… Одно утешение, что я ничего не пишу против моей совести, а лишь допускаю сокращать — это все-таки полбеды… О человеке, про которого советовали написать хорошо или плохо, а я не соглашался, — я просил выбрасывать».

Сказанным как раз и обусловлен тот факт, что настоящее издание «Крутых поворотов» вобрало в себя помимо законченных одноименных мемуаров еще и отдельные фрагменты из глав, не вошедших в свое время в книги Николая Герасимовича.

Следует также отметить, что публикуемые в настоящей книге воспоминания о Н.Г. Кузнецове представляют собой лишь малую толику того поистине громадного корпуса мемуаров о нем, который в рукописном виде хранится ныне в его семейном

архиве. Хочется верить, что в недалеком будущем читатель получит возможность познакомиться и с остальными воспоминаниями. Право, личность Николая Герасимовича Кузнецова того заслуживает.

ОТ АВТОРА

Взявшись за перо, я не ставил своей задачей вспоминать о службе в послевоенный период, и поэтому логично было бы поставить точку, закончив книгу «Курсом к Победе». Признаюсь, рассказанное мною нельзя назвать безупречным. Я далек от того, чтобы считать свой труд завершенным, но убежден в том, что хоть и небольшая, но польза для будущего флота будет. В ходе работы накопилось много материалов, своего рода сырья, из которого не все еще извлечено и напечатано. Думаю снова все перечитать, исправить ошибки, дополнить сказанное. Яне берусь предсказывать, когда все это будет сделано. Желания уже не все выполнимы.

В свое время я писал, как быстро благодаря сложившимся обстоятельствам шло мое продвижение по службе после окончания Военно-морского училища и Военно-морской академии, и я это особенно ощутил, будучи назначенным народным комиссаром ВМФ. Но редко кому удается пройти жизненный путь, не споткнувшись на «склизких камушках». После войны, как бы в отместку за слишком гладкое прохождение службы раньше, на мою долю выпали в изобилии не только лавры, но и крутые повороты, весьма тяжело пережитые мною и оставившие глубокие следы до последних дней. Не считаю правильным искать причины всего происшедшего и оправдываться. Мне хочется вспомнить лишь фактическую сторону дела. Именно поэтому я и решил переложить некоторые мысли на бумагу, пока они еще довольно свежи, а я в состоянии работать за столом.

Показателем необычных скачков в моей послевоенной службе, пожалуй, является уникальное колебание в званиях, которое мне пришлось пережить с 1947 года. Неважно откуда дул ветер! Волею судеб в 1948 году я был снижен в звании до контр-адмирала и направлен на службу в Хабаровск. В 1951 году, еще при жизни Сталина, я был возвращен в Москву и вернулся в свой старый кабинет уже в качестве министра ВМФ. После смерти Сталина я был восстановлен в прежнем звании и даже получил маршальскую звезду из рук Ворошилова. Прошло немного времени. Произошли перемены в руководстве Вооруженными Силами. В те дни я пробивал кардинальный вопрос — рассмотрение судостроительной программы. Нельзя было довольствоваться годовыми планами судостроения. На этой почве возникли разногласия. Тучи начали сгущаться. Нужно было мобилизовать всю свою выдержку, а я некстати заболел и на несколько месяцев вышел из строя. Беда не приходит одна. На Черноморском флоте произошла крупная авария.

Не буду ссылаться на формальные моменты. Факт тот, что я был уволен в отставку и снижен в звании до вице-адмирала. (Питаю надежду, что когда-нибудь мне удастся довести до сведения военных моряков и руководителей правду о моем деле.)

Время брало свое. Здоровье начало сдавать. Нужно было найти посильный для себя труд на оставшиеся годы. Вот тогда я и взялся за перо. Научился печатать на машинке и, выстукивая по две-три страницы, но обязательно ежедневно (если позволяло здоровье), написал книги «Накануне», «На далеком меридиане», «На флотах боевая тревога» и «Курсом к Победе».

Не считая уместным в мемуарах рассказывать о послевоенной жизни и деятельности флотов, все же хочу коснуться некоторых сугубо личных моментов этого периода.

Как всеми признано, мемуары субъективны и автор обязан лишь придерживаться фактов, а не заниматься вымыслами. Иное дело — размышления автора — они могут не совпадать с точкой зрения других, и тот, кто не согласен с ними, может придерживаться своих взглядов как на характеристики людей, так и на события. Я излагаю здесь личную точку зрения на тех людей, с которыми приходилось встречаться, и описание пережитого мною, вероятно, будет субъективным.

Когда задумываюсь над былым и составляю мнение о некоторых людях, невольно возникает мысль: а стоит ли писать что-то нелицеприятное? Но одновременно гвоздем в голове сидит другая мысль: если кто-то мог отнестись ко мне грубо, несправедливо, попросту клеветнически, то почему я должен это скрывать и восхвалять их, представляя черное белым? Я решил написать правду и высказать свое мнение, которое, возможно, не будет правильно понято некоторыми, но я пишу то, в чем убежден, и только правду. Так или иначе, эти воспоминания — на сугубо личные мотивы, и поэтому позволительно писать именно то, что я думаю и что могу подтвердить фактами и документами.

* * *

Почему я решил вспомнить о своих переживаниях и крутых поворотах в службе?

Несколько месяцев тому назад[3] мне позвонила сотрудница горвоенкомата В.М. Волкова и известила, что у них лежит орден, которым я был удостоен монголами. «Кем»? — удивился я. «Монголами», — невозмутимо повторила она. Уже давно неизбалованный какими-либо награждениями, я был удивлен, но, узнав, что это делалось по очень большому списку, нашел этому объяснение. Однако дело не в этом.

Адрес дома, который она назвала и куда я должен был явиться, мне что-то напомнил, хотя я еще неясно представлял, какие события связаны с ним, — улица 25 Октября, № 23.[4] «Почему мне знакома эта улица и номер дома?» — подумал я, но вскоре забыл и об ордене, и об адресе. Однако в мае 1973 года мне поступила бумага за подписью генерал-майора Морозова, который просил «изыскать время и зайти для вручения награды». И я в первый же свободный день поехал туда, снова раздумывая, почему все-таки мне знаком этот адрес.

Но вот я нашел тот самый дом и понял свое первоначальное смутное беспокойство. Когда я вошел в помещение, то на меня нахлынули грустные воспоминания. Оказывается, именно в этом доме в 1948 году я, как бывший нарком ВМФ, был судим Военной коллегией Верховного суда. По тем временам я мог ожидать самого строгого приговора Невольно черной нитью потянулись и другие воспоминания из области наказаний — о моих товарищах тех лет Л.М. Галлере[5], В.А. Алафузове[6], и Г.А. Степанове[7] (они ушли уже «в лучший мир»), об этом доме, откуда они были увезены в тюрьму, что, конечно, не способствовало укреплению их здоровья.

Вот тогда мне и захотелось кое-что переложить на бумагу и как бы разрядиться. В том помещении, по комнатам которого мне пришлось пройти в июне 1973 года, четверть века назад четыре адмирала, отдавшие все свои силы в годы Великой Отечественной войны борьбе с врагом, — Л.М. Галлер, В.А. Алафузов, Г.А. Степанов — и один адмирал флота (бывший нарком ВМФ) Н.Г. Кузнецов были судимы и понесли наказание, хотя обвинение явно не имело под собой оснований. Закон и правда молчали. Этого могло и не быть, если бы люди, которым поручили разобраться, одновременно сделав намек на примерную степень наказания,

имели мужество объективно считаться с фактами и «свое суждение иметь»[8].

Проходя по этим помещениям, я вспоминал, как ровно в 9 часов утра мы вошли в этот дом еще надеясь, что все обойдется (казалось уж слишком нелепым и нелогичным судить только для того, как я потом узнал, «чтобы другим неповадно было иметь дело с союзниками»). Когда пишутся эти строки (июль 1973 г.), этот суд выглядит еще более странным. Однако тогда мы с каждым часом убеждались, что председательствующий Ульрих мало интересуется сутью вопроса, что он уже получил указание и ему осталось подогнать процедуру под нужные статьи закона или, вернее, беззакония.

К сожалению, мне довелось пережить не только этот печальный эпизод, и поэтому рассказ оказался довольно длинный, но из «песни» нельзя выкинуть самое памятное для меня…

Жизнь плавная, как тихая река, всегда представлялась мне скучной, такая жизнь не соблазняла меня, когда я выбирал жизненный путь. Возможно, поэтому я принял решение поступить в Военно-морское училище. Однако, признаться, тогда я не думал, что доведется переживать очень крутые повороты, на которых легко не только поломать руки или ноги, но и свернуть себе шею.

Я никогда не страдал большим честолюбием и не стремился забираться на вершины служебной лестницы, но, признаться, мечтал стать командиром корабля — большого или малого — и, стоя на мостике, управлять им. Примером для меня являлись такие командиры, как К.Н. Самойлов, который командовал линкором, или Л.А. Поленов, которому довелось на крейсере «Аврора» служить мичманом в дни штурма Зимнего дворца и командовать этим же кораблем, когда мы в 20-х годах, будучи курсантами, ходили на нем в заграничные плавания.

Но судьбе было угодно в силу ряда причин то «поднимать меня высоко, то кидать вниз» и принуждать начинать службу сначала. Доказательством этого является буквально уникальное изменение в моих званиях. За все годы службы я был дважды контр-адмиралом, трижды — вице-адмиралом, носил четыре звезды на погонах адмирала флота и дважды имел высшее воинское звание на флоте — Адмирала Советского Союза[9].

До командирского мостика я проходил службу нормально: вахтенный командир, помощник командира, старший помощник командира крейсера и уже после окончания Военно-морской академии был назначен командовать крейсером «Червона Украина». Три года я буквально наслаждался хотя и тяжелой, но такой приятной обязанностью управлять крупным кораблем[10].

Что может быть лучше, когда чувствуешь, как крейсер, оснащенный четырьмя мощными турбинами, движется по твоей воле в нужном направлении. А когда был приобретен немалый опыт, то и совсем хорошо служилось на корабле, который я за пять лет службы на нем крепко полюбил. В 1936 году о моем перемещении задумалось начальство, а я опасался пуще всего береговой службы в штабе, куда меня собирались перевести.

В книге «На далеком меридиане» я рассказываю, как в один из спокойных дней мирной боевой учебы я получил приказ выехать в Москву неведомо зачем, а оттуда, уже не вернувшись на свой корабль, вылетел в Париж и Мадрид…

За год пребывания в Испании я невольно сроднился с испанскими моряками, участвовал в боевых походах и до конца гражданской войны не мечтал о перемене места службы. Но вот совершился новый и довольно крутой поворот. Вызов в Москву «для доклада», кратковременный отпуск в Сочи и назначение на Дальний Восток. И снова, не сдавая дел своему заместителю, я спешно выехал во Владивосток. Резкий подъем, как у водолаза, всегда опасный и связанный с большой нагрузкой, совершился не по моей воле. Мне ничего не оставалось, как выполнять приказ. Всего несколько месяцев пробыл я в должности замкомфлота, и состоялось назначение на должность командующего огромным Тихоокеанским флотом. А тут еще известные хасанские события в 1938 году[11] и напряженное положение на границе с Японией.

Конечно, опыта и знаний было недостаточно. Пришлось компенсировать количеством рабочих часов. Был тогда холост. Мог по 18—20 часов в сутки мотаться на кораблях, катерах, машине и самолетах по необъятному дальневосточному побережью от Владивостока и до Камчатки. Помнится, неохотно ехали в те годы командиры в необжитой еще край, но и они, ближе познакомившись с Дальним Востоком, не хотели уезжать оттуда. Так было и со мной. Владивосток находится на широте Ниццы, там растут виноград и яблоки всех сортов, а какие красивые золотой осенью сопки с пожелтевшими или красными огромными кленовыми листьями. Просторы, просторы… И это не может не захватить того, кто любит Родину природу, — а моряка в особенности. Кто не совершал поездок или полетов через нашу страну, тот не прочувствовал ее величия.

Неожиданно летом 1938 года вспыхнули хасанские бои. Сохранились в памяти встречи с В.К. Блюхером[12], Г.М. Штерном[13] и другими военачальниками. В те дни мы вместе опасались, как бы конфликт не разгорелся в настоящую войну с Японией. Войска дали решительный отпор провокации, и мы опять занялись мирной учебой. А до сих пор, помнится, как в

одно утро с дымкой и небольшим туманом в море мы с С.Ф. Жаворонковым[14] — командующим ВВС флота ожидали на сопке Тигровой возможного налета. Я вспомнил Испанию и Картахену и думал о повышенной готовности. Пожалуй, именно в то утро родилось убеждение принять какие-то меры и создать систему оперативных готовностей. Как это пригодилось в роковую ночь на 22 июня 1941 года!

И вот снова крутой поворот. Создается отдельный Наркомат ВМФ. Я вхожу в Главный военно-морской совет и в декабре выезжаю в Москву на совет и, как делегат от Приморья, — на XVII съезд партии.

После съезда совершился еще более неожиданный для меня крутой поворот. Ночной вызов к Сталину. Разговоры о флоте. На следующий день я был назначен первым заместителем наркома ВМФ. Наркома не было. На мои плечи легла огромная ответственность. Едва я вошел в курс дела, как в конце марта 1939 года по указанию ЦК КПСС я вместе со Ждановым[15] выехал во Владивосток. Нам было поручено убедиться, пригодна ли для строительства крупного порта бухта Находка. Вернувшись 25 апреля, я буквально через два дня был назначен наркомом ВМФ. И снова произошло у меня большое продвижение по службе. Требовалось много, очень много работать. На службу я всегда приходил ровно к 9 часам, а уходил далеко за полночь. Были молодость, здоровье и желание сделать как можно больше.

Фашисты уже бряцали оружием. Инициатива СССР противопоставить агрессору союз антивоенных сил осталась без должного внимания. Англия и Франция соблазнялись направить острие войны на Восток. Пусть, дескать, гроза выльется на Востоке, а они будут судить и рядить, когда дело пойдет к развязке. Мне это хорошо известно. Я входил в состав советской военно-морской миссии и наблюдал, как неохотно, тягуче-медленно шли переговоры с англичанами и французами. Когда стало очевидно, что договор они заключать не собираются, потребовался решительный шаг по дипломатической линии. Инициативу проявили немцы. Наше правительство заключило договор с Германией… Мы выиграли почти два года, в течение которых было сделано много, и это повлияло на исход войны. Я не без опасения задумываюсь над тем, как невыгодно могли сложиться события, если бы пришлось вступать в войну в 1939 году[16].

У меня, молодого тогда наркома ВМФ, были такие же молодые командующие, как и я сам, не имеющие боевого опыта, но все с полным напряжением сил готовили подчиненные им флоты к войне. «Борьба за первый залп» — так можно

охарактеризовать предвоенные два года — 1939— 1940-й. В чем суть этого лозунга? Опасность внезапного нападения — к чему было достаточно оснований — на флоте сознавали все и поэтому проводили сотни учений по быстрому повышению готовности на случай неожиданной войны. Оглядываясь назад, вижу немало ошибок и недоделок со своей стороны, но задним числом всегда видится больше и лучше. Как флоты встретили нападение фашистов и как они воевали, рассказано в мемуарах. Пусть об этом сказано неполно и субъективно. Здесь речь идет о другом.

Волею судьбы, волною вынужденных перемещений и без особого личного стремления я к началу Великой Отечественной войны оказался на вершине иерархической лестницы в Военно-Морском Флоте — наркомом ВМФ в звании адмирала. Убежденный сторонник последовательного продвижения по службе, я повышался чересчур быстро, перескакивая некоторые инстанции и не выдерживая даже минимально положенного времени на некоторых должностях. Так, мне не пришлось командовать соединением кораблей и служить на штабной работе в центральном аппарате, подготавливая себя к должности наркома. Это, бесспорно, недостаток, который я сознавал, пытался компенсировать его подбором опытных людей в свои заместители и чаще советовался с ними. Это оказывало положительное влияние, если заместителем работал такой на редкость нечестолюбивый и порядочный адмирал, как Л.М. Галлер, и несколько иначе было, когда моим первым заместителем был образованный, но довольно честолюбивый адмирал И.С. Исаков[17]. Первый отдал себя целиком флоту и бескорыстно помогал, второй, помогая, требовал за это платы и при случае мог подставить ногу, о чем я откровенно писал, вспоминая один разговор в кабинете И.В. Сталина в 1946 году. Тогда Сталин прямо в его присутствии указал на И.С. Исакова, как на адмирала, настроенного властолюбиво против меня, а тот, смутившись, должен был выдержать при мне это замечание.

Вывод напрашивается один: никогда нельзя полностью полагаться на помощников и доверять им сверх меры. Нужно рассчитывать только на себя, иначе окажешься при определенных обстоятельствах в глупом положении. Все это я ощутил на себе в последующие, послевоенные годы.

Кроме того, на высоком посту требуются не только знания и опыт, а и умение, как говорят, держаться крепко за кресло, в котором сидишь. У меня, признаться, в первые годы службы в Москве не было нужного опыта и никогда не было умения «держаться за кресло». В этом отношении я оказался простаком, хотя ничуть не раскаиваюсь в своей излишней честности и

прямолинейности. Оказывается, жизнь не всегда поощряет простоту, хотя бы человек при этом руководствовался самыми благими намерениями. «Такова жизнь» — как любил говорить один мой друг в Испании.

И еще одно обстоятельство следует отметить. Только что созданный Наркомат ВМФ, да еще с молодым наркомом во главе, требовал особой осмотрительности в поведении. Я же был неопытен. Казалось бы, по совести и как коммунист я должен был отстаивать интересы флота, но они часто входили в противоречие с интересами других видов Вооруженных Сил. Получался заколдованный круг. Не случайно уже после войны вопросы строительства флота стали для меня роковыми. Я осмелился настаивать (и очень резко) на своих предложениях перед такими могущественными фигурами, как И.В. Сталин, Н.С. Хрущев и Г.К. Жуков. Следовало не идти напролом, а как-то сманеврировать, отступить, затем наступить снова. Однако это было не в моем характере. Высокий руководитель должен не считаться со своими собственными интересами и опасностью быть снятым с поста, если дело касается принципиальных вопросов. Но не будем уклоняться…

Итак, после трехлетнего командования крейсером, командировки в Испанию и командования Тихоокеанским флотом в 1937—1939 годах на мои плечи легла ответственность за подготовку к войне. Наркомат обороны, как пишет Г.К. Жуков, был занят по горло своими сухопутными делами, и даже начальник Генштаба не мог выделить времени, «чтобы познакомиться с флотом». Я был предоставлен в решении оперативных вопросов самому себе. К Сталину попасть было не всегда просто. Никто другой ответ давать не хотел. Но уже летом 1939 года стало очевидно, что «война на носу», и, коль скоро ты нарком, принимай все меры, чтобы она не застала флоты врасплох.

Я хорошо помнил уроки старого царского флота, когда японцы потопили русские корабли на внешнем рейде Порт-Артура, и знал по своим личным наблюдениям в Картахене, в Испании, как может внезапно налететь авиация и причинить вред. В этом я убедился и на Дальнем Востоке, ожидая возможного налета японской авиации на Владивосток в 1938 году.

Кроме того, я знал, что восстановление потерянных кораблей, особенно крупных, в годы войны дело тяжелое, и поэтому без труда убедил всех своих заместителей и руководителей на флотах в необходимости иметь детальные разработки и проводить многочисленные тренировки по повышению готовности флотов в короткое время. В ноябре 1939 года вышла первая основная

директива Наркомата на этот счет, которая действовала и уточнялась на практике вплоть до рокового рассвета 22 июня 1941 года.

Сколько учений было проведено на флотах! Сколько выводов сделано в предвоенный период! Зная обстановку на границе, я в канун войны, в субботу 21 июня, не выходил из кабинета, ожидая указаний от правительства или из Наркомата обороны, но они не поступали. Однако это не снимало с меня ответственности за судьбу флотов. Вечером 21 июня, около 18 часов, я переговорил по телефону ВЧ с комфлотами. Отдавать приказания об отражении нападения я еще не мог, но убедиться, что они все на месте, что флоты находятся в повышенной боевой готовности, я имел возможность, считал это своим долгом и делал это. Последний разговор был с военно-морским атташе в Германии М.А. Воронцовым. Вывод напрашивался один: нужно ожидать нападения, а вызова в Кремль или в НКО пока нет. Он последовал около 23 часов от наркома обороны. «Возможно нападение немцев», — передал С.К. Тимошенко. А сколько осталось времени до этого нападения, никто не мог сказать[18].

Бывший заместитель начальника Главного морского штаба контр-адмирал В.А. Алафузов по моему приказу тут же бежит в наркомат и посылает срочную телеграмму, но уже без всяких условностей, о боевой готовности № 1, к чему мы готовились несколько лет. Но мне и этого казалось мало. Особенно для Балтики. Ведь она граничит с Германией. Придя в кабинет, звоню в Таллин. Комфлот В.Ф. Трибуц на проводе: «Телеграмма послана, не ждите ее, приводите флот в готовность № 1». Это было в 23 ч 30 мин, а в 23 ч 32 мин, как записано в журнале боевых действий флота, «объявлена фактическая боевая готовность № 1»…[19]

Таким образом, допущенные промахи политического руководства по части повышения готовности всех Вооруженных Сил не повлияли отрицательно на флот, а были в значительной степени исправлены. Флоты не потеряли ни одного корабля в первый день войны, хотя враг стремился нанести нам удары по базам в Севастополе, Кронштадте, Полярном, Измаиле и др.

Телеграммы и донесения с флотов к вечеру 22 июня уже показывали, что внезапного нападения противнику, как он хотел, совершить не удалось. Но борьба с сильным врагом была еще впереди. Я ожидал больших трудностей, хотя и не думал, что нам доведется пережить неудачное начало и, как следствие этого, тяжелый период войны — до начала 1943 года. Уже через неделю-две выяснилось, что перед личным составом флотов стоит задача не только воевать на море, но и, исходя из единой стратегии,

повернуться лицом к берегу, а когда нужно, то и сойти на него с кораблей, чтобы оборонять свои базы, приморские города и побережья с суши.

Военно-Морской Флот выдержал испытание и до конца выполнил свой долг перед Родиной, но это в первую очередь следует отнести к отваге и храбрости личного состава, воспитанного Родиной в духе патриотизма. Ни один из приморских городов не был оккупирован с моря. Либава, Таллин, Одесса, Севастополь, Ханко, Ленинград — вот знаменательные вехи борьбы с врагом. Флотам, оперативно подчиненным сухопутному командованию, вопреки ожиданиям приходилось налаживать тесное взаимодействие. Здесь было много трудностей. До войны этот вопрос не был полностью разработан, ибо не собирались в такой степени привлекать моряков на суше. Но разбираться в ходе войны было уже поздно, и мы стремились согласовывать все вопросы на ходу, не придавая первостепенного значения тому, кто кому будет подчинен, лишь бы бить врага. И «морская душа» в полосатой тельняшке оказала немалую помощь не только при обороне баз, но и в Ленинграде, Сталинграде, под Москвой и даже на Карельском фронте.

Больших упреков я в годы войны не получал.

Если в первые месяцы новой службы в Москве я чувствовал, что преждевременно оказался в этом кресле, то постепенно уверовал, что справляюсь с работой на этом посту. Возможно, в этом есть доля преувеличения. Видимо, человек не всегда достаточно самокритично подходит к себе и склонен скорее переоценивать свои способности, чем недооценивать их. Однако мне так казалось, и в этом я признаюсь. Мне кажется, у меня не было зазнайства, и я всегда понимал, что карьера в условиях работы при Сталине (то, что теперь называется в период расцвета культа личности) — вещь весьма зыбкая и самонадеянность может обернуться самым неожиданным образом.

Стоит признаться, что со временем я стал уверен в себе, упорнее отстаивал интересы флота и осмеливался возражать даже самому Сталину, когда считал это нужным для дела. На этом, собственно, я и «свернул себе шею». Внешне, казалось, не было крутого поворота, на котором рекомендуется «быть осторожнее, чтобы не вывалиться». Вот что запомнилось мне. В один из дней весной 1946 года у меня состоялся разговор со Сталиным по телефону. Он предложил разделить Балтийский флот на два. Сначала я, как всегда, попросил время подумать, а потом, дня через два, ответил ему, что считаю это неправильным. Театр небольшой и с оперативной точки зрения неделимый. Сталин, как выяснилось позднее, остался моей позицией недоволен, но тогда,

ничего не сказав, повесил трубку. Я еще не догадывался, что «быть грозе».

Что же происходило за кулисами, как это известно теперь? А.И. Микоян[20], не знаю, по своей инициативе или по поручению Сталина, решил переговорить на эту тему с И.С. Исаковым. Тот, узнав позицию Сталина, счел более благоразумным согласиться с нею, хотя это не укладывалось ни в какие рамки нормальной точки зрения адмирала, хорошо подготовленного в оперативном отношении. Исаков, при его прекрасных отдельных качествах, всегда опасался за свое служебное место. К тому же он был честолюбив и («греша перед своей совестью», по его же словам, в те дни выступил против меня, лишь бы не идти против течения. Позднее (когда у власти был Н.С. Хрущев) он сжег записки (25 посещений Сталина), относящиеся к встречам его со Сталиным. В другой раз объявил в печати авианосцы «покойниками», а мне, смущаясь, говорил, что это дело редакции. Чепуха! Исаков знал, как вести дела с редакциями.

Сталин, которому была доложена точка зрения Исакова, приказал рассмотреть этот вопрос на Главном военно-морском совете. Послал туда А.А. Жданова и А.И. Микояна. Все моряки были согласны со мной, кроме И.С. Исакова, хотя и тот только воздержался.

Это один из примеров, когда принималось «волевое» решение, что я признаю иногда необходимым. Но в данном случае А.А. Жданов и А.И. Микоян, не являясь специалистами, могли поддержать мнение Сталина, а решающую роль сыграл высококвалифицированный адмирал И.С. Исаков.

Вызванные на следующий день в кабинет к Сталину, мы докладывали ему свое мнение. Еще в приемной я почувствовал, что в воздухе пахнет грозой. А.Н. Поскребышев[21] несколько раз, пока мы сидели, бегал на звонок из кабинета и возвращался сердитым. «Не в добрый час», — подумал я и, к сожалению, не ошибся. Уже предварительное обсуждение нашего флотского вопроса с ближайшими помощниками испортило настроение Сталину, и теперь он ждал тех, на кого собирался сыпать свои упреки и таким образом разрядиться. А когда, войдя, я встретился с ним взглядом, уже не оставалось сомнения — быть грозе.

Я остался на своих позициях, будучи глубоко убежденным в своей правоте. И.С. Исаков молчал, А.И. Микоян, сославшись на него, сказал, что Исаков за предложение Сталина

Сталин начал ругать меня, а я не выдержал и ответил, что, если я не подхожу, прошу меня убрать. Сказанное обошлось мне дорого. Сталин ответил: «Когда нужно, уберем», и это явилось

сигналом для подготовки последовавшей позднее расправы со мной. Правда, снят я был почти год спустя, но предрешен этот вопрос был именно на том злополучном совещании.

Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что поступил так, как надлежит поступать честному человеку. А как бы поступил теперь? Безусловно, я, как и тогда, высказал бы свое мнение, однако постарался бы не горячиться.

Позднее моя точка зрения была признана правильной, и два флота на Балтике снова объединены, но голова моя была уже (по первому разу) «снесена». Как следствие этого с помощью Булганина я был в 1948 году даже отдан под суд чести, судим Военной коллегией Верховного суда и разжалован до контр-адмирала. С печалью еще раз вспоминаю этот «крутой поворот» главным образом потому, что три адмирала, кроме меня, понесли более суровые наказания: были посажены в тюрьму.

Предвоенный период и все годы войны для меня были исключительно тяжелыми, потому что, с одной стороны, надлежало, отбросив все сомнения и отложив философские рассуждения, делать все возможное для победы, а с другой — я не был в состоянии доказать иногда элементарных вещей в деле руководства флотами. «Почему так, а не иначе?» — все чаще и чаще возникало у меня в голове. Это не относилось, так сказать, к генеральной линии, но зарождалось при решении практических вопросов. Закончился этот период, когда в 1946 году был «ликвидирован» Наркомат ВМФ. Я тогда окончательно убедился, что не в моих силах бороться с теми порядками, которые сложились. Ведь я, по существу, сам (на что есть документы), первым предложил иметь единое военное командование — это вытекало из опыта войны. Но то, что было сделано, никак не походило на мои предложения. Окончательно вывело меня из равновесия заявление Кагановича[22] на одном из совещаний по этому поводу: «Следует Наркомат ВМФ ликвидировать за ненадобностью». Так и было записано через пару дней в постановлении…[23]

Уже тогда, за несколько месяцев до снятия меня с поста Главкома ВМФ[24], я почувствовал, что «доживаю» последние месяцы или дни моего командования. Чем это объяснить, трудно сказать. Я имел самое искреннее намерение работать при новой организации, и тот, кто говорит, что я был против этой организации, — не прав.

Мои представления о новой организации были сделаны еще за несколько месяцев до проведения ее в жизнь и находятся в архиве, чем я могу подтвердить свою точку зрения того времени. Будучи сторонником единой организации Вооруженных Сил в

стране, я в то же время был против значительного сокращения прав наркома ВМФ как главнокомандующего по отношению ко всем флотам. Ведь для конкретного руководства флотами ему нужны и все права для этого. Я не понимал и не понимаю сейчас, как можно флоты подчинять одновременно нескольким инстанциям.

Мне кажется, что министр Вооруженных Сил, будучи их (флотов) прямым начальником, всегда может отдать им любые приказания через главкома или даже, в случае нужды, непосредственно. Я считал также неправильным отнятие у главкома многих функций, которые только формально могли решаться (и решаются сейчас) в высшей инстанции. При этом теряется ответственность конкретного лица. Такими вопросами являются все штатные вопросы назначения, присвоения званий и т. д.

Мне представлялось, что было исключительно много вопросов и координационного порядка, и оперативных, требующих увязки и совместного обучения различных родов Вооружейных Сил, и что у министра Вооруженных Сил или начальника Генштаба не было необходимости и возможности брать на себя функции Главкома ВМС. При замыкании слишком многих вопросов на себя образуется пробка, тормозящая все дело.

Кроме того, я был против создания промежуточных рабочих инстанций между министром и Главкомом ВМС, между Главморштабом и Генштабом. Мне казалось правильным, что Главком ВМС, являясь заместителем министра, должен непосредственно докладывать обо всем ему и на основании этого доклада и должны приниматься решения (так же по линии начальника Главморштаба и начальника Генштаба). Исходя из этого, я был против введения должностей различных заместителей, создания отделов и отделений управления кадров (по морской части) в Генштабе и т. д. Я считал безусловно правильным, что Главморштаб должен являться аппаратом Генштаба.

Мое возражение по этому вопросу было искажено и при моем снятии фигурировало как нежелание давать людей или даже как противодействие новой организации. Я справедливо опасался, что если завести аппарат ВМФ в Генштабе и других инстанциях Министерства обороны, то он будет фактически контролирующим органом всего исходящего от ВМС. На практике так и получилось. Скажем, все назначения офицерского состава, проработанные управлением кадров ВМС и утвержденные Главкомом ВМС, шли в морской отдел Главного управления кадров и снова обсуждались там, сводя на нет решения заместителя министра — Главкома

ВМС. Главное же — терялось время, и докладчиком у министра практически был не Главком ВМС, чье мнение прежде всего нужно знать министру, а начальник Главного управления кадров, который не в состоянии знать флотские вопросы и вынужден смотреть на них глазами своего начальника морского отдела, как правило, офицера в небольших чинах и недостаточно авторитетного на флоте. Подобно этому, и другие вопросы продвигались и решались также медленно, контролировались аппаратом менее квалифицированным, чем раньше (непосредственно Главком ВМС — министр Вооруженных Сил).

Я пишу об этом, чтобы доказать, что фактической причиной снятия меня с должности было, конечно, не мое несогласие с новой флотской организацией. Я думаю, что истинной причиной было и мое искреннее стремление сделать все нужное для ВМС, и всегда выражаемое в настойчивой форме в этой связи собственное мнение. При моем болезненном реагировании на непринятие должных мер, переходившим часто в споры, я оказался неугодным человеком. Я должен был быть снят.

Я признал совершенно правильным мое снятие. И тогда же сказал на военном совете, что я, по-видимому, не в состоянии дальше проводить твердую линию руководства Военно-Морскими Силами, так как не сумел доказать свою точку зрения, и поэтому надо назначить нового руководителя[25].

Я считал нормальной также и работу комиссии[26], назначенной для участия в приеме и сдаче дел, мне вполне понятно и многое из тенденциозно излагаемого в мой адрес отдельными людьми, уже «перестроившимися» под новое руководство. Я стремился, призвав всю свою выдержку, признать недостатки и отмести неправильные обвинения…

Теперь мне надо было без лишней обиды приняться за новую работу там, куда меня пошлют. Мне только не хотелось в то время идти командовать флотом, как мне предлагал Булганин, потому что я знал, что новый Главком ВМС против моего назначения, а также потому, что мне было бы трудно ломать то, что я создавал. Тем более что я понимал: новое руководство, настроенное недоброжелательно ко мне, будет всячески мне не помогать, а лишь стремиться сделать хуже, а от этого будет страдать тот флот, которым бы я стал руководить.

Желая оглянуться на годы войны и собраться с мыслями, я решил пойти на более спокойную работу[27]. Однако все пошло по иному пути.

В деле «крутых поворотов» моим злым гением, как в первом случае (отдача под суд), так и во втором (уход в отставку), был Н.А. Булганин. Почему? Когда он замещал наркома обороны при

Сталине, у меня произошел с ним довольно неприятный разговор из-за помещения для Наркомата ВМФ. Он тогда беспардонно приказал выселить из одного дома несколько управлений флота. Я попросил замену, он отказал. Согласиться с ним я не мог и доложил Сталину. Сталин, вставая на мою сторону, упрекнул Булганина: как же выселяете, не предоставляя ничего взамен? Булганин взбесился. Придя в свой кабинет, он заявил мне, что «знает, как варится кухня», пообещав при случае все вспомнить.

Вскоре подоспела кампания по борьбе с космополитами, и ряд дел разбирался в наркоматах. Некий В. Алферов[28], чуя обстановку (конъюнктуру), написал доклад, что вот-де у Кузнецова было преклонение перед иностранцами, и привел случай с парашютной торпедой. Подняли все архивы в поисках еще чего-либо более «криминального». Я только удивлялся, как за всю бытность мою во главе Наркомата и в течение всей войны при очень больших связях, которые я вынужден был поддерживать с англичанами, американцами и другими союзниками, и всякого рода взаимных передачах во исполнение определенных директив и личных указаний нашлось так мало или почти ничего сколько-нибудь существенного, что нарушало бы самые строгие нормы поведения. Булганин подхватил это и, воодушевившись, сделал все возможное, чтобы «раздуть кадило». В тех условиях это было нетрудно сделать. Действовали и решали дело не логика, факты или правосудие, а личные мнения. Булганин к тому же мало разбирался в военном деле, хотя и хорошо усвоил полезность слушаться. Он и выполнял все указания, не имея своей государственной позиции. Он был плохой политик, но хороший политикан.

Когда в 1947 году Сталин на Главном военном совете поставил вопрос о моем освобождении, я не удивился: «кухня уже варилась» Булганиным. Морально я был к этому подготовлен. Сталин назвал моим преемником И.С. Юмашева. В этом я не видел логики. Тихоокеанский флот почти не воевал, и боевого опыта у Юмашева было мало.

…Вызванный из Ленинграда вместе с Л.М. Галлером, я не знал, в чем дело. Помнится, в поезде мы с Леонидом Михайловичем все гадали о причинах вызова. И не угадали. Оказалось, нам предстоит дать объяснение, почему было дано разрешение передать чертежи парашютной торпеды англичанам. Чертежи не были секретными, и их мог передать начальник Главного морского штаба. Но когда меня спросили, давал ли я разрешение, то я ответил, что, очевидно, давал, так как начальник ГМШ обычно такие вопросы не решал без моего ведома. Отвечаю я.

Было решено судить нас судом чести[29].

Нашли врагов народа! Все четыре адмирала честно отвоевали — и вот, пожалуйста, на суд чести! Во главе этого дела был поставлен маршал Л.А. Говоров. Порядочный человек, но «свое суждение иметь» не решился и по указке Булганина, где можно, сгущал краски.

На суде прежде всего выяснилось, что белое не всегда белое, а дважды два может быть и пять. Держались все подсудимые хорошо, не отрицая своей вины, не перекладывая ответственности друг на друга, и под влиянием суда, подсказавшего, что лучше держаться скромно, иногда не отрицали и излишних упреков в свой адрес.

Как бы ни было тяжело судиться, зная, что ты ничего, кроме хорошего, никогда не делал на своем посту, а отдавал все свое здоровье работе, положение обязывало меня напрячь все силы и выдержать это испытание.

Весь ход «дела» показывал, что не было сколько-нибудь серьезных правонарушений со стороны всех «обвиняемых». Но пути господни неисповедимы: вместо, казалось бы, положенных (раз нужно!) выговоров на заключительном заседании были произнесены громкие речи обвинителей, и мы уже выглядели очевидными преступниками, которых следует судить только Военной коллегией Верховного суда. Было вынесено решение передать «дело» туда. Это уже поразило не только нас, «преступников», но и всех присутствующих. До сих пор звучит в ушах голос обвинителя Н.М. Кулакова[30], который, уже называя нас всякими непристойными словами, требовал как можно более строго нас наказать.

Всю жизнь я считал своим долгом защищать подчиненных и всегда был убежден, что лучше не наказать виновного, чем наказать безвинного. Мог бы доказать, что немало людей во время войны, над которыми висела угроза кары, мною были избавлены от нее, когда я был убежден, что они невиновны. Й вот теперь я слушал выступления своих подчиненных, обвинявших меня и моих товарищей в таких грехах, в которые они, конечно, и сами не верили.

Но вот обвинения оглашены, решение о передаче дела в Военную коллегию Верховного суда объявлено, и все зрители этого представления, обмениваясь мнениями, разошлись, торопясь, видимо, поделиться сенсацией с родными и знакомыми и потом, посудачив по этому поводу, спокойно лечь спать. В зале остались только мы, обвиняемые, с одной стороны, ошеломленные таким неожиданным решением, а с другой — неуверенные, можем ли мы свободно выйти из помещения, чтобы

идти домой, или теперь же последуют какие-то меры «предосторожности» против таких «преступников»…

Все «судьи» этого знаменитого «суда чести» впоследствии не раз встречались и доказывали, что они были вынуждены так поступить. Передача же дела в Военную коллегию от них, дескать, не зависела, но они, конечно, сделали все от них зависящее, чтобы угодить начальству. Главный «судья» — маршал Говоров, уже будучи больным, в Барвихе при встрече со мной без всякого повода с моей стороны сказал мне, что он понимал, что дело раздуто искусственно, правда, не сказал кем. Я долго не верил и только теперь, после всех событий последних лет моей службы, допускаю достоверность утверждения, что еще при первом докладе ему этого вопроса он, даже не разобравшись, сказал: «Под суд, под суд…»

Обменявшись мнениями, мы пришли к выводу, что события, как бы они ни развивались, от нас не зависят и нам ничего не остается делать, как ждать их развития, не теряя присутствия духа. Несмотря на решение о предании суду, все еще оставалась искра надежды, что кто-то поймет несуразность всего происходящего и приостановит такой абсурдный ход дела. Прощаясь, мы, однако, со всей серьезностью признали возможность нашего ареста (при выходе ночью) и на всякий случай договорились, если окажемся на свободе, завтра встретиться в здании наркомата, чтобы обсудить, что же нам следует предпринять.

Как оказалось, почти все мы одинаково провели эту бессонную ночь. Утром довольно помятыми, с припухшими глазами мы встретились, с надеждой приостановить события, которые нам не подчинялись. Решили раздельно написать заявления с просьбой отнестись к каждому из нас более милосердно. Но «кухня» все варилась и варилась.

Пошли мучительные дни ожиданий, полные неизвестности. Наконец нас вызвали в военную прокуратуру для снятия официальных показаний. Ввиду того, что мне можно было только предъявлять различные моральные обвинения и формально не находилось ни одной статьи, по которой меня можно было судить, следователь был, видимо, в затруднении. После моих показаний он довольно быстро написал документ, в котором появились положения, противоречащие моим показаниям и фактам. Невозможно забыть и когда-нибудь перестать возмущаться тем, как полковник юридической службы предлагает адмиралу флота не противиться и подписать то, что ему больше нравится, «заверяя», что это наилучшее, что может быть им предложено, и что уж я должен положиться на его опыт в этих

делах. Я категорически отказался принять его предложение, указав, что если потребуется обязательно меня наказать, то это сделают и без должностных формальностей.

Вернувшись домой, я сначала пожалел, что грубо обошелся со следователем (ведь это могло мне повредить), но затем пришел к выводу, что, видимо, никакие мои показания или разговор со следователем уже не повлияют на окончательное решение, которое где-то созрело и под которое только подгоняется официальная сторона дела.

Через несколько дней снова вызов в прокуратуру, снова неприятный разговор с полковником, который исправил свою ошибку, но разговаривал со мной еще более резко. При второй беседе мне уделил внимание и А. Чепцов[31], который, видимо, хотел держать в своих руках это сложное дело. Так или иначе, дело закончилось моей подписью согласованного протокола допроса.

Снова несколько томительных дней ожидания и каких-то надежд на благоприятный исход — и снова все напрасно. «Кухня варилась» при активном участии того товарища, который, как он сказал, «хорошо знает, как она варится», и дело неумолимо двигалось к своему роковому концу.

В субботу мы все получили приглашение явиться в понедельник[32] в Наркомат ВМФ без указания цели и причин. В воскресенье обменялись мнениями насчет цели вызова и робко высказали предположение о прекращении дела. Настолько все чувствовали себя невиновными, настолько казалось это несправедливым и просто диким…

Понедельник принес нам мало приятного. К 10 часам мы были отправлены на машине в Военную коллегию Верховного суда в полуарестованном состоянии. Около нас еще не было часовых, но в то же время нам не разрешалось отлучаться из здания, в которое нас привезли и где, как выяснилось, и должен был состояться в тот же день суд над нами.

С понятным нетерпением мы ждали вызова и начала допроса. Расположившись в одной маленькой комнате, пытались уловить атмосферу, царившую вокруг нас. Все еще надеялись, что вызовут, объявят о прекращении дела и мы разъедемся по домам. Но с каждым часом наши надежды таяли. Нам уже не позволяли звонить по телефону или сходить купить папирос. Приставленные к нам люди не были часовыми и по очереди находились в одной с нами комнате. Они вежливо говорили, что того или этого делать не следует, и убеждали, что «все скоро кончится».

Наконец через несколько часов нас по всем правилам судебного искусства ввели в судебный зал и посадили на скамью

подсудимых. Мы сидели как арестованные, но около нас не было ни одного часового. Это успокаивало и вселяло надежду на благополучный исход. Разочарование наступало постепенно: к вечеру мы поняли, что тучи над нами явно сгустились.

«Встать», — раздалась команда тихим, каким-то полуофициальным голосом, и на возвышении появились члены Военной коллегии Верховного суда. Я узнал идущего впереди Ульриха. Это было плохим предзнаменованием. Ульрих председательствовал на всех крупных политических процессах тех лет, и приговоры коллегии были весьма суровыми. Лично с Ульрихом я знаком не был, но много раз видел его на различных заседаниях. Сидя в приемной или в кулуарах Большого Кремлевского дворца, где проходили сессии Верховного Совета СССР, я не раз наблюдал за ним. Невысокого роста, с небольшими подстриженными усиками, красными щеками и слащавой улыбкой, Ульрих «шариком» катался среди присутствующих. Он слыл за доброго, словоохотливого и доступного человека. В нем нельзя было с первого взгляда признать человека, вынесшего так много самых суровых приговоров. Его «обтекаемость» и «иезуитская» улыбка говорили скорее о спокойной службе и жизни не в роли председателя Военной коллегии…

Стоя за высокими прочными перилами, я смотрел на него снизу вверх, пытаясь разгадать по его лицу и настроению наше будущее. Ничего особенного я не заметил. Холеный и довольный своей судьбой, Ульрих медленно открыл папку и перелистал бумагу. Разве его могли вывести из равновесия такие фигуры, как мы! Он видывал здесь и людей покрупнее, и дела посерьезнее… Ничего нового по составу обвинения, ничего нового и в наших показаниях. Все держались хорошо, никто не пытался ссылаться на кого-либо, не старался выгораживать себя. Позднее, продумывая этот процесс до деталей, я пришел к выводу, что Ульрих — это слепое орудие в руках вышестоящих органов. Ничего вразумительного он нам не предъявил. Коллегия быстро ушла на совещание. Я понимал, что совещаться-то нет нужды, а они доложат Сталину, и там будет сказано, как поступить с нами.

Особенно томительным оказался перерыв между последним заседанием и вынесением приговора: с 10 часов вечера до 2 часов ночи. Нас поили и кормили за счет Наркомата ВМФ, носили оттуда бутерброды, на улицу не выпускали. «Это плохой признак», — поделился со мной В.А. Алафузов, стараясь сохранять чувство юмора. Смех сквозь слезы! Курили непрерывно. Закурил и я, до этого бросивший эту вредную привычку.

Поистине как после затишья перед бурей началось оживление в коридоре. Появились часовые, еще ранее — неизвестные нам

люди. Я увидел медсестру, которая несла ящик с медикаментами. «Пахнет порохом», — подумал я, но положение старшего обязывало меня сдерживаться и даже приободрять своих адмиралов. Почему-то подумалось, что «идет охота за мной»», — именно так выразился Алафузов накануне у меня на квартире, и я имел основания полагать, что оглашение приговора начнется с меня.

Если до этого мы неорганизованно входили в зал и занимали места на скамье подсудимых, то теперь нас вызывали и с часовыми сопровождали на свои места по старшинству. Я был в первом ряду. Со мной Л.М. Галлер. Во втором ряду стояли адмиралы В.А. Алафузов и Г.А. Степанов. «Сесть на скамью подсудимых» уже было пройденным этапом. Теперь мы стояли между скамьями подсудимых, а на флангах были часовые с винтовками. До сих пор не знаю как, но в зале оказалось каких-то 5—6 человек, которых раньше не было. Видимо, им было положено присутствовать на этом заключительном «представлении».

Первым читалось дело Алафузова. Обтекаемое обвинение — приговор — 10 лет заключения. У меня пронеслось в голове, что если пойдет по восходящей, то мне возможна «высшая мера». Терпи, казак! Следующим был Степанов — ему также дали 10 лет. Ребус еще не был разгадан. На очереди был Галлер, ему дали четыре года. Ну, значит, двоим по десяти и двоим по четыре года, решил я. Итого 28 лет. Вот что сделали записка карьериста Алферова и пакость Булганина. Но я ошибся. Меня освободили от суда, но предложили понизить в звании до контр-адмирала[33]. «На три сверху», как выразился Г.И. Левченко[34], когда его спросили в тот день о моей судьбе.

После команды коменданту «Исполнить» меня оставили в зале суда, а остальных увели одеваться. Я было рванулся к ним проститься, но меня не пустили, и только медсестра предложила мне какую-то пилюлю для успокоения. Я отказался. Значит, тогда я мог еще управлять своими нервами.

Пусть двое из обвиняемых еще живы[35], но приговор фактически сломал этих людей. Неудивительно, что через несколько лет Микоян выразил свое удивление, когда, встретив меня после всего пережитого, нашел еще довольно бодрым и как бы неунывающим. Я ответил ему, что, конечно, такую встряску можно пережить, но меня вряд ли хватит на вторую подобную передрягу. Я, конечно, не думал, что судьба уже готовила мне новое испытание, потому что снова находилась в руках того же «товарища»…

Но человек живуч. Вопреки ожиданиям позже все почти

повторилось, правда, с худшим и более частым преданием меня анафеме отдельными высшими руководителями[36]. Меня действительно едва не добили, но вот же жив и еще кое-что делаю за письменным столом…

Приказание «привести приговор в исполнение» поставило точку над «и», и мы, разделенные, тут же начали нести наказание.

Такова фактическая сторона дела. Теперь, много лет спустя, когда многое не явное тогда стало явным, появилась возможность более глубоко разобраться во всем этом событии.

Задумывался я потом и над тем, в какой степени подобные люди несут ответственность за допущенное нарушение законности. Могут ли они говорить, что это не зависело от них, что они только выполняли приказ? Приходил к выводу, что они должны нести ответственность наряду с теми, кто им приказывал. В военных уставах говорится, что любой военнослужащий, видя преступность полученного приказа, обязан доложить свое мнение и, только получив вторичное подтверждение, должен исполнять распоряжение. Конечно, вина Сталина несоизмеримо больше, чем вина Ульриха и ему подобных, но оставлять их безнаказанными означает поощрять и впредь единовластие и бездумное выполнение приказов. Мне думается, в назидание потомству следует привлекать к ответственности и прямых пособников беззакония.

Ульрихи должны отвечать за правильность всех вынесенных ими приговоров. Ворошилова полезно спросить, как могло случиться, что сотни, тысячи военачальников не без его ведома были репрессированы. Только в этом случае можно выкорчевать все вредные корни этого бурьяна — культа личности. Иначе он может вырасти вновь.

На этом примере можно проследить, как в условиях единовластия, названного культом личности, и боязни высказывать свою точку зрения всякое исходящее от Сталина дело, подобное снежному кому, вырастало и принимало в конце концов неправильные, уродливые формы. В данном случае безусловно честный человек Л.А. Говоров не посмел возражать, зная позицию Сталина и Булганина; Н.М. Кулаков, как общественный обвинитель на суде чести, применил все свое красноречие, не стесняясь в выражениях, сгустил краски, а когда дело перешло в Военную коллегию Верховного суда, то Ульрих, не считаясь с фактами, просто вынес тот приговор, который ему был подсказан.

Среди весьма печальных воспоминаний, связанных с этим эпизодом, есть одно хорошее: я удовлетворен был лишь тем, что во всех случаях брал вину на себя и не обвинил никого из своих

адмиралов. Об этом я говорил с ними (с Алафузовым и Степановым), когда они, выпущенные после реабилитации в 1953 году, обедали у меня на квартире. На мой вопрос, чем я повинен перед ними, сказали, что я вел себя не только достойно, но и отважно, рискуя собой.

Я некоторое время походил без дела на правах «неприкасаемого» и стал просить использовать меня на какой-нибудь работе. Решил этот вопрос лично Сталин. Он послал меня в Хабаровск заместителем главкома по Дальнему Востоку к Р.Я. Малиновскому[37]. Встретивший меня случайно в Кремле Молотов — ведь я оставался членом ЦК (всего более семнадцати лет) — иносказательно произнес, что «придется на некоторое время съездить туда».

Были еще силы. Были еще сносные нервы, и я, не тужа, отправился на Дальний Восток, благо я там уже бывал и даже полюбил в свое время те края… После естественных переживаний я успокоился и взялся за работу в Хабаровске. Много ездил от Камчатки до Порт-Артура. Был несколько раз на Сахалине и в Дальнем. Через год был по второму разу назначен командовать Тихоокеанским флотом.

Судьба многих оказалась хуже. Искренне и в самой сильной степени переживал, что мои товарищи репрессированы.

Служил я «исправно», без обид на незаслуженное наказание. Поддержкой мне было хорошее отношение как моих ближайших помощников, так и рядового личного состава. Все как-то понимали, что со мной случилось несчастье, как своего рода неизбежная в море случайность. Новые погоны контр-адмирала с одной звездочкой меня ничуть не смущали, и мой авторитет, как я заметил, не особенно пострадал. Пожалуй, наоборот![38] Как в известной детской игре, я спустился на несколько ступенек ниже, чтобы подниматься снова. «Лиха беда начало», — гласит поговорка. Я сбился с «большой дороги» и теперь, с «подмоченной репутацией», был более уязвим, чем раньше.

Постепенно я дослужился до очередного звания — вице-адмирала — по всем правилам прохождения службы, без всяких скидок. Вот так пришлось заново проходить службу в адмиральских званиях: то было вторично полученное звание вице-адмирала. О чем я, конечно, меньше всего думал, так это о том, что мне еще и в третий раз придется носить это звание. Но пути господни неисповедимы! Не отрицаю, недостатки, видимо, были, но законности в снижении меня в звании в 1956 году было еще меньше, чем при Сталине. Просто по указанию Хрущева было вынесено решение без объяснения вины и преступлений. А для того чтобы снизить Адмирала Флота Советского Союза в звании

до вице-адмирала, нужно иметь достаточно оснований, если, конечно, придерживаться законов.

Я забежал вперед. Вернемся к 1951 году.

Новый очередной крутой поворот совершился летом именно этого года. Мне пришлось лететь из Владивостока в Москву на доклад министру ВМФ И.С. Юмашеву. Едва вернувшись, снова был вызван на военный совет ВМФ, и вылетая из Владивостока, гадал о причинах срочного и вторичного вызова. Как всегда, делая одну ночную остановку в Новосибирске, я около 11 часов по московскому времени, кажется 13 июня, приземлился на флотском Измайловском аэродроме. Уже в гостинице от москвичей узнал, что что-то готовится относительно И.С. Юмашева…

Через несколько дней в маленьком зале Кремля, где обычно проходили не очень многолюдные совещания старших руководителей, было собрано Политбюро ЦК под руководством Сталина.

На этом совещании моряков Сталин сидел в стороне. Председательствовал Маленков. Предложили всем командующим флотами высказаться о делах в ВМФ. Я понимал, что мне, бывшему наркому, надлежит серьезно подготовиться и продумать свое выступление, и потому записался для выступления только на следующий день. Выступил. Ни слова по адресу И.С. Юмашева, что считал при всех обстоятельствах неприличным, а ограничился общими флотскими недостатками, требующими помощи Сталина[39]. Сталин, не проронивший ни слова, что-то писал на бумаге, не прерывал меня. Нас отпустили. Сталин только сказал, что «Юмашев пьет», и предложил подумать о его замене.

Все ждали указаний свыше. На следующий день собрались уже в другом помещении (кажется, в кабинете Маленкова), и на вопрос, что мы надумали, естественно, никто не ответил. Тогда председатель взял слово и сказал, что они на Политбюро обменивались мнениями и решили «вернуть Кузнецова». Признаться, этого я никак не ожидал! Возражений не было…

Капризы судьбы иногда были тождественны капризам Сталина. Он приказал снять меня, когда был недоволен моей настойчивостью, а окружение охотно поддакивало (даже в случае, если бы он решил меня арестовать). Когда я служил на Дальнем Востоке (1948—1949 гг.), то чаша весов могла склониться как в сторону реабилитации, так и в сторону более строгого наказания. Позднее, работая в Москве, я услышал от самого Сталина, что «кое-кто»[40] настаивал на том, чтобы «посадить» меня, обещая «важный материал» (о том, что я английский шпион). Я и сейчас

прихожу в ужас, представляя, на каком волоске висела моя судьба. Но ей было угодно подсказать Сталину вернуть меня на работу в Москву, когда появились серьезные претензии к И.С. Юмашеву…

Итак, это произошло летом 1951 года. Во Владивосток я уже не вернулся: мне было приказано немедленно вступить в новую и в то же время старую для меня должность. Придя в кабинет, я удивился, как мало в нем изменилось: на столе стояли те же чернильница и письменный прибор, висели те же картины и даже карты на специальном столе лежали те же. Как будто прошло не четыре года, а всего несколько дней. К И.С. Юмашеву я счел нужным отнестись внимательно и спросил, в чем он нуждается. Обеспечил квартирой в Ленинграде и машиной, именно той (ЗИМ), которую он хотел взять с собой. Я хорошо помнил свой «уход» в 1947 году, когда я, еще оставаясь адмиралом флота, благодаря «вниманию» И.С. Юмашева ездил с шофером А.Т. Твороговым на какой-то старенькой «эмочке», которая больше стояла, чем ходила.

Встал вопрос, что же делать с моим званием. Обсуждали, восстановить мое прежнее звание или дать звание адмирала. Я возразил. Либо восстанавливать и признать первое решение неправильным, либо оставить его в силе.

Пересматривать дело было поручено тому же самому лицу, которому в свое время было приказано «примерно наказать». А.А. Чепцов явился ко мне и спросил, как это лучше сделать. Я ответил, что он «стряпал» дело, пусть и расхлебывает. Смущенно извиняясь, он уверял, что его роль была второстепенной. Кто играл «первую скрипку», я не интересовался. Важно, что он был исполнителем, вопреки фактам и совести коммуниста. Но сошлемся на «культ личности» и не будем судить его (Чепцова) строго. Отстаивать свою точку зрения было небезопасно и далеко не всем по плечу. Читающий может спросить: а как вел себя Кузнецов? Не считаю себя безгрешным или отважным и, очевидно, не раз молчал, когда следовало высказать свою точку зрения, но когда дело касалось моих подчиненных, всегда говорил то, что думал. В этом совесть моя чиста.

Так, по второму разу, я надел погоны Адмирала Флота Советского Союза, что равнялось по уставу Маршалу Советского Союза. Это было в 1953 году[41]. Я снова выбрался на «большую дорогу», обогащенный опытом, как следует вести себя и как находить наиболее разумную линию поведения между соглашательством с совестью и безупречной честностью. Но это не помогло. К тому же я, «набив себе шишку», одновременно закалился и убедился, что все-таки следует отстаивать

государственные интересы и ставить их выше личных. Может быть, это громко сказано, но это так, и я этим горжусь. Не будь я таким при Хрущеве, то, может быть, сохранил бы свое положение…

Сначала все шло хорошо. Но постепенно назревал новый конфликт. Очень сложные отношения с Г.К. Жуковым постепенно стали чувствоваться сначала за кулисами, а потом вышли наружу…

И вновь произошел очередной крутой поворот в моей жизни.

Но прежде чем продолжать, стоит вернуться немного назад и подвести итоги своих наблюдений и впечатлений за предвоенный и военный периоды. Именно в эти годы, не сразу, а постепенно, у меня складывались мнения о людях, с которыми пришлось иметь дело. Эти мнения потом под давлением фактов немного менялись, но в основном они сложились тогда. Стремясь быть объективным, скажу лишь кратко о некоторых из них.

Наркомат ВМФ после выделения в 1938 году[42] занимал особое положение. Если все наркоматы, за исключением НКО, НКИД и НКВД, замыкались на одного из заместителей Предсовнаркома, то Наркомат ВМФ подчинялся непосредственно Сталину. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что некоторые важные вопросы решались быстро в самой высшей быстрой инстанции, а плохо потому, что никто иной (даже Молотов), кроме Сталина, их не хотел решать. Время же было предвоенное, и вопросы флота, которыми Сталин много занимался до осени 1939 года (подобно судостроительной программе), были отложены до лучших времен. Оперативные же вопросы и вопросы боевой готовности были фактически поручены наркому обороны и начальнику Генштаба, которые ограничивали свои функции и ответственность только делами Наркомата обороны. Моряки оказались, так сказать, «в подвешенном состоянии» в самом главном, когда назревала война, так как флотские вопросы для Наркомата обороны висели «камнем на шее»… Этому есть свои объяснения. Тимошенко и Жуков пришли в Наркомат обороны тогда, когда у них действительно было много дел по чисто сухопутной части. К тому же Сталин сковывал их инициативу, ни разу не собрал нас всех вместе по оперативным вопросам, чтобы выяснить, как вдет подготовка к войне, и дать нужные указания. Я однажды затронул такой вопрос, но Сталин ответил, что «когда будет нужно, вы получите указания». Это говорит о том, что, по-видимому, он боялся раскрыть свои секреты и не ждал скорой войны. Мне думается, по этой же причине не пересматривались и оперативные планы до последнего времени.

Маршал Тимошенко в 1967 году, находясь рядом со мной в больничной палате на Грановского, попросил у меня «кое-что почитать» про флот. Я дал ему несколько книг. Как мне показалось, узнанное стало для него открытием. Но к делу применять это было уже поздно. Тогда же он признался, что Жуков по своему характеру «не лучший» начальник Генштаба.

Сталин был фактически главой государства, а Молотов — его ближайшим помощником. Осторожный, он решал много вопросов, но большинство важных дел обязательно докладывал Сталину. Ему и Жданову[43] перед войной было поручено «шефствовать» над флотом, и они в какой-то мере помогали мне, но все же чаще предлагали «написать товарищу Сталину». Не зная, как будет реагировать «хозяин», опасаясь попасть из-за флота в неудобное положение, если окажется, что Сталин имеет иное мнение, чем моряки, они отказывались даже «проталкивать» вопросы. Бывало и так, что, обещая поддержать меня, они меняли свое мнение «на ходу» в кабинете Сталина, определив «направление ветра». Но мне так поступать было нельзя.

Когда речь идет о моем положении (отвлекаясь от общих флотских дел), то можно сказать, что я имел своим прямым начальником самое высокое лицо в государстве и в то же время не имел такого «шефа», с которым мог бы в любой день обстоятельно побеседовать и доложить ему о своих флотских нуждах. Когда я начинал надоедать своими просьбами Молотову или Жданову, то они сердились и прямо говорили, что мое дело как наркома добиваться приема у Сталина и просить его решить их. Но чем ближе к войне, тем Сталин все больше отклонялся от флотских вопросов текущего порядка «Нет худа без добра», — гласит мудрая поговорка. Это приучило меня к самостоятельности и вынуждало в отдельных случаях самому принимать ответственные решения. Пожалуй, этим я обязан и тому, что в канун войны, не ожидая приказаний свыше, я принял ряд решений по повышению боевой готовности флотов, в том числе перевел их на готовность № 2, когда к 19 июня признаков войны стало особенно много.

Так или иначе, но у меня была возможность с вершины флотской иерархической лестницы иметь дело с высокими политическими и государственными деятелями. Бывая у Сталина, Молотова, Жданова и других, я, естественно, вольно или невольно знакомился с системой работы в верхах. Я не собираюсь давать им оценку как политическим деятелям, потому что не считаю себя достаточно компетентным для такой оценки, да и не пытаюсь это делать. Это потребовало бы от меня ознакомления с материалами, которыми я сейчас не располагаю. Поэтому

ограничиваюсь рассмотрением этих людей только под углом зрения отношения их к флоту и только за тот период, когда я был наркомом или Главнокомандующим ВМФ. Политическую оценку дадут им более сведущие в этом отношении люди, а я высказываю свое мнение лишь относительно флотских вопросов, которые часто решались только со мной. Многие из них не фиксировались на бумаге. Много рассуждений на совещаниях или в частных беседах также нигде не зафиксированы и не могут быть переданы никем, кроме меня. Кроме того, это мне следует сделать, как кажется, еще и потому, что флотские вопросы даже для этих самых высоких лиц были часто второстепенными и могли не отложиться в их памяти или запомниться в значительно меньшей степени, чем мне. Ведь для меня эти вопросы были самыми главными в жизни и работе.

Итак, если в бытность Сталина все основные вопросы решались только по его указаниям, то флотские как-то особенно замкнулись на него, и не было ни одного руководителя, который бы взялся за их решение. Даже когда он иногда и поручал кому-либо вести текущие флотские вопросы, они весьма неохотно брались за это дело и, как я уже заметил, ничего самостоятельно не решали, а при первой возможности стремились от них отделаться, столкнуть это «кляузное» дело на кого-нибудь: косо смотрели на меня — дескать, навязался ты со своим флотом. Причины заключались в том, что флот очень дорог и вопросы его очень сложные. Нужно было в них детально разбираться, чтобы сознательно принимать решения, а на это ни желания, ни времени не было. Решения Сталина по флоту никогда нельзя было предугадать, как и трудно угадать правильное решение, и поэтому часто получалась неприятность. А этого в последние годы часто боялись все его соратники. Если мы, моряки, по долгу службы вынуждены были получать упреки, то те, кому это было необязательно, всячески старались избавиться от такой дополнительной нагрузки, которая почти никогда не обещала похвалы, но обещала много неприятностей. Флотские вопросы были для них такими, что ради них они не собирались портить отношение или навлекать на себя неудовольствие вождя.

После войны военными и флотскими вопросами занимался Булганин, как ближайший помощник Сталина по военным делам. Он избрал худший путь — не отказывался от нас, но и ничего не решал. Все осталось в стадии «подработки». Флотские вопросы он не любил, зная, что с моряками нетрудно было нарваться на неприятности. Поэтому все трудное и принципиальное откладывалось «до лучших времен». Даже поставленные мною вопросы о крупных недостатках на флоте (после войны), хотя

ради формальности и рассматривались, но потом загонялись в такой угол, откуда решений ждать было нельзя. Такая участь постигла мой доклад от 31 июля 1952 года. В нем я писал, какие крупные недостатки у нас существуют в судостроении, на что расходуются миллиарды. Все это было похоронено в кулуарах Булганина.

Когда в апреле 1939 года я был утвержден в должности наркома ВМФ, Сталин уже не переносил возражении. Вокруг него образовалась своего рода плотная оболочка из подхалимов и угодников, которые мешали проникнуть к нему нужным людям. Нам, молодым, поднятым волнами «неспокойного» периода 1937—1938 годов и пытавшимся по неопытности «свое суждение иметь», приходилось быстро убеждаться, что наша участь — больше слушать и меньше говорить. Авторитет, созданный Сталину в предвоенные годы в годы первых пятилеток, рост могущества нашей страны и выход ее на мировую арену заслоняли от нас все отрицательное. Что касается лично меня, то я тогда преклонялся перед авторитетом Сталина, не подвергая сомнению что-либо исходящее от него.

Но уже в начале работы в Москве я, разбираясь с военно-морскими вопросами, обнаружил, что меня стали озадачивать некоторые его решения. Так, выслушав мой доклад, в котором я убедительно доказывал большое значение зенитного вооружения для современных кораблей (так меня учили и в училище, и в академии), Сталин заявил, что «драться возле Америки мы не собираемся», и отверг мои предложения. Зная, что от самолетов можно потонуть и в 1000 км от своих берегов, и в каких-нибудь 50 км, и в базах, я не мог признать правильными рассуждения «великого вождя». К сожалению, по нашим вопросам подобных примеров было много (о чем я еще скажу), больше, чем по армии, которую Сталин знал лучше флота.

Сталин проявлял непонимание и в вопросах организации и боевой подготовки флота. Но здесь он больше прислушивался или, вернее, не вмешивался и разрешал нередко проводить мероприятия, о которых ему было достаточно устно доложить и спросить разрешения.

Выдерживая основную линию, которую он давал, как правило, удавалось внести нужные коррективы с учетом флотской специфики, хотя не всегда удачно и полноценно. Так, например, уже непосредственно перед войной кто-то предложил обмундирование солдат и матросов не считать их собственностью и требовать сдачи его при увольнении. При 5-летнем сроке службы на флоте это приводило бы только к менее бережному отношению матросов к своему обмундированию. Безусловно,

было выгоднее передавать его в собственность матросов после известной выслуги сроков. Но когда я упорно настаивал на этом, доказывая, что применять положение армии к флоту неправильно с государственной точки зрения, Сталин, соглашаясь со мной, все-таки не захотел уступить и приказал мне дать предложение, сколько следует выплачивать матросам для покупки ими штатского платья. Такое решение было принято, и для государства получился прямой убыток, ибо ничего ценного матросы, уходя со службы, все равно не сдавали да еще получали деньги, а главное — были лишены стимула к бережливости.

Разрешения Сталина зависели не от твоего убеждения и даже очевидной правильности предложения, а от его неподдающегося учету настроения, от возникших в данный момент его мыслей. Поэтому, докладывая, я никогда не был уверен, что мое предложение будет принято и с его стороны не возникнет какого-нибудь совсем противоположного предложения. При этом, естественно, как я уже сказал, весьма отрицательно влияли «дружные» голоса его соратников, сливавшиеся в хор и поддерживавшие любое предложение Сталина. По флотским вопросам это выглядело просто смешно, ибо не только мало кто вникал в них, но не всегда даже был знаком с их существом. Часто я выходил из его кабинета с самым тяжелым настроением и чувством безнадежности добиться разумного решения.

Сначала я пытался все недоразумения приписывать своей неопытности докладывать. Стал применять различные приемы. Но и этим я не добился желаемых результатов. С огорчением приходил к выводу, что Сталин не желает вникать во флотские вопросы и поэтому принимает неправильные решения. Такие выводы я сделал только по своему военно-морскому ведомству. «Непонимание» морского дела происходило на фоне хорошего отношения к флоту в целом. Я болезненно переживал это.

Тогда еще Сталин с полной энергией руководил партией и государством. Мне довелось наблюдать его старение и превращение в «непререкаемый авторитет», который перерос во вредный «культ личности».

В те годы, когда Сталин много работал сам, я выработал определенную систему проталкивания вопросов. По требующим решения правительства вопросам писал доклад на имя Сталина и копию тому заместителю, который ведал в данный момент флотом. Как правило, ответа не получал. Без указания Сталина никто не хотел дать докладу то или иное направление. Отправив документ, я обычно копию брал себе, держал ее в своем портфеле на тот случай, если попаду к Сталину и обстановка будет благоприятной, чтобы доложить устно. Бывало, накопится таких

копий пять-шесть, а то и больше. Я располагал их по степени важности, восстанавливал в памяти справочные данные и, когда был вызов в Кремль по какому-нибудь стороннему вопросу, брал их с собой. Обычно в кабинете Сталина находилось несколько человек из его окружения, всегда торопивших тебя, а как только вопрос решался, делавших знак «уходи, не задерживайся». А я выбирал момент и просил разрешения обратиться по другим «срочным и важным» вопросам.

Сталин обычно соглашался выслушать. Сидевшие же рядом с ним начинали коситься на меня, дескать, что лезешь с какими-то маловажными морскими делами. Но я, достав копии, начинал: вот, мол, «крайне желательно решить такой-то вопрос, по которому я вас, товарищ Сталин, уже просил такого-то числа». Кратко я докладьшал содержание. Сталин выслушивал и тут же на копии накладывал свою визу-резолюцию. И тогда все шло без задержки. Хуже, если он поручал кому-нибудь разобраться. Это означало: предстоит длинный путь согласований, утрясок… Иного пути не было.

Настойчиво добиваться приема у Молотова и Жданова не было смысла. Обычно кончалось тем, что я получал указание написать в ЦК, что означало — Сталину, и снова переходил на свою систему «проталкивания». Это заставляло меня пробиваться к Сталину и просить так или иначе решить наболевшие вопросы. Но добиваться приема становилось все труднее и труднее. Сталин поручал кому-нибудь разобрать поднимаемые мною вопросы, тот отвечал, что все будет сделано, и сказка про белого бычка начиналась сначала.

Когда в 1947 году я был переведен на другую работу, Сталин еще лично руководил совещаниями как гражданских, так и военных. Когда же я вернулся на работу в Москву в 1951 году, обстановка была уже совсем иная. Даже на совещании в ЦК по флотским вопросам (замена министров ВМФ) он был всего два раза, а затем поручил вести его своим заместителям.

В разговорах (у себя в кабинете он появлялся все реже и реже) все чаще жаловался на старость, говоря полушутя-полусерьезно, что ему все чаще приходится нервничать и ругаться. За последние полгода я видел его раза два[44]. Руководство делами перепоручил своим замам. Крупные вопросы было придумано решать «тройками» или «пятерками». Маленков и Берия были тогда у Сталина в почете. Молотов — в тени, а его жена — П.С. Жемчужина — находилась в заключении. В то время Булганин всеми силами старался попасть в состав «всесильной тройки». Выработанные проекты решений посылались Сталину на утверждение. Позднее же составлялся и отсылался ему на дачу

просто длинный перечень вопросов, а его виза служила одобрением всего перечисленного.

На наших глазах происходило снижение активности Сталина, и государственный аппарат работал все менее четко. Существовали только умелые отписки. Отправление бумаг в адрес какого-нибудь министра формально снимало ответственность с одного и не накладывало ее на другого, и все затихало «до лучших времен». Все понимали, что в государстве происходит что-то ненормальное. Образовался какой-то «центростоп», по выражению самого Сталина, но изменить положение никто не брался, да и не мог. Руководители министерств стали приспосабливаться к такой бессистемной системе.

Так тянулось до марта 1953 года.

Задумываясь над этим, я не раз вспоминал его (Сталина) рассуждения, высказанные им после Парада Победы в 1945 году и в 1952 году на Пленуме ЦК партии о «вынужденном» уходе от руководства страной. Трудно сказать, было это искренним желанием переложить тяжкий труд на более молодого и здорового человека или стремлением убедиться, что все предпочитают его.

Но было бы действительно правильно, если бы он отошел от руководства таким огромным государством. В наш неспокойный век нетерпимо находиться во главе страны в болезненном состоянии. Интересы народа и дела требуют вовремя передавать бразды правления. Это должен понимать сам руководитель, а если он не понимает, нужно каким-нибудь законом помочь ему в этом…

Мое назначение наркомом ВМФ совпало с периодом самого широкого разворота строительства флота. Тогда были приняты решения по созданию «крупного морского и океанского флота» — этим лозунгом еще серьезно руководствовались ближайшие помощники Сталина — Молотов, Жданов, Каганович и другие, и большая судостроительная программа реализовывалась полным ходом. Во главе Наркомата судостроительной промышленности находился умный и энергичный И.Ф. Тевосян[45]. С другой стороны, к этому времени на флотах произошли крупные перемещения руководящего состава и было выдвинуто много молодых и недостаточно опытных командиров.[46]

Основными вопросами, которые я готовил и должен был лично докладывать, были вопросы по утверждению оперативно-тактических заданий на заложенные или закладывающиеся корабли. Если совещание было небольшое, то собирались, как правило, в кабинете Сталина, а если приглашенных было много, то в одном из небольших залов в Кремле. Предварительная

подготовка всех вопросов поручалась Молотову и Жданову, и они, передавая те или иные указания Сталина, требовали доложить им подготовленный мною вопрос или документ. С первых же заседаний мне бросилось в глаза, что предварительная подготовка для моих «шефов» не имеет большого значения. Они весьма просто меняли свои мнения, высказанные еще вчера, если Сталин высказывал свои, являвшиеся для них законом. Противоречить никто не решался. Но решающее мнение Сталина часто не совпадало с моим, как специалиста-моряка, а я не мог рассчитывать на поддержку Жданова или Молотова и должен был полагаться только на себя. Что мне не следует надеяться на кого-либо, а нужно самому стараться доказать все Сталину, это я понял сразу. Сталин никогда раньше не соприкасался с флотом. Если армейские вопросы его занимали еще в годы гражданской войны и в мирный период строительства Вооруженных Сил, то с флотскими проблемами правительство вплотную столкнулось в середине 30-х годов. Проводимая политика и выход страны на мировую арену подсказывали, что без флота делать это уже невозможно. Национально-освободительная борьба в Испании явилась одним из ярких тому доказательств. С одной стороны, я наблюдал доброжелательное отношение Сталина к флоту, с другой — видел его недостаточную компетентность в морских вопросах и нежелание прислушаться к морякам-специалистам. Можно привести пример, когда при обсуждении оперативно-тактических элементов новых кораблей я обращал внимание на необходимость иметь более или менее одинаковую дальность плавания линкоров и крейсеров и на желательность по возможности увеличить запас хода эсминцев, которые призваны сопровождать эскадру. Сталин не придавал этому значения, заявляя, что для пополнения кораблей всем необходимым будем иметь базы где нужно.

В подобных вопросах, когда Сталин недопонимал их значение, судостроители обычно брали верх и хором поддерживали его, а мои шефы, Жданов и Молотов, как правило, молчали, выжидая, что окончательно скажет Сталин. Если моряки проявляли достаточную настойчивость и упорство, тогда удавалось в конечном счете добиться нужного решения. Но если моряки не настаивали на своем, гражданские специалисты-судостроители проводили свои взгляды, часто выгодные для них, но неправильные с точки зрения военных моряков.

После XVIII съезда партии мнение Сталина считалось уже неоспоримым. Беру для примера всего один крупный вопрос: судостроительная программа. Неизвестно почему, скажем, нравились Сталину тяжелые крейсера, и никто не смел

высказывать иного мнения. «Сталин обещал голову снести тому, кто будет против этих крейсеров», — сказал мне однажды крупный работник Наркомсудпрома А.М. Редькин. И все молчали. Но это было до Великой Отечественной войны. А Сталин предложил заложить такие же крейсера и после войны, когда это уже было нелепо, и снова непререкаемость его мнения сыграла отрицательную роль. Это и был культ в отдельной — флотской — отрасли.

Когда закончилась война и встал вопрос о новом плане судостроения, разгорелись споры с представителями Наркомата судостроения, а после моего ухода[47] они провели у Сталина все свои положения во вред делу. Так, они согласились на постройку тяжелых крейсеров, которые явно после войны были не нужны современному флоту. Так ввиду трудности постройки были «зарезаны» авианосцы, на которых я настаивал, так мы долго задержались на старых подлодках. Много, много подобных вопросов было решено после войны явно неправильно и во вред делу только потому, что Сталин, не понимая их, уже никого не слушал и не терпел возражений. Судостроители же (Малышев и Носенко) исходили из интересов своего ведомства, а моряки не были в состоянии доказать свою правоту. В это время особенно отрицательно сказалась неустойчивая позиция Жданова и Булганина, которые не хотели возражать Сталину.

На личном опыте я убедился, что Сталин не любит, когда по своей инициативе или на его вопрос: «Как дела?» — ему отвечают, что дела обстоят неважно, плохо. Убедился я и в том, что ближайшие его соратники, отлично зная этот недостаток, стремятся угодить ему. О недостатках ему следовало докладывать на фоне общего благополучия, к тому же не сгущая красок. Мне приходил на память испанский обычай никогда не говорить своему начальнику прямо «нет». Бывало, спросишь у шофера: «Готова ли машина?» — а он никогда не ответит прямым и коротким «нет», а начнет с вежливого: «Си, сеньор» («Да, сеньор») — и только потом добавит: «Но, но листа» («Нет, не готова»). Когда я попадал к Сталину, естественно, я стремился высказать наболевшее и решить самое трудное. Такая непосредственная постановка вопросов тактически была неправильной. Сталин настораживался, недружелюбно поглядывал на меня и слушал с недоверием. С годами это приняло более выраженный характер. Обычно окружавшие его и хорошо знавшие это люди тоже недоброжелательно встречали такие доклады. Они знали, что это могло испортить настроение на весь вечер. А у меня как раз всегда были «неполадки». И, стараясь сделать лучше для дела, я, отправляясь в Кремль, подбирал именно то, что не доставляло

удовольствия начальству.

После войны, когда окружение Сталина соревновалось в угодничестве, встречи с ним стали редкими. Почти все вопросы (в том числе и военные) теперь решались его заместителями. Наш наркомат был «упразднен». Фактически наркомом или министром обороны являлся Булганин. С флотскими делами стало совсем худо. Не любя флота, а также не желая разбираться в его сложных и дорогостоящих проблемах, он старался где только можно «задвинуть» их на задний план или решить в пользу Наркомсудпрома…

Редко появляясь в Кремле (а больше на ближней даче), Сталин после настойчивых просьб принимал всего на несколько минут, как всегда, в окружении своих ближайших помощников. Тратить время на «приятные» доклады мне не хотелось, и я обычно начинал с самого трудного, а стало быть, с самого неприятного. Большинство из присутствовавших слушали это недоброжелательно или, в лучшем случае, безразлично. Булганин же метал взгляды: доклады, как правило, шли вразрез с его мнением или прямо содержали жалобу на него. Если Сталин поддерживал меня, то все поддакивали, и принималось нужное мне решение. Чаще же всего было иначе. Стоило ему высказать сомнение в правильности моих доводов, как все дружно утверждали, что я не прав. В таком случае разумнее всего было «сматывать удочки». Но я по своему упрямому характеру продолжал настаивать и доказывать. Я не подходил для того, чтобы безропотно подтверждать все глупости Булганина, а потом, когда ему будет угодно, так же безропотно подставлять свою голову под удар за его ошибки…

Когда в 1951 году при загадочных для меня обстоятельствах я снова очутился в должности министра ВМФ, физически слабый Сталин уже совсем не хотел слышать про недостатки. Зная об этом, окружение тешило его докладами розового цвета. «Не следует беспокоить вождя», — сказал мне однажды Маленков, когда мы отправлялись на дачу. Он знал мой строптивый характер. Но и я знал, что предметом разговора будет как раз мой большой доклад Сталину о крупных недостатках в судостроении. Откладывание из года в год всех сложных вопросов по судостроению привело к тому, что выпускались только старые корабли. Вот об этом я и написал. Когда расположились за столом, Сталин поднял мой доклад и, обращаясь ко всем, спросил: «Так ли это?» — «Кузнецов сгущает краски», — бросил кто-то реплику. «Ну, посмотрите», — ответил Сталин и бросил доклад на середину стола.

Перешли к другим вопросам, и я понял, что все это мне

даром не пройдет. Вместе со своим докладом я был отдан в руки «тройки»: Булганин, Берия, Маленков. Вот здесь и нужно искать причины моих дальнейших злоключений. Булганин окончательно возненавидел меня. Находясь тогда в тесной дружбе с Хрущевым, он передал ему всю свою ненависть ко мне. Но это уже другая тема.

Таким образом, за все годы работы в Москве, как до войны, так и после, мне не удалось, как и другим наркомам (это я хорошо знаю), наладить регулярные доклады Сталину как Предсовнаркому или Предсовмину. Организационно решение вопросов наркомов у Сталина не было упорядочено. Определенного дня приема не существовало. Настаивать на приеме наркомы также не имели возможности. Бумаги, которые писались, куда-то уходили, и никто не считал своим долгом даже ответить на них…

Вот почему от всей службы в Москве у меня осталось значительно больше горького осадка, чем приятного удовлетворения. Очень трудно работать, когда ты не знаешь, по каким законам решаются твои вопросы, когда решения зависят не от тщательности подготовки или умения доложить, а от настроения начальства. Я уже не говорю о том, что в конечном счете ты все равно будешь виноват, даже если ты и был противником какого-нибудь решения. Тебе же скажут, что не сумел настоять на своем.

Анализируя все это длительное время работы в Москве, я пришел к глубокому убеждению, что Сталин, будучи сторонником флота, рассчитывал на него опираться в решении своих политических задач, но к решению задач по созданию флота практически он подходил неправильно и не всегда грамотно. А так как в силу ряда причин влияние флотских руководителей было недостаточным, армейские взгляды всегда превалировали в верхах. Если мне надлежало изменить сложившуюся обстановку, то должен признаться, что с этим я не справился, хотя не могу признаться в том, что мало работал или недостаточно смело добивался нужных решений. Я никогда не считал флотские вопросы более важными, чем общеармейские. Для меня было ясным, что задачи флота у нас более ограниченные, чем у морских держав. Но я считал правильным, что и при этих ограниченных задачах флот должен находить свое заслуженное место и решать все свои проблемы. Однако, так и не добившись того, к чему стремился все время — это внести ясность во все флотские вопросы, привести все в соответствие с теми задачами, которые стоят перед флотом в случае войны, — я потерпел фиаско. Не буду оспаривать это и буду доволен, если моим

преемникам посчастливится на этом поприще больше, чем мне, а главное — все вопросы найдут должное решение.

Самые же тяжелые минуты огорчения пришлось пережить во время войны, когда оперативно-тактические вопросы заслонили все остальное, когда флоту пришлось вступить в войну, только начав осуществление судостроительной программы. Новые корабли были на стапелях, когда разразилась Великая Отечественная война.

Внезапность нападения немцев флот перенес без существенных потерь. Если говорить серьезно, то трудно и думать о какой-то действительной внезапности, когда в мире уже два года бушевала война и все передвижения противника были известны. Налеты немецкой авиации в ночь на 22 июня 1941 года были отражены флотами без потерь, флоты были рассредоточены и затемнены, а все самолеты своевременно обнаружены и обстреляны зенитным огнем. Но это не было результатом организованной подготовки флотов и указаний со стороны Сталина, который официально замыкал на себе командование ими. Мы и через Генеральный штаб не получили никаких указаний (лишь вечером накануне было сказано о возможности нападения немцев в ближайшее время). Такое начало войны говорит о том, как мало уделялось в верхах внимания оперативно-тактической подготовке Вооруженных Сил в целом, и флота в частности.

По мере знакомства со Сталиным и его системой руководства наркоматами меня удивляло отсутствие четкой организации. Мне всегда казалось, что у Сталина не было системы в деле руководства, что помогало бы ему все охватывать и как бы равномерно следить за всем. В практической жизни приходилось наблюдать, как командир корабля или его старший помощник не справлялся с делом, если пытался все делать только сам, лишая инициативы подчиненных. Масштабы другие, но законы те же, когда речь идет о государственных делах. Именно это непонимание значения организации во всех звеньях государственного аппарата привело к излишним жертвам во время финской войны и тяжелому начальному периоду Великой Отечественной войны. Как мог политик и государственный деятель не интересоваться, с какой военной организацией мы собираемся начать войну с финнами? Поэтому она и руководилась распорядительным порядком из кабинета Сталина… Ответственность расплылась и потонула в различных инстанциях центра. Опыт финской войны впрок не прошел. Отсутствие системы мы прочувствовали с особой остротой в первые дни Великой Отечественной войны. Государственная

машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв.

В этой области я могу привести параллели с вопросами технического порядка, где, как я уже сказал, у руководства и лично у Сталина были большие планы, но реализация их происходила плохо и неорганизованно. О том, что нужно строить большой флот, было сказано, а кому этим надлежит повседневно заниматься, указано не было, и при переходе к практическому разрешению этак вопросов все повисло в воздухе.

По оперативным вопросам и вопросам боеготовности Вооруженных Сил были какие-то планы у руководства и у Сталина, но было очень мало сделано в практическом проведении намеченных или имевшихся в голове планов. Была кинокартина «Если завтра война», которую Сталин любил смотреть и показывать заграничным гостям даже после войны. Но, как показал опыт, поставить кинокартину — это одно, а на деле подготовиться к тому, чтобы «ни одного вершка своей земли не отдать никому», — это другое и значительно более трудное и кропотливое дело.

С осени 1939 года, когда немцы напали на Польшу и война уже фактически стояла у дверей, разговоров об усилении Вооруженных Сил и приведении их в полную боевую готовность было много, но все они ограничивались крупными планами, а к делу от слов переходили плохо. У нас не существовало специального государственного органа, который бы занимался подготовкой страны к войне. Генеральный штаб, считавшийся высшим оперативным органом, занимался главным образом вопросами Наркомата обороны, подготовкой же всей страны к войне почти не занимался. Самостоятельно разработкой планов он также не мог заниматься и ждал указаний свыше, а это «свыше» заключалось уже в те дни в одном лице — Сталине. Флотскими вопросами Генштаб совсем не занимался, если не считать некоторых вопросов мобилизации и призывников.

Сначала я пытался все вопросы согласовывать с наркомом обороны или Генштабом. Но получал ответы, что они этим заниматься не могут, пока не получат указаний Сталина. Рекомендовали обращаться туда. Попытки втянуть наркома обороны в морские дела успехом не увенчались. С.К. Тимошенко уклонялся от всех моих приглашений на заседание Главного военного совета ВМФ по тем вопросам, которые, как мне казалось, касались его, как старшего военного начальника, не меньше, чем меня. Г.К. Жуков после первого грубого разговора

отбил у меня охоту вести с ним деловые разговоры.

Оставалась одна возможность — докладывать все флотские оперативные вопросы Сталину. В предвоенный период это были вопросы повышения боевой готовности флотов, базирования кораблей и разработки ряда документов на случай войны. То, что эти вопросы как-то проходили мимо Генштаба, особенно бросилось в глаза потому, что я как нарком Военно-Морского Флота ожидал, что буду в известной степени привлекаться к разработке всех военных проблем в части, касающейся флота, но постепенно я разочаровался, а потом и совсем убедился, что решения возникают и принимаются где-то вверху и без предварительной проработки их с соответствующими органами. Может быть, это будут отрицать армейские товарищи и лица, возглавлявшие в то время Генеральный штаб, но то, что касается флотских дел, я могу с полной уверенностью заявить — это было так.

В Генеральном штабе тогда не было ни одного флотского представителя, который мог бы что-либо грамотно посоветовать по морским вопросам, а меня и Главный морской штаб никто не спрашивал. Специалистов по флотским вопросам из армейских товарищей, которые знали бы нашу обстановку, я тоже не могу назвать. Значит, остается признать, что флотским вопросам не придавалось большого значения и с моряками не только не советовались, но они даже не информировались как следует.

Как могло произойти, что наступление наших войск на Польшу и переход границы после нападения немцев на Польшу в сентябре 1939 года произошли даже без извещения меня об этом, хотя Пинская флотилия должна была участвовать в этой операции? Я с возмущением заявил об этом Молотову, сказав, что если мне не доверяют, то я не могу быть на этой должности. Он в ответ предложил мне читать сообщения ТАСС, которые приказал посылать мне с этого дня. Но разве это дело — наркому Военно-Морского Флота узнавать о крупных военных и политических (особенно военных) событиях, которые его касаются, из иностранных источников?!

Этот пример я привел для того, чтобы показать, насколько неупорядоченно обстояло дело с разработкой в центре крупных вопросов и планов намечавшихся операций, а стало быть, и с тщательной подготовкой проведения этих операций.

Впервые я удивился отсутствию указаний из центра еще будучи командующим Тихоокеанским флотом в 1938 году во время хасанских событии, которые могли перерасти в более крупную авантюру со стороны японцев и потребовать более подготовленных и организованных действий с нашей стороны. Тогда мне было просто непонятно, чем это объяснить.

Неосведомленность о действиях на Западной Украине и в Западной Белоруссии, когда меня совсем не поставили в известность, уже обеспокоила, но, к сожалению, даже после моего решительного протеста по этому вопросу положение не изменилось… Еще больше меня поразили методы подготовки и «планирование» наступления на финском фронте в зиму 1939/40 года — результаты служат подтверждением этого.

Закончилась война с Финляндией, и, казалось, были вскрыты крупные недостатки в системе подготовки, принимались меры по их исправлению. Ворошилова на посту наркома обороны заменил Тимошенко[48]. Но совсем не изменилась обстановка в руководстве всеми Вооруженными Силами и страной в военном отношении.

Освобождение Бессарабии летом 1940 года происходило также без какого-либо планирования, подготовки и согласованности всех Вооруженных Сил. Вспоминаю, как уже в последний момент мне было сказано, что через несколько дней последуют определенные действия на суше против Румынии и Черноморскому флоту надлежит быть готовым выступить в случае серьезного сопротивления. Мне ничего не оставалось, как, быстро дав указания, самому выехать в Севастополь и лично обсудить все с комфлотом, а потом выйти на эсминце в Одессу для личной связи с находившимися там Тимошенко и другими армейскими начальниками.

В конце 1940 года мирный договор с Германией уже давал трещину, а ее победоносное шествие по Европе заставляло нас «порох держать сухим» и быть в готовности к более крупным испытаниям.

Какую картину я наблюдал в деле подготовки к большой войне в этот последний предвоенный период? С одной стороны, делалось все возможное, чтобы обеспечить себе исходные позиции на случай войны с Германией — границы были отодвинуты от Ленинграда, а Эстония, Латвия, Литва присоединены окончательно и вошли в состав СССР. Материальные средства выделялись в нужном количестве как армии, так и флоту. Все просимое давалось, корабли строили быстрыми темпами, базы на Балтике и Черном море укреплялись

в пределах новых границ. Личный состав призывался в нужном количестве.

Но отсутствие четко выработанных планов для Вооруженных Сил в целом на случай войны оставалось самым слабым местом. Не было сформулировано задач каждому виду Вооруженных Сил. Несмотря на печальный опыт, совсем не двинулось дело по отработке согласованных совместных действий армии, авиации и флота. А о необходимости этого говорил наш опыт проведенных операций и опыт идущей мировой войны. Все мои попытки найти понимание в Генеральном штабе не увенчались успехом. Даже мелкие вопросы, которые, казалось, Генштаб мог решить, подобно предложенному мною вопросу о едином командовании и разработке совместного плана обороны Либавы, никто не решал.

Этим, то есть отсутствием четких задач и планов в верхах, я объясняю поражение наших войск в первые месяцы войны. Наличие огромных армий, богатой и многочисленной техники, прекрасных солдат и командиров разбилось об отсутствие четкого руководства, своевременных приказаний и согласованных действий между армией, авиацией и флотом. Это, как известно, стоило огромных лишних потерь и, нужно прямо сказать, поставило страну в известный период в критическое положение.

Имея за плечами небольшой опыт испанской войны, хасанских событий и наблюдая за развернувшейся войной в Европе, я был убежден, что у нас нет настоящей повышенной боевой готовности, такой, которая позволила бы в случае необходимости буквально через несколько часов привести всю нашу военную машину в полную готовность к действию. Времени для этого было достаточно. Война началась 1 сентября 1939 года, и нельзя было ни одного дня почивать на лаврах, если в Европе уже полыхает такой пожар. Требовалась тщательная, скрупулезная подготовка всех видов и родов Вооруженных Сил, такая подготовка, что нажатие кнопки, телефонный звонок, передача одного условного сигнала приводили бы все в боевую готовность и каждый знал бы, что ему делать. Без этого современные армии не могут успешно действовать. Элементы организации сложных совместных действий имеют решающее значение в современной войне… В последние две недели перед войной было уже много явных признаков надвигающихся событий.

Когда я убедился, что не в состоянии доказать необходимость ряда оперативных мероприятий в Генштабе и у Сталина, добиться разработки плана оперативных готовностей для всех Вооруженных Сил, я решил делать самостоятельно для флотов то, что могу, и даже то, что иногда выходило за пределы моей

власти. За несколько недель до начала войны я перевел флоты на учебные оперативные готовности с фактическим затемнением всех баз, что позволило перевести их на настоящую боевую готовность № 1 (когда я получил сообщение, не приказание) уже вечером 21 июня 1941 года — все флоты находились в полной боевой готовности, способные отразить и отразившие атаки противника в эту решающую ночь.

Все это я привожу в доказательство того, что Генштаб совсем не занимался флотскими вопросами, иначе от него поступили бы хоть какие-нибудь запросы или указания о боевой готовности флота. Не интересовалось и не давало никаких указаний и высшее руководство… Даже в канун войны, 21 июня 1941 года, я не был вызван никуда в правительство, а только вечером был приглашен в кабинет к Тимошенко, который информировал меня (и не больше) о том, что возможно наступление немцев в эту ночь. Судя по тому, что делалось в его кабинете, указания были здесь получены еще днем, но флот никто не считал своим долгом даже поставить в известность.

Доказательством того, что флот находился в достаточной боевой готовности, служит своевременное обнаружение первых налетов авиации немцев и отражение их без потерь в корабельном составе.

Когда в 3 ч 07 мин 22 июня самолеты противника совершили налет на Севастополь, я немедленно[49] по телефону получил сообщение об этом и об отражении атаки немцев. Мое донесение правительству было первым докладом о начавшейся войне. Вспоминаю, как недоверчиво отнеслись сначала к моему сообщению о фактическом налете авиации немцев.

Казалось, теперь следовало бы немедленно вызвать меня и спросить, что делает флот и какова его готовность. Но такого вызова не последовало, и я решил, что обязан сам делать то, что считаю нужным, не ожидая указаний свыше. Значит, по каким-то причинам начальству не до меня, не до флота. Генштаб, как я убедился, вечером 21 июня целиком был поглощен своими армейскими делами и едва ли, заключил я, найдет время заняться флотом.

В такой обстановке в самые решительные дни начала войны нельзя было даже говорить о правильных или неправильных указаниях флоту, о правильных или неправильных взглядах на его использование. Взглядов никаких не было, они не высказывались никем, как не выслушивались и мои предложения.

Таким образом, до начала войны я не мог найти вышестоящей инстанции, где бы можно было обсудить обстановку, оценить положение и место флота в системе всех

Вооруженных Сил. Сталин не мог уделить этому должного внимания, никогда не делился со мной своими взглядами. Его ближайший помощник Молотов ограничивался решением только небольших вопросов неоперативного порядка и решительно избегал даже разговоров по оперативным вопросам без указаний Сталина Генштаб, сам связанный по рукам и ногам, не имел возможности распорядиться без Сталина своими армейскими делами, а заниматься флотскими вопросами всячески избегал.

Чисто флотскими вопросами мог бы заниматься и занимался Главный морской штаб, но отсутствие исходных данных и четко поставленных задач затрудняли его работу. Как нарком, я старался внести ясность во все вопросы, которые ставил передо мной Главный морской штаб, но исчерпывающих ответов с конкретными данными и сроками я дать своему штабу не мог. Временами создавалось странное положение, когда не хотелось признаваться своему штабу, что ты сам находишься в неведении по таким вопросам, которые тебе положено знать, и неудобно было кивать на начальство. Руководство Главного морского штаба, конечно, понимало, что дело упирается в правительство, но открыто свое мнение об этом не высказывало.

Я не берусь утверждать, что такое же положение было и в Наркомате обороны. Там, видимо, было несколько лучше, ибо нарком обороны и начальник Генштаба вызывались к Сталину чаще, посвящались в сокровенные тайны больше, но, судя по началу войны (да и в последующие годы), как мне приходилось наблюдать, дело и там также обстояло далеко не благополучно.

Я сейчас не могу вспомнить и назвать военных руководителей или гражданских политических деятелей, которые бы имели определенные взгляды по флотским вопросам и которые занимались бы изучением флота с точки зрения его использования в системе Вооруженных Сил в боевой обстановке. Такими лицами, конечно, прежде всего должны были быть руководители Генштаба и нарком обороны, коль скоро они претендовали на старшинство на случай войны.

Больше того, в памяти осталось много горьких воспоминаний, как непонимание элементарных морских вопросов людьми, которым положено разбираться в них, приводило их к неправильным заключениям по нашим предположениям. Но при этом ничего не стоило какому-нибудь высокому армейскому товарищу, хотя он никогда даже не бывал на кораблях, высказать критическое замечание в адрес флота, особенно если это поощрялось высшим начальством. А подобных случаев было немало.

Как мне хотелось с первых дней моей службы в Москве и до

последнего часа пребывания в должности наркома, главкома, министра ВМФ или первого заместителя министра обороны внести полную ясность во все вопросы взаимоотношений и найти свое место в системе Вооруженных Сил, до мелочей уточнить задачи флота и его роль на случай войны! Мне этого сделать не удалось. Какую бы скромную роль я ни приписывал флоту в системе наших Вооруженных Сил, добиться не удалось, чтобы хотя бы где-то об этом было четко сказано и зафиксировано.

Если до войны для меня самого многое еще было неясно и я сам нечетко представлял роль каждого вида Вооруженных Сил, то после войны, после пережитых за это время неясностей и неопределенностей, а также из опыта иностранных вооруженных сил, полученного в ходе войны, я уже довольно четко представлял себе необходимость единства руководства Вооруженными Силами и особо четкой регламентации деятельности каждого вида Вооруженных Сил, каждого рода оружия и т. д.

Мы часто пользовались выражениями «Советская Армия», «Военно-Воздушные Силы», «Военно-Морской Флот», потом появились Противовоздушные силы и другие более современные виды Вооруженных Сил, но нигде не было четко сформулировано, что же они собой представляют, что под этими названиями следует понимать, каковы их задачи, каковы границы их прав и ответственности. Без этого всегда будет много лишних и ненужных споров, взаимных упреков и т. д. между различными видами Вооруженных Сил, споров совсем не нужных, вредных, напрасно расходующих время и энергию. А ведь, казалось, как просто самым высшим государственным органам раз и навсегда разобраться с этим и зафиксировать, сказав всем — быть посему, — и сосредоточить все усилия на общем для всех будущем противнике. Не противопоставление одного вида Вооруженных Сил другому, а совместные усилия должны быть направлены против будущего противника.

Есть немало исторических примеров, когда в одних странах, скажем, после первой мировой войны, много спорили, что важнее — сухопутные, морские силы или теперь главную роль будут играть Военно-Воздушные Силы — авиация? Дальнейший опыт показал, что не противопоставление, а совместное согласованное использование всех видов Вооруженных Сил в различных соотношениях в зависимости от обстановки дает самые лучшие результаты. И те страны, которые раньше всего прекратили эти споры, а высшие государственные и военные органы которых раньше всего поставили все точки над «и», больше всего выиграли в деле усиления своей боеспособности.

Можно было бы привести также ряд и других понятий,

правил и терминов, которые требовали уточнения вышестоящими органами и которыми могли бы все пользоваться, одинаково понимая их. Например, часто пользовались выражениями — господство на море, господство в воздухе и т. д., а что это означает, четких формулировок, утвержденных начальством, не было. Я говорю не было потому, что, возможно, теперь уже есть. Или, скажем, часто применялось выражение — Советская Армия и Военно-Морской Флот. Авиация, значит, тем самым, понималась в составе Советской Армии. А это неправильно, да и нигде не записано, что под Советской Армией нужно понимать Сухопутные войска и авиацию. Что это требовало уточнения, подтверждается тем, что я нередко спрашивал некоторых крупных руководителей: что нужно понимать под словами «Советская Армия», и всегда получал самые разноречивые ответы.

Без решений по основным вопросам оперативного порядка, взаимоотношений между видами Вооруженных Сил и без четкого определения задач каждому виду вооружения в системе всех Вооруженных Сил, конечно, нельзя было ожидать и добиться решений и по более мелким вопросам, но которые имеют не меньшее значение в деле готовности Вооруженных Сил. К подобным вопросам относился такой, как подчиненность флотов на местах. В каких случаях флоты следует подчинять округам и когда нецелесообразно это делать; какие приказания может отдавать округ флоту; каковы функции Наркомата ВМФ по отношению к флотам во время войны?

Нерешенность таких проблем доказывает, что оперативными вопросами занимались мало, иначе все они своевременно возникли бы и руководство вынуждено было бы их решать.

Меня всегда поражало, как много делалось распорядительным порядком и наспех вместо тщательной подготовки и разработки того или иного вопроса. Только в ходе войны обстановка заставила лучше планировать и отводить время для подготовки той или иной операции. Однако и при этом бывали случаи, когда я оказывался в ситуации, что не имел возможности продумать заранее и дать своевременные указания, потому что получал приказание, например, через несколько дней подготовиться к оказанию помощи такому-то фронту, хотя это можно было сделать своевременно и флоты имели бы возможность подготовиться. Армейское командование находилось в более выгодном положении, так как все операции разрабатывались с ними от начала до конца. Излишняя же подозрительность Сталина ограничивала круг людей, коим доверялась тайна. А от этого флот, участию которого в операциях не придавалось должного значения, особенно страдал. На моей

обязанности лежало сглаживать возникавшие из-за этого шероховатости, что не всегда удавалось.

Нежелание Сталина советоваться и поддержка всяких его предложений со стороны его ближайших помощников ставили иногда меня в исключительно тяжелое положение. Так, помню, во время войны с финнами в зиму с 1939 на 1940 год Сталин однажды вызвал меня и предложил использовать подлодки на подходах к Або[50] у самого порта. Когда я ему указал, что это почти невозможно, ибо нужно пройти большое расстояние узкими шхерами, и только тщательная подготовка отдельных лодок могла бы позволить пойти на подобный риск, то, видя его неодобрение моих высказываний, все его помощники «хором» набросились на меня с упреком, дескать, «что это за лодки у наших моряков, которые не могут плавать шхерами» (!) и т. д.

Больше того, однажды Сталин высказал мнение об использовании эсминцев на Волге. Когда же я доложил, что для них это невозможно, если даже они и будут туда как-нибудь переведены, то он, водя пальцем по сухопутной карте вверх и вниз по течению реки, ругал меня, а стоявший около него Маленков поддерживал его, приговаривая, что я, очевидно, недостаточно разобрался в этом.

Сказанное мною выглядит странно для многих, ибо как будто я изображаю не совсем умными тех людей, которые заслуживают высокой оценки, и их высокие качества не подлежат сомнению. Но в том-то и заключается нелепость, что умные люди уже начали заниматься флотскими вопросами, хоть и не нашли раньше возможности в деталях разобраться в них, так как, по-видимому, сделать это им не позволяла их занятость. В то же время они (особенно Сталин) уже не считали возможным для себя прислушиваться к малым людям вроде меня. Это уже был период, когда окружение Сталина не противоречило ему, и в лучшем случае я, пытаясь спорить с ним, мог рассчитывать только на то, что все его приближенные не накинутся на меня, а будут молчать, позволяя мне доказывать свою правоту.

Когда культ личности после войны расцвел махровым цветом, то приходилось наблюдать, как любые факты становились совсем не фактами и тем более не являлись вещью упрямой. Всего один пример. У Сталина в кабинете зашел разговор о Дальнем Востоке, продовольствии там и качестве овощей. Я вспомнил, как в 1937 году, приехав во Владивосток, видел там крупные помидоры и другие овощи, выращенные китайцами. Но потом китайцев всех выселили, и мы некоторое время испытывали трудности. «Вот когда там были китайцы, то с этим было неплохо», — начал я. «А куда они (китайцы) девались?» — прервал меня Сталин. Ничего

не подозревая, я ответил, что они были выселены. В этом я был твердо убежден, так как был там командующим. Буквально обложив меня нецензурными словами, Сталин сказал, что я ничего не понимаю и что выселяли оттуда только корейцев. Набрав опыта и массу полученных «шишек», я больше не возражал. Тем более это меня не касалось, и сунулся-то напрасно. И все как будто согласились, что выселяли только корейцев. Рассказывать про то я никому из своих приближенных не стал, но сам подумал: «А что, если бы Сталин сказал, что и корейцев не выселяли, тоже, видимо, все бы согласились?» Вот это уже был новый, еще более опасный этап культа личности.

В условиях культа Сталин со своей железной волей превратился в деспота. Но в деспотизме, который легко было рассмотреть в мирное время, в годы войны многое прикрывалось строгостью и требовательностью, характерными для военного времени. Больше того, в тяжелой военной обстановке строгость даже выглядела как положительное качество военачальника и приносила пользу. Так было и со Сталиным. Я склонен думать, что в военное время он относился к людям лучше, чем в мирные годы. Так, с военачальниками он установил неплохие и вежливые отношения, а после войны многие жаловались на его грубость. Подчас его грубое обращение с высокими военачальниками во время войны оправдывалось обстановкой и перекрывалось успехами, достигнутыми в конце войны. Но как только война кончилась, самовластие вновь стало выглядеть более отчетливо и было прочувствовано всеми. Что тут играло роль — ревность к славе или опасение за свое положение, — трудно сказать, но люди, которые много сделали для победы, помогая Сталину, подобно Жукову, Коневу и другим, оказались у него в немилости. Говорят, политические деятели чувствительны к своим соперникам, когда дело касается их авторитета и власти. Это можно подтвердить и примером из деятельности Н.С. Хрущева. Он был другом Жукова, но стоило ему узнать, что Жуков иногда «наступает» на его авторитет, как он немедленно ополчился на него и дискредитировал…

Говоря об этом, некоторую аналогию мне хочется провести с Жуковым. Это был человек сильной воли. Его воля (заслоняя грубость) приносила пользу во время войны. Его боялись, его слушались, ему удавалось успешно проводить операции, и, конечно, обладая полководческим талантом, он много сделал как заместитель Верховного Главнокомандующего. Его поступки импонировали Сталину, а он, в свою очередь, использовал имя и авторитет Сталина.

Но вот кончилась война. Жуков, пережив личные неудачи,

немного притих. Стоило же ему стать при Хрущеве министром и даже членом Политбюро[51], как он проявил совсем ненужные для мирного времени черты характера — грубость и самовластие.

Но вернемся к Сталину. Его сложную натуру нельзя изображать однобоко. Неправильно утверждать, что он был неуч и управлял войной по глобусу, но нельзя не сказать и о его ошибках в военном деле, нежелании прислушаться к военачальникам при своей недостаточной компетенции. Я испытал это при решении флотских вопросов. Он мог наметить высадку десанта в Керчи, не обсудив предварительно о нужных средствах и сроках готовности. Кстати, так и Жуков не раз посылал в Ленинграде моряков в десант (в Петергофе и на Ладоге), и они напрасно несли жертвы. Чистой воды волюнтаризм, который непозволителен и во время войны.

Говоря о его властном характере и строгости, переходившей, как известно, границы правомерности, нельзя не отметить следующее: Сталин мог самокритично относиться к своим поступкам и признавать совершенные им промахи. Так, мне лично довелось в конце войны слышать из его уст об ошибочной оценке положения в канун войны. Широко известно, как на одном из приемов сразу после войны Сталин признал, в каком «отчаянном» положении оказалась страна в первые годы войны, и, отдавая должное выдержке народа, прямо сказал, что в подобном случае он (народ) мог бы и «попросить» правительство уйти, как несправившееся.

Мне думается, ближайшие помощники Сталина могли бы значительно больше повлиять на его решения, скажем, перед войной, когда он вопреки фактам верил в более отдаленные сроки ее начала, а окружение вторило ему, опасаясь за личное положение. Создав себе культ, Сталин плотно закрыл двери для критики его, и тем самым те, которые были призваны помогать ему в правильных оценках положения и решениях, лишь усугубляли его промахи и ошибки. Самым разительным примером такого положения вещей является предвоенный период, когда все говорило за близкое начало войны. А когда я в середине июня 1941 года докладывал В.М. Молотову и А.И. Микояну о том, что немцы свертывают свое судоходство в наши порты, стараясь убедить их в опасности положения, то получил один ответ: немцы не так глупы, чтобы нападать на нас. Так думал Сталин, так вторили ему его ближайшие помощники.

Когда думаешь о культе личности Сталина и его последствиях, возникает много вопросов. Да это и понятно. Сам факт культа и его вред не вызывают сомнения. Эта ненормальность была заметна, но все облекалось в форму

«высокого авторитета», вроде даже полезного для дела. Многое к тому же тогда было неизвестно. Но вот нарыв был вскрыт, и возникли другие вопросы. Как он (культ) мог появиться в наших советских условиях? На какой почве вырос и расцвел? Что или кто способствовал этому? Наконец, вырваны ли все его корни, и где гарантия, что подобное не повторится, во всяком случае, в ближайшие десятилетия?

Мнение о Сталине у меня складывалось постепенно. Кое в чем, что касается его авторитета как крупного политического деятеля, я убеждался (отчего не отказываюсь и сейчас), кое-что относительно его методов руководства у меня вызывало сомнения. А кое в чем, как я со временем убедился, он поступал неправильно, решая единолично и, главное, во вред делу. Обо всем этом я рассказываю только с узких позиций флотского работника, осведомленного в вопросах, касающихся флота.

На XVIII съезде партии[52] я наблюдал, как до боли в руках хлопали Сталину и изощрялись в похвалах в его адрес. Я все принимал как должное и сам делал то же самое. Как ни странно, но его преступные ошибки с репрессиями создали ему еще больший авторитет. Вот так обманчива бывает обстановка, если на нее смотреть поверхностно.

«Товарищ Сталин» — так было принято называть Сталина как в кабинете, так и у него дома. Лишь Ворошилов и Молотов часто звали его по старой партийной кличке — Коба. Даже близко стоявшие к нему Жданов, Маленков и другие звали, как и мы, грешные, «товарищ Сталин».

Хотя я много раз виделся и разговаривал с ним в служебной и домашней обстановке, расстояние между нами всегда оставалось настолько большим, что мнение составлялось на известном расстоянии, от случая к случаю и, очевидно, без рассматривания каких-то штрихов. Да они и не нужны. Ведь это мое личное мнение, не претендующее на историческую объективность.

Я много думал, размышляя над такими связанными с репрессиями чертами Сталина, как суровость и деспотизм, и у меня сложилось мнение, что поводом для репрессий, возможно, и были какие-то факты, что я считаю неизбежным в период классовых битв на мировой арене. Враги не могли сидеть сложа руки. Но в борьбе с ними было так много сделано «перегибов», что справедливая часть возмездия потонула в море невинных жертв. Этого нельзя отрицать. Воля Сталина в данном случае обернулась ненужными жертвами. В ошибках при массовых арестах Сталин признавался и сам в дни XVIII съезда партии. Кое-что было исправлено, но далеко не все, а многое уже было невозможно выправить…

Кажется, еще с молодых лет Сталин воспитал в себе непримиримость в борьбе с классовыми врагами. Уверенный в своей правоте, он расправлялся даже со своими вчерашними соратниками, не задумываясь над количеством «врагов народа» и не вникая в правильность поступков людей, коим поручалась борьба с ними.

Видеть во всех недостатках или неудачах руку врага превратилось у Сталина в идею фикс. Уже после войны, кажется, в 1946 году, на Дальнем Востоке погибла подводная лодка Вышла на учения и не вернулась. Я находился в отпуске. Вернулся в Москву. Первым вопросом Сталина ко мне был: не увели ли лодку враги? Он даже высказал предположение, что наши люди «были усыплены». Это, конечно, исключалось, и, когда я со всей ответственностью заверил его, что лодка, очевидно, погибла при неудачном глубоководном погружении, а возможность попасть в руки врага я исключаю на сто процентов, это его успокоило. Надвигавшаяся гроза над многими командирами, причастными к этой катастрофе, прошла. Дальнейшее расследование шло спокойно, и даже в конце концов приказ о наказаниях было поручено подписать мне, не вынося решения правительства. Но стоило кому-либо «подлить масла в огонь» и убедить Сталина в вероятном действии вражеской руки, как все дело обернулось бы для многих в худшую сторону.

Отношение к людям у него было, как к шахматным фигурам и преимущественно пешкам. Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен, и репрессия, пронесшаяся над человеком по его же приказу, не служила препятствием для полного доверия к нему в последующем. Известно, как Сталин в начале войны (и до нее) выдергивал из казематов отдельных людей (Ванников, Мерецков, Рокоссовский) [53], вызывал их к себе, приказывал выпустить и потом так же твердо верил в их преданность, как верил до этого в их вражескую деятельность.

Всем неправомерным поступкам Сталина ведь есть какие-то объяснения. Они кроются в его характере (возможно, болезненном), фактах вражеской деятельности, вредном влиянии его окружения и особенно влиятельных лиц, причастных к репрессиям.

Конечно, самым простым является свалить все только на «культ личности» Сталина и после смерти всю вину возложить на него одного. Но я был в свое время удивлен заявлением Ворошилова, что он «не верит в виновность И.К. Кожанова[54]», как будто он не несет ответственности за его гибель.

Я считаю опасным стремление всю вину свалить на Сталина, и совсем не потому, что боюсь приписать ему что-либо лишнее. Опасность кроется в том, что, обвиняя одного Сталина, мы можем не обнаружить многих других ошибок и не принять меры к их недопущению в будущем.

Я начал с вины Сталина за репрессии потому, что это неоспоримо является самым большим злом его деятельности, объяснить которое смогут историки, сопоставив много фактов и приняв во внимание не только волю Сталина, но и его болезнь. Все это будет сделано не для его обвинения или оправдания, что уже потеряло смысл, но для объяснения и объективного выявления причин.

Когда начались репрессии, я был в Испании. В мою бытность командующим Тихоокеанским флотом я застал их, когда они уже шли на убыль, видел реабилитацию многих командиров, а когда приступил к работе в Москве, то надвигавшаяся война заслонила на время все остальное. Признаться, я тоже первое время верил в наличие «врагов народа», хотя не сомневался в честности многих. Работая в Москве и встречаясь со Сталиным, я долгое время все еще ходил под сложившимся ранее впечатлением о его непогрешимости. Но не во всем я остался убежденным до конца. И.В. Сталин — человек незаурядного ума. Это был образованный и начитанный человек. У него была сильная воля, которая под влиянием окружающей среды (а возможно, и болезни) иногда переходила в упрямство. Именно это, по-моему, сыграло отрицательную роль в вопросе, нападет ли на нас Германия и когда. Упрямство Сталина в отношении малой вероятности нападения на нас фашистской Германии, как ни что другое, требовало умелого и настойчивого, подчас рискованного разубеждения его в этом со стороны лиц, окружавших его и имевших на него влияние. Мне как-то не верится, что все его приближенные при наличии множества фактов не ожидали скорого нападения немцев на Советский Союз. Я не хочу умалять его вины в неудачном начале войны.

«Победителей не судят» — гласит старая поговорка, но история не оправдывает победителей и пользы ради отмечает их недостатки. Его ошибки полезно знать, чтобы они не повторялись… Но было бы неправильно, вспоминая военные годы, не сказать и о тех чертах в характере Сталина, которые оказались полезны в трудные дни осени 1941 года. Именно тогда требовалась железная воля руководителя, и ее Сталин проявил. Невозможно отрицать, что, пережив минуты моральной депрессии, когда он вынужден был признать свои просчеты относительно сроков возможного столкновения, когда убедился,

что, несмотря на принятые меры (подобно сообщению ТАСС от 14 июня, мирному обхождению с самолетами-нарушителями и пр.), войну не удалось оттянуть хотя бы до зимы, Сталин перестроился и начал с поразительным упорством, любой ценой добиваться победы над врагом. Возможно, это присуще человеку с сильной волей. Можно говорить об ошибках и в ходе войны, но сказанного выше отрицать нельзя.

В доказательство этого приведу мнения, высказанные государственными деятелями или крупными войсковыми начальниками. «Казалось, невозможное становится возможным», — писал маршал Г.К. Жуков на страницах «Военно-исторического журнала», описывая разгром немцев под Москвой. Об этом же говорил мне и маршал А.М. Василевский, делясь, как в критические октябрьские и ноябрьские дни 1941 года северо-западное направление на подходах к столице оказывалось плохо защищенным, а все настойчивые просьбы и обращения к Сталину взять войска и артиллерию из резерва были напрасны. Сталин в те дни с удивительным упорством собирал резервы для контрнаступления и провел это в жизнь. Казалось, нереальная в тех условиях победа под Москвой стала возможной.

Нечто подобное позднее происходило и под Сталинградом, когда советские войска готовились окружить и разбить армию Ф. Паулюса[55]. Тогда решением Ставки и лично Верховного Главнокомандующего в течение нескольких месяцев буквально со всех концов страны подтягивались людские резервы и материальная часть, чтобы окружить и «загубить» (по выражению Сталина) немецкие войска. Как известно, обстановка была весьма сложная. Немцы угрожали еще наступлением в районе Курска, и легко можно было распылить силы. Но проведенное с известным оправданным риском и удивительной настойчивостью решение об обеспечении сражения под Сталинградом не только определило исход этой великой битвы, но фактически предрешило окончание в нашу пользу всей войны. Нужно прямо сказать, что при огромном, а иногда и решающем значении роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определили успех сражения.

Но железная воля — оружие обоюдоострое. Направленное на выполнение правильного и разумного решения, оно дает хорошие плоды; при ошибочной оценке положения (как было перед войной) эта воля, переходящая в упрямство, может принести огромный вред. Бывают такие положения, когда железная воля — самое сильное, а иногда, в критические дни войны, и единственное средство для достижения цели. Тогда она крайне

необходима, но проявление ее повседневно без нужды неизбежно приводит к самовластию, а подчиненных вынуждает безынициативно и слепо выполнять приказы.

Применительно к Сталину — его воля играла положительную роль, когда цель была ясна и приказ остановить врага требовалось выполнять любой ценой. Но эта же воля, проявленная, когда нужно было проявить гибкость, а возможно, и кардинальную переоценку своих же собственных старых решений, приносила немалый вред…

Сталин был авторитетным политиком и дипломатом, в чем я мог убедиться, наблюдая за ним на Крымской[56] и Потсдамской[57] конференциях. Он заставил уважать себя таких прожженных политиков, как У. Черчилль[58] и Ф. Рузвельт[59]… Работая над книгой и вспоминая конференции союзников, я, естественно, перечитал сборник документов «Тегеран, Ялта, Потсдам». Написанное в нем является материалом, записанным в те дни с исключительной точностью. Но еще важнее, как я вспоминаю, другое, а именно: что все сказанное на заседаниях не читалось по каким-либо заранее подготовленным документам, а являлось плодом живого обмена мнениями или даже временами — острой дискуссии. От глав правительств требовалось не только знание дел, но и умение убеждать своих собеседников вескими аргументами. Поэтому, читая документы этого сборника, я легко мысленно переносился в Ливадийский дворец в Крыму или во дворец Цециленоф около Потсдама. Однако еще значительно раньше, до войны, когда я еще лично не встречался со Сталиным, я знал, как не часто, но удивительно метко и кратко отвечал он иностранным журналистам, и его ответы становились хорошо известными не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Относились к его высказываниям, конечно, по-разному, но всегда с ними считались как наши друзья, так и недруги.

За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным Главнокомандующим чаще других встречался маршал Г.К. Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его «достойным Верховным Главнокомандующим». С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным. Правда, следует оговориться, что, соглашаясь с такой оценкой Верховного, у всех возникал вопрос: почему им были допущены просчеты с началом возможного нападения на нас фашистской Германии и не были приняты все меры по повышению готовности? Но сейчас речь идет о поведении Сталина на конференциях и его умении отстаивать интересы государства.

Убедительным доказательством успешности переговоров

являются принятые и зафиксированные решения. Это хорошо всем известно, и повторяться нет нужды. Осмелюсь только утверждать, что интересы Советского Союза защищались успешно как на Западе, так и на Востоке.

Попытаюсь вспомнить и пояснить стиль работы и поведение Сталина лишь на отдельных примерах, прежде всего касавшихся Военно-Морского Флота и, стало быть, меня.

Перед началом Крымской конференции я ожидал, что высоких гостей встречать будет лично Сталин. Однако он, прибыв за два дня до начала конференции, оставался в Юсуповском дворце и на аэродром не выезжал. Рузвельта и Черчилля встречал В.М. Молотов.

Над этим я задумывался в те дни и теперь, когда пишутся эти строки. Пришел к выводу, что не что другое, как желание обеспечить успех в переговорах, руководило Сталиным поступить так, а не иначе. Ведь позади оставались тяжелые для советского народа годы войны с фашистской Германией и упорное затягивание союзниками сроков открытия второго фронта. К началу конференции наши Вооруженные Силы уже вынесли всю тяжесть борьбы и быстро продвигались вперед, чтобы по настоятельной просьбе Черчилля помочь попавшему в трудное положение в Арденнах Монтгомери.[60] Сталин имел основания занять заслуженную и достойную позицию при решении с Рузвельтом и Черчиллем весьма сложных и спорных вопросов. Возможно, были какие-то и другие причины, но я делюсь только своими размышлениями.

Как известно, перед конференциями Черчилль и Рузвельт обычно совещались и вырабатывали общую линию поведения. Сталину предстояло одному против двоих отстаивать свою точку зрения. Учитывая, что более ярым и старым противником Советского Союза был Черчилль, Сталин избрал тактику добиваться договоренности с одним из двух собеседников, чтобы потом легче приходить к общему согласию. У меня сложилось впечатление, что Сталин симпатизировал Ф. Рузвельту, который, в свою очередь, уважал Сталина. Если Черчиллю на встречах двух западных союзников удавалось склонить Рузвельта на сторону англичан, то в ходе совещаний «большой тройки», как показывают документы, Черчилль вынужден был соглашаться с согласованными предложениями Сталина и Рузвельта.

Желанием Сталина прийти к единому мнению с американским президентом, где можно, уступив ему и добившись уступок с его стороны, я объясняю встречу Сталина и Рузвельта в нашем посольстве в Тегеране, предоставление Рузвельту кресла председательствующего на открытии Ялтинской конференции и

Трумэну[61] в Потсдаме. Этот тактический прием в дипломатии, по-моему, сыграл немаловажную роль в формулировках решений, принятых в Ялте и Потсдаме. Главными козырями у Сталина были, конечно, победы, одержанные нашими войсками к началу 1945 года на Западе, и готовность выступить против Японии, о чем настойчиво просили американцы. Только после войны некоторые фальсификаторы истории пытались объяснить отсутствие в этом необходимости, но факты вещь упрямая. Я вспоминаю, с каким удовлетворением слушал Сталин доклад генерала армии А.И. Антонова на первом же пленарном заседании в Ялте, и нетрудно было представить, какую силу чувствовал за собой глава советской делегации, когда лишь только с 12 по 15 января на фронте от Немана и до Карпат протяженностью более 700 км наши войска продвигались в среднем на 25—30 км в сутки.

Сталин это умело использовал в спорах относительно будущего Германии или Польши. Обладая отличной памятью, он держал в голове много различных цифр и данных, которыми аргументировал свою точку зрения.

Спокойный и выдержанный, в форме Маршала Советского Союза, Сталин представлял здесь свою страну на дипломатическом поприще. Понимая, что имеет дело с представителями другого по классу лагеря, он старался не дать себя обмануть. Так, опытный политик Черчилль не всегда говорил искренне, и тогда Сталин вежливо, но определенно давал отпор. Когда однажды на одном из приемов в Юсуповском дворце Черчилль поднял тост и сказал, что он «возлагает свои надежды на президента США и на маршала Сталина, которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса и гнета», и туг же добавил, что считает жизнь маршала Сталина «драгоценным сокровищем» и что он, Черчилль, шагает по земле с большой смелостью, сознавая, что «находится в дружеских и близких отношениях с великим человеком, слава о котором прошла не только по всей России, но и по всему миру» (это было за год до известной фултонской речи Черчилля), то тогда Сталин счел нужным в своем ответе показать, что он не верит Черчиллю. «Я хочу выпить за наш союз. В борьбе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно, — продолжал Сталин, — и опытные дипломаты могут сказать: «А почему бы мне не обмануть моего союзника?» — но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак». Видимо, У. Черчилль понял прозрачный намек Сталина, что тот не всему сказанному верит и что пытаться рассчитывать на него как на простака дело

бесполезное…

Крупные недостатки являются неоспоримым фактом в деятельности Сталина, но говорить только о них было бы неправильно и необъективно. Неверно забывать об огромном труде и работе, проведенной в те годы. Как неправильно приписывать все достижения какому-нибудь одному человеку, так ошибочно налагать на него одного и вину за все ошибки. Еще было бы неправильнее, скажем, успехи отнести к одним, а недостатки, только недостатки, приписывать другим. Ведь происходило же все одновременно. Все гораздо сложнее. Недостатки и даже преступления совершались на фоне огромной работы огромного количества людей — руководителей всех рангов и степеней, как и хорошие дела делались общими усилиями.

Говорить о культе личности Сталина и вредных последствиях его нельзя оторванно от всего остального, что происходило в жизни, и от многих людей, которые в разной степени проявляли активность и участвовали во всем этом.

Я не берусь освещать все стороны и ставлю задачу разобраться только в одном сложном вопросе: почему так произошло? Но при этом я не могу не оговориться, что было и много хорошего, которое нельзя чернить и перечеркивать. Не хочется, говоря о вреде культа личности Сталина, качнуться в эту другую сторону и чернить все, что было хорошего. Говорить только об отрицательных явлениях так же вредно, как и заниматься одним восхвалением. Всякая крайность граничит с глупостью. Не берусь судить о том, чего не знаю достоверно или не наблюдал, и поэтому ограничусь только знакомой мне сферой — деятельностью в качестве наркома Военно-Морского Флота.

Незаслуженное наказание людей является самым главным злом, допущенным Сталиным и его ближайшими помощниками. Это явилось крупным нарушением наших законоположений еще перед войной…

В июле 1937 года я выехал из Испании на Родину. Возвратиться обратно, как я планировал, не удалось, мне было предложено отправиться в отпуск в Сочи. «Нам теперь здесь нужны люди», — сказал мне на прощание Ворошилов, спросив, желаю ли я вернуться в Испанию. «Если будет признано целесообразным мне вернуться на свой флот, я, конечно, буду рад», — дипломатично ответил я, но вернуться в Картахену хотя бы на неделю я считал желательным…

Не успев закончить отпуск, я был вызван к телефону ВЧ, и Р.П. Хмельницкий — управделами Ворошилова — передал мне о моем назначении заместителем командующего Тихоокеанским

флотом.

— Выезжайте в Москву, — сказал он.

В Москве я узнал, что вместо В.М. Орлова назначен М.В. Викторов, бывший командующий Тихоокеанским флотом, куда мне предстояло отправляться, а моим начальником там теперь был Г.П. Киреев, которого я знал как политработника и с которым короткое время учился в Военно-морской академии…

Прибыв в середине октября во Владивосток, я встретил там много командиров соединений и командиров, знакомых мне по Черному морю и по училищу. Попал я в разгар «изъятия» руководящего состава.

Это были месяцы, когда у меня возникли первые сомнения в правильности арестов. В основном я тогда еще думал, что арестованные действительно виновны. Сомневался я вначале только относительно отдельных хорошо известных мне людей. Стараясь критически отнестись к себе, могу привести примеры, когда я не вступался за тех, кого арестовывали, но кого я не знал, и когда высказывал свое мнение…

В ноябре 1937 года командующий флотом Г.П. Киреев был вызван в Москву. Помнится, как я провожал его на вокзале. Давая мне указания, он был несколько рассеян и взволнован. А когда собрались в его вагоне, он показался мне даже печальным… До Киреева так же уехали М.В. Викторов и Г.С. Окунев и… не вернулись. Предчувствие не обмануло Киреева. Вскоре до меня дошли слухи, что он арестован.

Я ожидал нового командующего, считая себя еще недостаточно опытным для такого огромного морского театра. В конце декабря получил телеграмму, в которой сообщалось о моем назначении командующим с присвоением очередного звания, и без рассуждений, хотя и с некоторой опаской, занял этот пост. Молодость, избыток сил в какой-то степени компенсировали недостаток опыта.

По мере того как я вникал в обязанности командующего флотом, возникали все новые и новые проблемы. Хлопот и беспокойства было много. Впрочем, вступая в командование флотом, я не ждал легкой жизни. Однако трудности, связанные с быстрым ростом морских сил, с необходимостью надежно укрепить рубежи страны, осложнялись и усугублялись ударами, которые мы получали, казалось бы, с совсем неожиданной стороны, — арестами командных кадров. Я впервые столкнулся с репрессиями против подчиненных мне людей. Хотя всех я их еще близко не знал, все равно происходящее вызывало недоумение и тревогу.

В памяти вставали события минувшего года, которым я сразу

не придал должного значения. Моя работа в Испании, очевидно, была тому причиной. Издалека все выглядит иначе. Вспомнилось, как главный военный советник Г.М. Штерн вызвал меня из Картахены в Валенсию. Там, в отеле «Метрополь» на улице Альбоайя, 8, размещалось наше посольство, где работали наши военные советники. Посол Розенберг и советник Гайкис информировали меня, что в Москве арестованы крупные военные работники Тухачевский, Якир, Уборевич и другие. Подробности рекомендовали узнать у Штерна, к которому я и направился. Я вошел к нему в кабинет и не услышал обычных шуток. Григорий Михайлович не сказал даже своего излюбленного «Салуд, амиго», только молча протянул мне телеграмму из Москвы. В ней сообщалось об аресте М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и других крупных военачальников. То были люди, стоявшие у руля Вооруженных Сил. Что могло толкнуть их на чудовищные преступления, в которых они обвинялись?

Из арестованных я знал одного Якира, да и то видел его лишь однажды, когда он посетил в 1933 году крейсер «Красный Кавказ». Григорий Михайлович был хорошо знаком со всеми, кто упоминался в телеграмме. Он долгое время работал в Москве, встречался с ними и на службе, и во внеслужебной обстановке. Я видел, что он поражен не менее меня. Мы были в кабинете вдвоем. Штерн рассказывал о Тухачевском и Якире, которых знал особенно хорошо. Он высоко оценивал их деятельность в годы гражданской войны, их роль в строительстве Вооруженных Сил. Так что же произошло? Штерн только пожимал плечами, но не высказывал никаких сомнений в правильности ареста. Тем меньше мог в этом сомневаться я.

Штерн коротко разъяснил, что это «видимо, связано с Германией». Мы сожалели, что этим, по-видимому, нанесен значительный ущерб нашему военному делу. Я попросил разрешения информировать своих подчиненных добровольцев в Картахене.

Вернувшись в Картахену, я информировал товарищей-добровольцев о телеграмме, прочитанной в Валенсии. Не могли мы себе представить тогда, что никакого преступления не было, что арестованные военачальники — жертвы страшного произвола.

В Москве я узнал о новых арестах. В первый день еще по дороге в наркомат я встретился на Гоголевском бульваре с К.А. Мерецковым, который до этого также был в Испании, где мы познакомились с ним. Прежде всего он спросил, куда я иду, и, узнав, что хочу доложиться начальнику Военно-Морских Сил В.М. Орлову, посоветовал не ходить, доверительно поделившись, что «он сегодня ночью арестован». Для меня это было первое известие

о участнике «заговора» — моряке.

Я сперва не поверил Кириллу Афанасьевичу. Но такими вещами не шутят. Весть подтвердили другие, и все равно она не укладывалась в голове. Мы, молодые командиры, знали об Орлове много положительного из его деятельности в годы революции и считали его революционером из старых гардемаринов-разночинцев. Я знал его еще и как руководителя партийной школы в Военно-морском училище в 1924 году, когда В.М. Орлов был начальником ВМУЗов, а я — курсантом первого курса и старшиной партшколы. В назначенный для занятий день я звонил ему и докладывал, что мы готовы к занятиям, убеждался, будет ли вести занятия он. Я вспоминал беседы с Владимиром Митрофановичем, все, что знал о нем. Были у него свои слабости, недостатки, но чтобы такой человек изменил Родине?! Сообщение К.А. Мерецкова вызвало у меня удивление, что такой большой руководитель флота также замешан в предательстве. Выражение «враг народа» тогда еще не было широко распространенным, и все, казалось, сводилось к небольшой группе военных, которые совершили преступление.

А товарищи рассказывали о все новых арестах. На Черном море были арестованы Н. Моралев, А. Зельинг, А Рублевский… Я считал их честными советскими командирами, все силы отдававшими флоту. В них я до сих пор не сомневался. Как же так?

«Если ошибка — разберутся», — успокоил меня товарищ, с которым я осторожно поделился своим недоумением. И я принял тогда эту удобную формулу, еще глубоко не задумываясь над происходящим. Но теперь, во Владивостоке, когда арестовывали людей, мне подчиненных, за которых я отвечал, успокаивать себя тем, что где-то разберутся, я уже не мог. Было непонятно и другое: как арестовывают людей, даже не поставив в известность командующего? Я высказал эти мысли члену военного совета Я.В. Волкову. Оказалось, он лучше осведомлен о происходящем. Значит, мне не доверяют?

…В феврале 1938 года прокатилась новая волна арестов. Опять я узнавал о них задним числом. Как-то позвонил комендант береговой обороны А.Б. Елисеев, спросил, не знаю ли я, что случилось с командиром артиллерийского дивизиона на острове Русский. Я ничего не знал. «Три дня не выходит на службу», — сообщил Елисеев. «Видно, арестовали», — подумал я.

Предположение подтвердилось. Тогда я отправил телеграмму в Центральный Комитет партии. Я писал, что считаю неправильной практику местных органов, которые арестовывают командиров без ведома командующего, даже не поставив его в

известность о происшедшем. Ответа не получил.

Прошло несколько дней, и ко мне приехал начальник краевого управления НКВД Дементман.

— Имейте в виду, — сказал он в тоне сердитого внушения, — не всегда надо кого-то извещать, если арестовывают врага народа.

Я ответил, что обращался не к нему, а в Центральный Комитет партии, а это не только мое право, но и обязанность.

Дементман ушел весьма раздраженный, но аресты с этого дня прекратились. Несколько недель все было тихо.

Не прошло и двух месяцев, как в апреле 1938 года я получил телеграмму, что на флот прибывает новый, только что назначенный нарком ВМФ П.А. Смирнов. Я ждал встречи с ним. Надо было доложить о нуждах флота, получить указания по работе в новых условиях. Мы понимали, что реорганизация Управления Военно-морскими Силами связана с большими решениями по флоту. Страна начинала усиленно наращивать свою морскую мощь.

Одновременно с созданием наркомата был создан Главный военный совет ВМФ. В его состав вошли А.А. Жданов, П.А. Смирнов, несколько командующих флотами, в том числе и я. Но пока на заседания совета меня не вызывали. В то время поездка с Дальнего Востока в Москву и обратно отнимала не менее двадцати суток. Начальство, видимо, не хотело из-за одного заседания на такой срок отрывать меня от флота. Словом, я считал приезд нового наркома вполне естественным и своевременным, тем более что на Северном флоте и на Балтике он уже побывал. Но все вышло не так, как я предполагал.

Официальная цель приезда в телеграмме была указана: разобраться с флотом. Однако, как стало ясно позже, это означало — разобраться в людях, и мы поняли, что он будет заниматься прежде всего руководящим составом. Так и получилось.

— Я приехал навести у вас порядок и почистить флот от врагов народа, — объявил Смирнов, едва увидев меня на вокзале.

Нарком поставил главной задачей перебрать весь состав командиров соединений с точки зрения их надежности. Какие, спрашивается, были основания ставить под сомнение наши преданные Родине кадры?

Остановился нарком на квартире члена военного совета Я.В. Волкова, с которым они были старинными приятелями. Первый день его пребывания во Владивостоке был занят беседами с начальником управления НКВД. Я ждал наркома в штабе. Он приехал лишь около полуночи.

Не теряя времени, я стал докладывать о положении на флоте. Начал с главной базы. Весь ее район на оперативной карте был

усеян условными обозначениями. Тут было действительно много сил. Аэродромы, батареи, воинские части располагались вдоль побережья и на многочисленных островах. Соединения кораблей дислоцировались в бухте Золотой Рог и в ближних гаванях. Но чем дальше на север, тем меньше становилось сил, тем слабее защищались опорные пункты и базы. Отдельные участки побережья находились по договору в руках японских рыбаков, и это еще больше осложняло положение. Я видел, что нарисованная мною картина произвела на народного комиссара большое впечатление. Но когда я стал говорить о нуждах флота, П.А. Смирнов прервал меня:

— Это обсудим позднее.

«Ну что ж, — подумал я, — пускай поездит, посмотрит своими глазами. Тогда будет легче договориться».

— Завтра буду заниматься с Диментманом, — сказал Смирнов в конце разговора и пригласил меня присутствовать.

В назначенный час у меня в кабинете собрались П.А. Смирнов, член военного совета Я.В. Волков, начальник краевого НКВД Диментман и его заместитель по флоту Иванов. Диментман косо поглядел на меня и словно перестал замечать. В разговоре он демонстративно обращался только к наркому.

Я впервые увидел, как решались тогда судьбы людей. Диментман доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя и отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека. Никто не задавал никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санкционирую». И тем самым судьба человека была уже решена Это означало: человека можно арестовать. В то время я еще не имел оснований сомневаться, достаточно ли серьезны материалы НКВД. Имена, которые назывались, были мне знакомы, но близко узнать этих людей я еще не успел. Удивляла, беспокоила только легкость, с которой давалась санкция.

Вдруг я услышал: «Кузнецов Константин Матвеевич». Это был мой однофамилец и старый знакомый по Черному морю. И тут я впервые подумал об ошибке. Командира бригады подлодок К.М. Кузнецова я отлично знал и в честности его не сомневался. Когда Смирнов занес перо, чтобы наложить роковую визу, я обратился к нему:

— Разрешите доложить, товарищ народный комиссар! Все с удивлением посмотрели на меня, точно я совершаю какой-то странный, недозволенный поступок.

— Я лично знаю капитана первого ранга Кузнецова много лет, и у меня не укладывается в голове, что он «враг народа».

Я хотел подробнее рассказать об этом человеке, о его службе, но Смирнов, сердито посмотрев на меня и отложив перо, сказал, возвращая лист Диментману:

— Раз командующий сомневается, проверьте еще раз. Тот бросил на меня быстрый недобрый взгляд и прочитал следующую фамилию.

Когда совещание окончилось, я задержался в кабинете. Ко мне заглянул Я.В. Волков. Тоном товарища, умудренного годами, он сказал, как бы предостерегая от новых опрометчивых поступков:

— Заступаться — дело, конечно, благородное, но и ответственное.

Я понял недосказанное. «За это можно и поплатиться», — видимо, предупреждал он.

В следующий вечер, когда процедура получения санкций на аресты продолжалась, Смирнов и Диментман разговаривали подчеркнуто лишь друг с другом и все решали сами…

Прошел еще день. Смирнов посещал корабли во Владивостоке, а вечером опять собрались в моем кабинете.

— На Кузнецова есть еще два показания, — объявил Диментман, едва переступив порог.

Он торжествующе посмотрел на меня и подал Смирнову бумажки. Тот сразу же наложил резолюцию, наставительно заметив мне:

— Вы еще молодой командующий и не знаете, как враг хитро маскируется. Распознать его нелегко. А мы не имеем права ротозействовать!

Это звучало как выговор. Скажу честно, он меня смутил. Я подумал, что был не прав. Ведь вина Кузнецова доказана авторитетными органами! Я молчал и обвинял себя в недостаточной политической зрелости. «Почему Константин Матвеевич стал врагом народа?» — вот только о чем думал я, не предполагая еще ничего ошибочного, тем более умышленного.

После совещания Волков снова заглянул ко мне. Он говорил покровительственно и вместе с тем ободряюще. Дескать, ошибки бывают у каждого, но впредь надо быть осторожнее и умнее, не бросать слов на ветер. К.М. Кузнецова арестовали и всех остальных тоже. Их было немало. Недаром короткое рассмотрение этих «обвинительных» листов потребовало трех вечеров. Я ходил под тяжелым впечатлением от арестов. Мучили мысли о том, как это люди, служившие рядом, могли стать заклятыми врагами и почему мы не замечали их перерождения?

Что органы государственной безопасности могут действовать неправильно—в голову все еще не приходило. Тем более я не допускал мысли о каких-то необычных путях добывания показаний.

Нарком провел два дня в море, побывал в Ольго-Владимирском районе. В оперативные дела он особенно не вникал. Может быть, ему, человеку, не имевшему специальной морской подготовки, это было и трудно. Зато он очень придирчиво интересовался всюду людьми, «имевшими связи с врагами народа».

Пребывание Смирнова подходило к концу. К сожалению, решить вопросы, которые мы ставили перед ним, он на месте не захотел, приказал подготовить ему материалы в Москву. Я заготовил проекты решений. Смирнов взял их, но ни одна наша просьба так и не была рассмотрена до самого его смещения. На месте нарком решил лишь один вопрос, касавшийся Тихоокеанского флота, но и это решение было не в нашу пользу. Речь шла о крупном соединении тяжелой авиации. Во Владивостоке Смирнов сказал мне, что командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии просило передать это соединение ему. Я решительно возражал, доказывал, что бомбардировщики хорошо отработали взаимодействие с кораблями, а если их отдадут, мы много потеряем в боевой силе. Смирнов заметил, что авиация может взаимодействовать с флотом и будучи подчиненной армии.

— Нет, — возражал я. — То будет уже потерянная для флота авиация.

Я сослался на испанский опыт, показывавший, как важно, чтобы самолеты и корабли были под единым командованием. Все это не приняли в расчет. Приказ был отдан, нам оставалось его выполнять. Потом Смирнов признался мне, что принял решение потому, что его уговорил маршал Блюхер. Наши «уговоры» на наркома действовали меньше.

В день отъезда П.А. Смирнова мы собрались, чтобы выслушать его замечания. Только уселись за стол, опять доложили, что прибыл Дементман.

— Вот показания Кузнецова, — объявил он, обращаясь к Смирнову. Смирнов пробежал глазами бумажку и передал мне. Там была всего одна фраза, написанная рукой моего однофамильца: «Не считаю нужным сопротивляться, признаюсь, что я являюсь врагом народа».

— Узнаете почерк? — спросил Смирнов.

— Узнаю.

— Вы еще недостаточно политически зрелы, и вам следует

быть более бдительным, — зло выговорил мне нарком, бросая на меня сердитые взгляды.

Я молчал. Диментман не скрывал своего удовольствия. Только Волков пытался как-то сгладить остроту ситуации, бросал реплики, что комфлот, мол, еще молодой, получил теперь хороший урок и запомнит его, будет лучше разбираться в людях…

Признание Кузнецова совсем выбило почву у меня из-под ног. Теперь я уже не сомневался в его виновности. Но внутри что-то грызло меня…

Можно было привести десятки трагических эпизодов, когда уже после отъезда Смирнова, который, очевидно, увез с собой «обстоятельный» материал, были арестованы командующий морской авиацией Л.И. Никифоров и член военного совета флота Я.В. Волков. Арест последнего даже в той обстановке мне казался невероятным. Он был в отличных отношениях со Смирновым и, кажется, мог доказать свою невиновность.

Забегая вперед, расскажу еще о некоторых событиях, связанных с репрессиями. Через несколько месяцев в Москве был арестован П.А. Смирнов. Вместо него наркомом назначили М.П. Фриновского. Никакого отношения к флоту он в прошлом не имел, зато раньше был заместителем Ежова. Весть об аресте Смирнова принес мне Я.В. Волков. Чувствовал он себя при этом явно неловко, был растерян. Ведь еще недавно Волков подчеркивал свое давнее знакомство и дружбу с наркомом. Я не стал ему об этом напоминать.

Вскоре после того во Владивосток, совершая рекордный беспосадочный полет из Москвы на Дальний Восток, прилетел В.К. Коккинаки[62]. Коккинаки был моим гостем. Мы быстро и крепко с ним подружились. Тогда во Владивостоке Владимир Константинович со свойственной ему неугомонной пытливостью интересовался действиями кораблей, был со мной на учениях флота. Во Владивосток приехали Г.М. Штерн и П.В. Рычагов. Мы ждали еще члена военного совета Волкова, а он все не шел. Я позвонил к нему на службу, домой. Сказали, срочно выехал куда-то, обещал скоро быть, да вот до сих пор нет. Пришлось сесть за стол без него.

Ужин был уже в разгаре, когда пришел секретарь Волкова и таинственно попросил меня выйти.

— Волкова арестовали, — тихо сообщил он и виновато опустил голову, словно уже приготовился отвечать за своего начальника.

Такая судьба постигла людей, еще совсем недавно с удивительной легкостью дававших санкции на арест многих командиров.

Уже работая в Москве, я пробовал узнать, что произошло со Смирновым. Мне дали прочитать лишь короткие выдержки из его показаний. Смирнов признавался в том, что «как враг умышленно избивал флотские кадры». Что тут было правдой — сказать не могу. Больше я о нем ничего не слышал. Вольно или невольно, но он действительно выбивал хорошие кадры советских командиров. Будучи там, на месте, он действительно решал судьбы многих, и если он действительно не занимался умышленным избиением кадров, то почему не хотел прислушаться к «обвиняемым» или даже ко мне, комфлоту, и сделать объективные выводы? Я.В. Волкова я вновь увидел в 1954 году. Он отбыл десять лет в лагерях, находился в ссылке где-то в Сибири. Приехав в Москву, прямо с вокзала пришел ко мне на службу. Я сделал все необходимое, чтобы помочь ему. Когда мы поговорили, я попросил Якова Васильевича зайти к моему заместителю по кадрам и оформить нужные документы.

— Какой номер его камеры? — спросил, горько улыбнувшись, бывший член военного совета. Тюремный лексикон въелся в него за эти годы.

Надо еще сказать и о Константине Матвеевиче Кузнецове. Весной 1939 года я приехал во Владивосток из Москвы вместе с А.А. Ждановым. Мы сидели в бывшем моем кабинете. Его хозяином стал уже И.С. Юмашев, принявший командование Тихоокеанским флотом после моего назначения в наркомат. Адъютант доложил:

— К вам просится на прием капитан первого ранга Кузнецов.

— Какой Кузнецов? Подводник? — с изумлением спросил я.

— Он самый.

Я прервал разговор и, даже не спросив разрешения Жданова, сказал:

— Немедленно пустите!

Константин Матвеевич тут же вошел в кабинет. За год он сильно изменился, выглядел бледным, осунувшимся. Но я ведь знал, откуда он.

— Разрешите доложить, освобожденный и реабилитированный капитан первого ранга, командир бригады Кузнецов явился, — отрапортовал он.

Жданов с недоумением посмотрел на него, потом на меня. «К чему такая спешка?» — прочитал я в его глазах.

— Вы подписывали показания, что являетесь врагом народа? — спросил я Кузнецова.

— Да, там подпишешь. — Кузнецов показал свой рот, в котором почти не осталось зубов.

— Вот что творится, — обратился я к Жданову. В моей

памяти разом ожило все, связанное с этим делом.

— Да, действительно, обнаружилось много безобразий. Это дело Ежова, — сухо отозвался Жданов и, добавив, что все будет исправлено, не стал продолжать разговор.

Прошли годы. Теперь, после XX и XXII съездов партии, все стало на свои места. Решительно вскрыты преступления времен культа личности Сталина, но мы не можем о них забывать. Вновь и вновь возвращаюсь к тому, как мы воспринимали эти репрессии в свое время. Проще всего сказать: «Я ничего не знал, полностью верил высокому начальству». Так и было в первое время. Но чем больше становилось жертв, тем сильнее мучили сомнения. Вера в непогрешимость органов, которым Сталин так доверял, да и вера в непогрешимость самого Сталина постепенно пропадала. Удары обрушивались на все более близких мне людей, на тех, кого я очень хорошо знал, в ком был уверен. Г.М. Штерн, Я.В. Смушкевич[63], П.В. Рычагов, И.И. Проскуров… Разве я мог допустить, что и они враги народа?

Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:

— Штерн оказался подлецом.

Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован. Трудно допустить, что бывшие там люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним, поверили в его виновность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. Такова уж тогда была обстановка. Про себя, пожалуй, думали: сегодня его, завтра, быть может, меня. Помню, как вслух, громко сидевший рядом со мной Н.А. Вознесенский[64] произнес по адресу Штерна лишь одно слово: «Сволочь!»

Не раз вспоминал я этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г.М. Штерна. После войны я и сам оказался на скамье подсудимых. Мне тоже пришлось испытать произвол времен культа личности, когда «суд, закон и правда молчали»…

Судьба всех пострадавших людей различна, но в очень многих случаях печальна, с роковым исходом уже в то время. Произвол, ломавший судьбы людей, наносил тяжелый ущерб всему нашему делу, ослаблял могущество нашей Родины. Одно неотделимо от другого.

С упомянутым Я.В. Волковым связано еще одно воспоминание, которое говорит о том, как мало мы оказывали сопротивления творившимся безобразиям. Вот послушайте. В 1939 году (а может быть, в 1940-м), когда я уже был наркомом, я получил бумажку из НКВД, в которой говорилось, что арестованный Волков ссылается на меня, как хорошо знавшего его по Дальнему Востоку. Спрашивалось мое мнение. Происходило это уже тогда, когда многие были выпущены и когда массовые «ошибки» нельзя было отрицать, но машина еще вертелась в том же направлении. Подумав и не опасаясь за свою судьбу, я тут же написал ответ, в котором указал, что за время совместной работы с Я.В. Волковым на Тихоокеанском флоте я о нем ничего плохого сказать не могу. Несколько позже я узнал, что такая же бумага была послана и Ворошилову. Когда через пару дней мы встретились с ним, он спросил, какой я дал ответ, и очень удивился, что я, во-первых, его дал, а во-вторых, именно такого содержания, добавив, что он на подобные запросы не отвечает.

Теперь мне ясен и исход дела. Я, молодой, без всякого политического веса нарком, не смог оказать какого-нибудь влияния на судьбу Волкова, и он был осужден. Иное дело — Ворошилов. Он своим более решающим ответом смог бы спасти человека. К тому же Волков был подчиненный в течение многих лет и знакомый ему человек, и поэтому его обязанностью было сказать свое мнение. Его положение наркома обороны, у которого были посажены сотни больших руководителей, обязывало задуматься и сказать свое мнение. (Потому даже сейчас он должен нести ответственность за это вместе со Сталиным и другими.)

К этому же времени относится и другой факт, заставивший меня серьезно задуматься о роли Ворошилова в верхах. До тех пор я просто представлял, как и все мы, небольшие командиры, что Сталин и Ворошилов — это дружно и согласованно работающие люди и то, что делается в Вооруженных Силах, делается, безусловно, с ведома и после совета с Ворошиловым. Вот какой случай заставил меня пересмотреть свои весьма наивные взгляды, хотя я был уже наркомом, и убедиться, что все происходит совсем не так, как я думал.

Однажды после совещания в Кремле он (Ворошилов) спросил

меня, считаю ли я моего бывшего командующего Черноморским флотом Кожанова, с которым много лет служил, врагом народа Вопрос этот был задан в осторожной форме. Поэтому не менее осторожно и я ответил, предоставив возможность высказаться ему самому. «Я не верю, чтобы он был врагом народа», — сказал Ворошилов, чем просто ошеломил меня. Я был подчиненным Кожанова (командовал крейсером и не больше), а Ворошилов был много лет наркомом и его ближайшим начальником. Теперь он сказал, что не верит в его виновность, а мне казалось, что он знает обстоятельно, за что посадили Кожанова. Кому же как не ему твердо знать и ответственно сказать: «Да, он виновен, я в этом убежден». Или: «Нельзя сажать, пока не доказана виновность».

Я старался разобраться, что к чему. Со временем убедился, что Сталин не только не считался с Ворошиловым, но и держал его в страхе, и последний, видимо, побаивался за свою судьбу. «Вас подводили ваши помощники, вроде Гамарника», — сказал ему как-то при мне Сталин. И сказано это было таким тоном, что, дескать, он, Ворошилов, тоже несет ответственность.

В небольшом влиянии Ворошилова на дела уже в тот период я убедился потом окончательно. Как-то в 1940 году, докладывая флотские вопросы, я сослался на его мнение, думая, что это мне поможет. Тогда Сталин встал и сердито одернул меня: «Что понимает Ворошилов в делах флота? Он понимает только, как корабли идут полным ходом и песок летит из-под винтов».

Это в значительной степени сказалось, вероятно, и на решении создать Наркомат ВМФ. По-видимому, Сталин, у которого сложилось такое мнение о Ворошилове, поэтому и не оставил за ним руководство флотом, когда приступили к строительству «морского и океанского флота».

Деловые связи с Наркоматом обороны в бытность Ворошилова (и с ним) у меня были прежде всего по линии оперативных планов войны. Когда в Европе вспыхнула мировая война, Главный морской штаб и я более активно пытались выяснить, каковы наши задачи на случай войны. Сейчас я с ответственностью могу утверждать, что серьезно подработанных планов тогда не было. Были планы развертывания войск, засекреченные до такой степени, что реально в жизнь не вводились. Флоты мы всячески готовили к войне, но данные приготовления не нацеливали на конкретные задачи, а без них это еще не подготовка.

Научить корабли драться безотносительно к противнику — это важно, но далеко еще не все. Конкретные директивы Наркомата обороны вышли в феврале 1941 года. Но уже в это

время наша политика связывала по рукам и ногам нашу стратегию, и боязнь показать Гитлеру, что мы готовимся против него, не позволила по-настоящему готовиться к войне. Все усилия и огромные материальные средства, затраченные на подготовку армии и флота, пошли прахом, поскольку оперативно-стратегические вопросы не получили нужного разрешения со стороны высшего политического и военного руководства. В чем были развязаны наши руки, так это в том, чтобы готовиться к нападению и не оказаться застигнутыми врасплох. Повышая уровень боевой подготовки кораблей, авиации и береговой обороны, мы уделяли много внимания системе оперативных готовностей.

Мне, военному, Ворошилов, естественно, был знаком давно. По мере продвижения по службе я все больше узнавал его, и у меня сложилось впечатление, что «сухопутные» взгляды всегда брали верх, оказывали на него влияние, и, как я убедился, он был равнодушен к флоту, не разобрался в его существе… Он же был недоволен выделением Наркомата ВМФ и поэтому. Подчеркивая нашу самостоятельность, указывал, что теперь следует обращаться в правительство.

Большие вопросы Ворошилов не решал, и они исходили непосредственно от Сталина, а более мелкие решались между Генеральным штабом, начальником которого был Б.М. Шапошников, и Главным морским штабом во главе с Л.М. Галлером. Поэтому меня, естественно, потянуло больше в Генеральный штаб, чем к наркому обороны. Шапошников был человеком весьма осторожным и держал себя строго в рамках полученных указаний. Он вежливо удовлетворит просьбу моряков, если это в его власти, но, не получив приказания, побоится даже информировать нас об обстановке. Лучше сложились отношения между работниками аппарата того и другого штабов. Иногда только на этом и держались наши деловые связи. Через них приходилось узнавать важные вопросы, а чтобы не прозевать, мы вели своего рода разведку. Я просто ставил задачу своему штабу быть в курсе дела, и они в меру своих сил «пронюхивали» обстановку и своевременно предупреждали о готовящихся приказах или решениях.

После расширенного пленума ЦК партии в апреле 1940 года наркомом был назначен Тимошенко, и с Ворошиловым я имел только отдельные встречи. Но пока он оставался наркомом обороны (до конца финской войны), я не раз убеждался в его плохом отношении к флоту. Это отталкивало меня от него. Во время войны с финнами и позднее, в начале Великой Отечественной, я был свидетелем неприязненных, без всяких

оснований, высказываний Ворошилова в адрес флота. Ведь это он, находясь в Ленинграде в 1941 году, приказал делать кинжалы для обороны города. А когда моряки, готовые отдать свои жизни, в черных бушлатах шли в атаку с развевающимися ленточками, он их называл «одуванчиками». Но ведь он 15 лет руководил флотами!..

Уже тогда он был человеком, придавленным событиями и без всякой силы воли. Чем дальше, тем больше он терял свое лицо. Все знали, что если вопрос попал к Ворошилову, то быть ему долгие недели в процессе подготовки, пока хоть какое-нибудь решение состоится. Вспоминаю, однажды я доложил ему о численности флота. Он встревожился не существом дела, а тем, оформлены ли у меня все эти увеличения штатов, и пришел в ужас, узнав, что сотни две-три лежат на моей совести. Это был уже не оперативный и решительный работник, а вредный для дела старый авторитет. Вот что делает с человеком время. Иногда он начинал говорить по мелочам, говорил долго и потом, сам себя останавливая, признавался: «Я ведь так могу и до вечера не кончить». При этом, занимая большое количество людей на совещаниях, он мог и не принимать никакого решения или принять «шарообразное» решение, под которым стояло бы больше подписей. Вот такие решения во время войны и запаздывали всегда, а немцы занимали наши окопы и говорили спасибо. Лично он оставался храбрым до конца войны, но в этой храбрости я уже видел что-то такое, когда человек не только не боится, но и ищет смерти. Так, помню, и Мехлис на Керченском полуострове носился на машине среди падающих бомб и снарядов, видя, может быть, в тот момент в смерти лучший для себя выход. Но, как часто бывает, лично храбрый человек оказывается пугливым перед начальством. Не знаю, в чем тут секрет, но таких людей я наблюдал, и вот таким был Ворошилов в годы войны.

В последние годы жизни Сталин относился к нему без всякого почтения. Возможно, происходило то же, что и с Молотовым: «младотурки» оттирали старых из окружения Сталина.

Я думал, что с точки зрения взращивания культа личности и невыполнения своего государственного и морального долга, когда на глазах совершались крупные нарушения законности, Ворошилов не оказал никакого влияния на вредные действия Сталина. Не оказал даже в том случае, когда это касалось его. Подумайте, как можно спокойно спать, когда сотни и тысячи его подчиненных были арестованы и он знал, что это неправильно. Пример, приведенный с Кожановым, убеждает меня, что он не только сомневался, как сказал осторожно мне, — был убежден в его невиновности.

Еще пример, когда перепуганный Ворошилов не защищал своих подчиненных. Нашими атташе в Берлине в 1940 году были М.А. Пуркаев по линии армии и М.А. Воронцов от флота. Как-то из третьих рук пришло донесение, что они провинились. Но прежде чем принимать решение, степень вины должна была быть установлена. Воронцов вскоре должен был прибыть в Москву для доклада. Я решил выяснить все лично с ним, прежде чем делать выводы, и вместе с тем как-то предостеречь его. Встретившийся мне через несколько дней Ворошилов сказал, что отзывает Пуркаева и советует то же сделать мне. Пуркаев действительно был отозван, и уже много лет спустя, когда я служил с ним в Хабаровске, мы вспоминали с ним об этом, и он считал это безосновательным. Воронцов прибыл в Москву, искренне рассказал, что было (а были пустяки, о которых не стоит и писать), и, получив предупреждение, выехал обратно. Отношения с Германией уже были таковы, что прежний и опытный атташе должен был быть в Берлине. И не поэтому ли потом М.А. Воронцов доложил нам в Москву важные сведения (о которых говорил Н.С. Хрущев на XX съезде). По линии же армии подобного сообщения не было.

Значит, свое личное благополучие Ворошилов поставил выше всего. Это свое мнение я как-то высказал еще до XXII съезда партии. Ворошилов — это один из его, Сталина, соратников, который несет вместе с ним ответственность.

Я привел ряд фактов относительно Ворошилова, который был членом Политбюро и ЦК и наркомом обороны и которого я хорошо знал. Привел их потому, что, мне кажется, именно такое поведение способствует возникновению и расцвету культа личности со всеми вредными последствиями.

Когда я пришел работать в Москву, к счастью, многие командиры соединений флота были освобождены, но многие и погибли. Мне стала известна судьба некоторых крупных работников, которые еще были живы и пытались освободиться. Так, до меня доходили слухи, что К.И. Душенов, бывший начальником штаба Черноморского флота, когда я там служил, писал о помощи, но безуспешно.

Эта трагическая страница нашей послереволюционной истории с наказанием в массовом порядке невинных людей ничем и никогда не может быть оправдана.

Стараясь сейчас разобраться в очень противоречивых процессах того времени, думаешь, какая несправедливость была допущена с людьми. Только не было известно, думал ли кто тогда о том, кто виноват. И конечно, меньше всего упрекали Сталина. Его авторитет был огромен. С одной стороны, многие не

находили для себя ответа, как стал «врагом народа» тот или иной большой руководитель, а с другой — не думали, что это преступление перед народом. Мне кажется, что не думали не потому, что боялись, а просто искренне считали, что были допущены ошибки, но всему виною — Ежов, на которого уже был наведен удар, но только не Сталин.

Что же все-таки произошло? — задаешь себе вопрос. «Враги народа» — была ли это выдумка от начала до конца? Или действительно было какое-то злое начало, с которым следовало бороться и при искоренении которого сильно перегнули палку? Тогда невозможно было утверждать, что в те годы не было врагов, с которыми следовало поступать, как с врагами, и в этом случае суровость вполне оправданна. На войне как на войне. А когда происходит революционный процесс, то еще строже й бдительнее нужно оберегать завоевания народа. Ведь признаем же мы разумной строгость Ленина, проводимую через ЧК и Ф. Дзержинского. Тогда были враги. Они поднимали голову в какие-то моменты. Они не могли исчезнуть сразу или даже постепенно к 1936—1937 годам. Значит, борьба с ними должна была продолжаться?

Я сейчас не могу утверждать, были ли в те годы враги и сколько их было, но, бесспорно, аресты нескольких сот высших должностных лиц уже должны были привлечь внимание руководителей партии и правительства и заставить тщательно проверить их правильность. Были ли в чем-нибудь замешаны Тухачевский и его товарищи по несчастью? Я склонен верить, что это было дело надуманное в борьбе за власть и желание убрать свидетелей своих ошибок или людей, которыми труднее руководить. Правда, еще совсем недавно (начало 1962 года) активный участник суда над ними в 1937 году доказывал мне, что Тухачевский враг. Веских доказательств он не приводил. Но суд тогда проходил так же, как позднее судили и меня самого, а такие люди, как Говоров, Голиков, Абанькин и Кулаков, прекрасно знали, что все надуманно, и все-таки старались угодить начальству, предавая нас анафеме.

Вероятнее, однако, предполагать, что появились не враги народа, а противники руководства Сталина, не согласные с его методами, а совсем не враги народа. И что борьба с самого начала носила личный характер. Это особенно возможно с такими фигурами, как Орджоникидзе, Тухачевский и другие. Считая себя уже непогрешимым, Сталин отождествлял себя с государством и своих личных врагов считал врагами народа.

Мне трудно утверждать, но неоспоримым является тот факт, что основная масса привлеченных были безусловно невиновны.

Почему это произошло, мне хочется показать, описав пережитые мною лично «взлеты» и «падения». В этом случае мне были хорошо видны люди, их поведение, когда я был у власти и когда моя судьба бросала меня в бездну. Но так как мне довелось вторично оказаться на больших должностях, то некоторым пришлось не раз менять свою кожу и свое мнение относительно меня.

Самым памятным от XVIII съезда остался Пленум ЦК старого состава, на который пригласили намеченных быть избранными в новый состав ЦК. Он проходил за день до выборов нового состава ЦК. В Свердловском зале Кремля, в котором мне потом довелось быть много раз, собрались все руководители партии. Приглашены были и мы вместе со Штерном. «Почему нас пригласили на это высокое заседание?» — спросил я Штерна, как более опытного в таких делах. «Вот, право, не знаю, — ответил он, — думаю, что как членов президиума съезда». Возможности выбора нас в ЦК мы, конечно, не предполагали. Нам и без этого было уже оказано немало внимания. Стоял вопрос о новом составе ЦК. Сначала отводили тех членов ЦК, которых считали не справившимися со своими обязанностями или опорочившими себя чем-либо и поэтому недостойными войти в новый состав. Сейчас я уже забыл фамилии многих, о которых шла речь. Помнится, как выступил Сталин против Ежова и, указав на плохую работу, больше акцентировал внимание на его пьянстве, чем на превышении власти и необоснованных арестах. Потом выступил Ежов и, признавая свои ошибки, просил назначить его на менее самостоятельную работу, с которой он может справиться.

Приблизительно в таком же духе проходило обсуждение многих других бывших членов ЦК. По каждому из них выступал кто-нибудь из больших руководителей и указывал, почему тот недостоин быть избранным в новый состав. Обвиняемые обычно признавали свои ошибки и просили пощады. Они понимали, что вывод из состава ЦК в то неспокойное время мог повлечь за собой суровые последствия. Да так фактически со многими и было. Сидя рядом со Штерном «открыв рот», я слушал такое, чего никогда не знал и не предполагал. У меня лично еще не было никаких сомнений в правильности поступков и решений Сталина и его соратников. Прозрение пришло постепенно, мучительно и под тяжестью фактов… В конце заседания был зачитан список кандидатов в новый состав ЦК, куда вошли и мы со Штерном.

В это время авторитет Сталина был велик и культ личности на всех парах двигался к своей вредной стадии. Однако еще оставались признаки деловых споров, когда обвиняемые выступали с доказательствами своей невиновности. Позднее (в

1948—1949 годах) мне пришлось наблюдать, как исключали ряд членов ЦК (Майского, Жукова и др.), и тогда уже не было ни их выступлений, ни вопросов, ни разногласий при голосовании. Это уже был расцвет культа, подхалимства и чего угодно, в чем все мы виноваты, будучи соучастниками этого.

Нужно ли вспоминать о репрессиях? Бесспорно, нужно. Чем дольше мы об этом не забудем, тем больше гарантий, что подобное не повторится. Но, думается, настала пора не только вспоминать сами факты происходивших арестов, ныне следует поглубже заглянуть в причины, попытаться найти их корни. Важно не только перечислить жертвы репрессий, но и присмотреться, устранены ли причины, уяснить, какие из собственных наших качеств облегчили возможность репрессий, в чем мы все должны измениться, чтобы избежать повторения.

В соответствующих условиях появившегося культа вокруг и около него образуется среда, порожденная им. И чем больше растет и крепнет культ личности, тем толще становится этот слой. И сам «культ» оказывается в плену той среды, которую он сам и породил. Благодаря происходившему длительное время отсеву около культа остаются люди, угодные ему. Это та питательная среда, которая его взращивает. Эти люди уже думают не по существу вопроса, а прежде всего о том, как бы угодить «личности».

Если взять конкретные условия культа личности Сталина, то я мог бы привести десятки примеров, когда основной вред исходил не от Сталина, а от его окружения. Я был рад, если оставался со Сталиным наедине, но это было редко. В подобном случае Сталин мог выслушать меня, попросить разъяснить, что ему неясно, или доказать, почему нужно сделать так, а не иначе. В результате в такой спокойной беседе обычно принимались правильные и грамотные решения. Но как только на моем докладе собиралось много его помощников, и особенно таких, как Берия, тут ничего хорошего ждать не приходилось: стоило Сталину высказать только еще предположение, как все хором вторили ему, думая о том, как бы угодить «вождю и учителю». Вот это и была типичная картина в тех условиях. В этом и заключался главный вред сложившейся системы. Глубокая вспашка почвы, порождающей культ личности, кажется, является одним из радикальных средств, чтобы он не пустил глубокие корни.

Там, где порождается культ, там непременно развивается лесть и неправда. Там слышен только голос тех, кто льстит, не сообразуясь с фактами и не задумываясь над истиной. В период культа личности Сталина мы привыкли прятать свое мнение, если оно хоть в какой-то степени расходилось с мнением верхов. Но

невысказывание мнения, которое я обязан высказать по своему служебному положению, — это уже сокрытие правды, это уже преступление перед государством и народом, которому ты служишь. И все это прикрывается ссылками на авторитет.

Думаю, что ложь является первопричиной возникновения культа. Только беззастенчивая неправда перед своей совестью и окружающими помогла Сталину уверовать в свою непогрешимость и единолично вершить всякие дела. От безобидной на первый взгляд неправды, умолчания, когда совесть требовала сказать истину, люди, окружавшие Сталина, постепенно переходили к беззастенчивой лести и лжи. Тот, кто почестнее, просто молчал, а тот, кто рвался вперед, не пренебрегал никакими средствами. Можно назвать фамилии тех и других. Те же, кто не хотел пойти на сделку со своей совестью, уходили в сторону и, как правило, кончали плохо…

Говорить правду — это совсем не значит говорить неположенное перед партией или государством. Но до тех пор, пока мы не научимся уважать себя и говорить только правду, не опасаясь за свое положение, почва для взращивания культа останется благоприятной и не будет гарантии, что он не возникнет снова.

Если всю мою жизнь и работу разделить на три далеко не равных отрезка времени, то в первом из них все происходящее вокруг представлялось мне удивительно хорошим. Даже в трудностях, которые встречались на пути, больше замечалось романтики, чем тяжести или опасности. Это были годы детства, учебы и первых лет службы. К этому периоду могу отнести все, что происходило до моего назначения командующим Тихоокеанским флотом. Затем под тяжестью ответственности и познания оборотной стороны медали начали зарождаться сомнения. Аресты на ТОФе, которые мне пришлось наблюдать, пожалуй, были первым толчком к критическому отношению ко всему происходящему вокруг… Нельзя было не задуматься. Правда, сначала не вызывали сомнения действия властей и необъяснимыми оставались только поступки знакомых мне людей. Не мог, скажем, я объяснить арест Н.И. Николайчика, который работал начальником штаба Амурской флотилии и с которым я был близко знаком еще в стенах училища. Как-то в конце 1937 года я приехал в Хабаровск на доклад к маршалу Блюхеру и провел вечер у Николайчика. Командующий флотилией был уже арестован, последний побаивался того же. Печальный, он поделился со мной: «Вот ни в чем не виноват, а боюсь, как бы не пришлось пострадать». — «Ну если я не виноват, то чего же мне бояться?» — убеждал я его и сам действительно

искренне так думал. В его невиновности я убежден и сейчас, а между тем он был арестован и погиб в Магадане[65]. Подобных случаев потом стало больше, и они уже казались не исключением, а системой.

Поэтому командование на Тихоокеанском флоте я отношу к пестрому периоду, когда на светлом фоне уже появились какие-то темные пятна — сомнения. Пусть это сначала было похоже на пробегающие отдельные облака, но они предвещали ухудшение погоды. Так до конца своей работы в Москве в 1947 году я пережил массу сомнений. Правда, эти сомнения относились главным образом уже к моей служебной деятельности. Не вдаваясь в вопросы большой политики, я наталкивался на различные шероховатости по службе. Я увидел, что решения принимаются совсем не так, как мне представлялось или как учили нас в академии. Сначала я думал, что виновен в этом сам: не умею доложить или не пользуюсь нужным авторитетом у начальства. Но постепенно убеждался, что у нас нет той государственной системы, когда каждый стоит на своем посту, когда каждый делает свое дело, когда ты точно знаешь, за что несешь ответственность и кому ты подчинен. Председателем Совнаркома был Молотов, но я вскоре убедился, что он никаких крупных вопросов не решает. Убедился и в том, что Ворошилов, о котором я всегда думал, что он в дружбе со Сталиным решает все военные дела, боится Сталина не меньше, чем любой другой нарком, и сам многое делает вопреки своим убеждениям. Ясность во все удалось внести уже значительно позднее…

Вернувшись в 1951 году в Москву, я убедился в еще более худшем положении: вопросы «жевались», сводились на нет, «загонялись в песок», по выражению многих. И не было видно конца отпискам зампредсовмина

Видя, как недостатков накапливается все больше, я решил, собрав наболевшие вопросы в один большой документ, написать Сталину и в копии — другим влиятельным тогда членам Политбюро. Но были уже иные времена. Этим я только вызвал недовольство Булганина, а делу не помог.

Просветом явились годы после смерти Сталина, когда я снова начал верить и ожидать перемен. Но под влиянием различных причин я должен был уйти с дороги… Если бы я знал, как мало удовольствия и морального удовлетворения принесет мне назначение наркомом с печальным концом и преданием суду, новым выдвижением и снова позорным снятием с должности, очевидно, тогда я не радовался бы этому назначению. Но блажен, кто верует, а я тогда еще веровал со всей страстью молодого командира.

Итак, мы тогда верили, что существуют враги. Сомневались только в отношении отельных лиц и относили это к ошибкам. Почему мы верили? Для этого надо вспомнить, как на протяжении многих лет нас воспитывали на необходимости вести беспощадную борьбу с врагами. Дзержинского при Ленине мы считали безупречным и одновременно справедливым и строгим. Затем один процесс за другим проходил перед нашими глазами, и нас все больше утверждали: есть враги революции, с ними ведется борьба Как очередную группу предателей восприняли мы сначала арестованного Тухачевского и других. Затем стали немного удивляться, что врагов много, но сомнений в их существовании еще не было. Коль скоро были враги раньше, то они могли быть (а возможно, и были в 1937 году) и теперь? Или их не было никогда?!

Факты вещь упрямая, а они говорят, что особенно в последний период жизни Сталина действительно происходили перегибы во всех отношениях. Государственные законы (Конституция) нарушались, а все исходящее сверху принималось на веру как гениальное. Я уже писал, что в знакомой мне отрасли флотского дела иногда его суждения были элементарно безграмотны. Да от одного государственного человека ожидать и требовать, чтобы он знал все, невозможно. Но то, что никто не брался подправить его, приводило к тяжелым последствиям. Полбеды, когда это касалось материальных ценностей, но хуже, когда нарушались государственные законы по отношению к людям. Здесь были сделаны непоправимые ошибки…

Если допустить, что в создании культа личности виновен сам Сталин и только Сталин, тогда дело обстоит просто: Сталин умер, а вместе с ним исчезли и все предпосылки к повторению культа. Однако, мне кажется, дело обстоит значительно сложнее. К созданию культа личности приложили руку многие руководители того времени. Я об этом говорю со всей решительностью потому, что был в их числе и готов принять на себя известную долю моральной ответственности. К числу непосредственных виновников создания культа личности относятся руководители, ближе соприкасавшиеся с ним. Чем ближе к Сталину был человек, тем больше он имел возможности содействовать расцвету культа своими действиями и репликами, признающими Сталина и любое его высказывание и поступок гениальными, либо, напротив, противодействовать ему своими возражениями или хотя бы простым молчанием. Я думаю, что это был длительный период, в котором вырастали и расцветали те, кто создавал культ, и один за другим исчезали те, которые высказывали свое недовольство (а в

последние годы и те, кто просто молчал).

Чем дальше от Сталина стоял руководитель, тем реже с ним встречался и тем меньше имел возможности принести вред или оказать пользу делу. Это как бы только основное правило. Но в этом правиле были исключения. Всех одной меркой мерить нельзя. Один находился ближе к Сталину и имел возможность кричать, поддерживая его, когда надо и когда не надо, но этого не делал: а другой находился подальше, и у него не было большой нужды славить все без разбора, что исходило от Сталина, но он шумел, чтобы его обязательно услышали.

В ноябре 1938 года у меня на флоте произошло несчастье. Новый эсминец «Решительный» буксировался из Совгавани (сначала из Комсомольска) во Владивосток. Неожиданно ухудшилась погода, разразился жестокий шторм и даже ураган, что привело к катастрофе. Корабль был выброшен на берег около мыса Золотой[66]… Вернувшись с места гибели корабля, я, оставив у секретаря крайкома Пегова письмо для матери, в плохом настроении выехал в Москву на Главный военно-морской совет. Выступая на заключительном заседании совета 19 декабря, я говорил о необходимости высокой боевой готовности, о противовоздушной обороне кораблей по опыту войны в Испании. Пришлось рассказать и о гибели корабля. Излагая факты, я старался убедить собравшихся в невиновности командира[67]. После окончания заседания совета нас, моряков, принимало правительство (члены Политбюро). Произносились речи о будущем крупном «морском и океанском флоте». Флотские вопросы в этот период были модными. Несколько коротких, но характерных разговоров со Сталиным относятся к нашей теме. «На флоте нужно служить семь лет», — высказался Сталин, обращаясь к нам. Тогда все его поддержали, но это было предварительное зондирование вопроса. «Это много, достаточно пяти лет», — доказывали мы, моряки, немного спустя, когда принималось окончательное решение. «Правительство пользуется таким авторитетом, что будут служить и десять, если выйдет постановление», — сказал Сталин, не допуская возражений. В этом тоне уже чувствовалась излишняя самоуверенность, а присутствующие его соратники, как хорошо помню, не возражали, кивая головой в знак согласия.

Атмосферу вокруг Сталина мне пришлось наблюдать с 1939 года. Я столкнулся со всеми неожиданными трудностями в начальный период войны, видел, как переживал их Сталин, пока положение не стало изменяться к лучшему. Когда ход войны складывался уже в нашу пользу, мне довелось наблюдать Сталина

в роли победителя, забывшего наши неуспехи в тяжелый 1941 год. Будучи участником конференций в Ялте и Потсдаме, помню, как велик был тогда авторитет Сталина и как вместе с ним вновь начал расцветать культ его личности. Помнится и такой момент, когда в день парада в честь Победы на обеде в очень тесном кругу в небольшой комнате у Кремлевской стены самые близкие помощники Сталина наперебой восхваляли его, предложив в один час присвоить ему звания генералиссимуса, Героя Советского Союза и наградить орденом «Победа». Но больше всего запомнилось, как тогда Сталин в конце обеда под влиянием сказанных речей заявил, что он «через год-два должен будет уйти на покой», не уточнив, как это он себе представляет. Зная теперь, сколь крупные ошибки произошли тогда, можно только сожалеть, что этого не случилось. Когда я снова вернулся на работу в Москву в 1951 году, я заметил крупные изменения в руководстве страной. Сталин, возведенный в ранг непогрешимого, уже редко появлялся на сцене, но именем его прикрывались те, кто фактически стоял у власти.

На XIX съезде партии и знаменитом после него Пленуме ЦК уже все видели, что происходит что-то неладное, что Сталин только подмахивает перечни постановлений правительства. «Тройки» и «пятерки» уже полностью заменили его в практической работе, не решая острых вопросов. В этом «окружении» не было слаженности.

Мне приходилось наблюдать работу «тройки»: Берия, Маленков и Булганин. Чувствовалось, что каждый тянул к себе, проворачивал то, что ему ближе. Государственного подхода не было. Этим они не помогли Сталину в конце его жизни, а, наоборот, оставили самое тягостное впечатление. Много решений было принято исходя из субъективных потребностей членов «тройки» или «пятерки». Каждый старался протолкнуть дела, которыми он ведал, отталкивая того, кто послабее. Были заметны и острые споры между ними, которые легко мог уловить опытный глаз какого-нибудь старого министра. Что бы произошло, если бы это тянулось долго, предсказать нетрудно. Самые острые проблемы, которые выдвигала жизнь в деле руководства страной, не решались, и никто не чувствовал ответственности за это.

Смерть Сталина в марте 1953 года не сразу раскрыла картину всего страшного, что происходило, и не сразу выявила необходимость решительных изменений во всех областях жизни нашей страны. Требовалось время. Даже правда, сказанная на XX съезде в 1956 году, воспринималась с недоверием: не хотелось верить, что было так, а не иначе. Со временем были оглашены более разительные факты, которые явились неожиданностью для

многих, в том числе и для меня.

Как пережил я смерть Сталина? За несколько дней до этого, вернувшись с собрания Московской партийной организации в Доме союзов, я получил знакомый красный пакет из аппарата ЦК, вскрывать который мог только лично я. Я ожидал получить сообщение о принятом по какому-нибудь вопросу решении, но это было извещение о болезни Сталина и его тяжелом состоянии.

После этого мы, члены ЦК, ежедневно заходили в приемную Сталина и знакомились с бюллетенем о состоянии его здоровья. Когда положение Сталина стало безнадежным, был собран внеочередной Пленум ЦК, который принял ряд решений: на Министерство государственной безопасности был утвержден Берия, на Министерство Вооруженных Сил — Булганин. Приняли еще какие-то изменения, о которых не могу вспомнить. В тот же вечер было получено сообщение о смерти Сталина…

Физическая слабость Сталина оставалась народу неизвестна, и поэтому его кончина произвела в массах ошеломляющее впечатление. Но уже через несколько месяцев то, что казалось прежде невероятным, стало заслоняться новыми людьми и новыми событиями. Несколько иначе к смерти Сталина относилось его окружение и руководящие работники правительственного аппарата, не раз задумывавшиеся над дряхлостью своего вождя и видевшие приближение того, что неизбежно для всех смертных.

Должен признаться, что я не испытал тогда чувства сильного огорчения или мучительной тревоги от вопроса «как будет теперь?». Я не собирался зачеркивать все прежние заслуги Сталина перед государством. Но ежедневные и ежечасные военно-морские вопросы, над которыми мне приходилось трудиться и которые не находили разрешения в предвоенные годы активной деятельности Сталина, и его отношение к флоту в период войны с неудачным началом и победным концом — все это омрачало мое отношение к нему.

Замену он себе не готовил, как не готовился в 1941 году начать в любой момент войну с Германией. Если война не является фатальным исходом в каждом случае, то смерть (да еще после 70 лет) — неотвратимая неизбежность, и с ней нужно считаться. Всякие рассуждения о независимости относятся к области филантропии, и не больше. Жизнь после смерти Сталина, как показал опыт, пошла своим чередом, и нельзя жаловаться, что она пошла хуже. История делается не отдельными личностями, хотя, конечно и зависит от них в известной степени.

В Москве во время похорон произошли толкучки с жертвами,

но это следует отнести к отсутствию в траурные дни должной распорядительности.

Мне довелось стоять в почетном карауле и участвовать в переносе тела Сталина в Мавзолей. Это были дни истинной скорби. И слезы на глаза стоявших в карауле, и слезы проходящих мимо смертного одра в Доме союзов, где стоял гроб, казались искренними. Но вот похоронная процессия пришла на Красную площадь, отгремели залпы салюта, и все как бы примирились с неизбежным, вернувшись к своим обыденным делам и заботам.

Теперь, думал я, все то, что тормозилось в последние годы болезнью Сталина, найдет наконец какое-то разрешение. Все должно пойти по-иному. С новой силой появится необходимость решать все нерешенные флотские вопросы. Новые надежды вспыхнули у меня. Теперь меня поймут и уделят больше внимания. Но через несколько недель крупные организационные мероприятия по Министерству Вооруженных Сил заслонили до поры мои конкретные вопросы.

В молодости мои жизненные идеалы целиком совпадали с конечными целями нашей партии, в которых я никогда не сомневался. Да и как возможно сомневаться в том, что действительно хорошо, и сомневаться мне, который получил все, начиная от образования и положения в обществе, только благодаря социалистическому строю, установленному в результате Октябрьской революции.

Однако пути и способы достижения светлого будущего я в годы молодости идеализировал больше, чем следует. Мне пришлось не раз вносить коррективы в свои наивные представления, причем вносить их не только с огорчениями, но и с определенным ущербом. Так, до последних лет я слишком большое значение придавал справедливости, которая, по моему убеждению, должна пронизывать весь наш строй, всю нашу систему. Когда-то мне привили, что коммунист — это самый справедливый, прямой и честный человек. А наши руководители мне представлялись подобно сверхъестественным существам, кристально чистыми, справедливыми и искренними людьми.

Занимая различные посты, я, по мере продвижения вверх по служебной лестнице, ожидал встретить там еще более идеальных, если можно так выразиться, людей-коммунистов. В этом меня не раз постигало разочарование. Жизнь на практике оказалась совсем не такой идеальной, как я ее себе представлял. Самое большое разочарование меня постигло, когда я, встречаясь с высокими руководителями, в первый же период своей работы получил несколько тумаков за искреннее изложение своей точки зрения. Я был уверен, что, как коммунист, не могу кривить душой

перед своим начальством, а на практике оказалось, что подобная моя позиция — всего лишь «простодушие», никому не нужная наивность, и не более того. Это заставило меня присмотреться, как же поступают люди, более искушенные по работе в высших сферах. Я с горечью констатировал, что они не так уж щепетильны насчет искренности.

Никогда не забуду разговор на квартире у Сталина, когда я откровенно поделился с Молотовым своим сожалением по поводу того, что далеко не всегда мне удается удачно выразиться, попадая, как говорится в точку, но что делаю я это в любом случае искренне, как понимаю тот или другой вопрос. А он мне на это как бы в поучение молодому человеку: «Только «шляпа» высказывает то, что думает». Я, конечно, понимал, что в разговоре с врагами или в дипломатических переговорах с иностранцами не следует простодушничать, но никак не мог усвоить, зачем нужно хитрить также и в разговорах со своими руководителями. Потом, не раз оказываясь в соответствующих ситуациях, я наблюдал за разговорами окружающих, думая, в какой степени их разговоры откровенны, и в некоторых случаях становился свидетелем того, как вот, например, товарищ Н. теперь говорит совсем не то, что думает, а соглашается с тем, с чем всего несколько часов тому назад он был не согласен.

Образцом такой беспринципной изворотливости был Булганин. Сколько раз я не только изумлялся, а просто возмущался, как он менял в угоду начальству свое мнение, высказанное накануне. Да не просто менял, а еще и ругал тех, кто накануне докладывал ему верные решения. Как раз им-то он и приписывал те глупости, в которых сам был вчера убежден.

Например, разбирается вопрос о зенитном вооружении корабля, и вопреки нашему мнению он настаивает поставить такие-то пушки. Мы не соглашаемся. На следующий день при докладе Сталину получается конфуз. Сталин спрашивает: «Кто эти глупости выдумал?» И тогда он (Булганин) без зазрения совести тут же в глаза докладывает, что «вот они, моряки, предлагают так, а не иначе».

Не раз битый, я и сам, конечно, научился не вылезать со своим мнением, не узнав мнения начальства. Но преуспеть в этом деле я не мог. Так до конца своей службы, как будто кто-нибудь тянул меня за язык, мне хотелось сказать то, что я думаю, а не то, что полезно лично для меня. А сколько образцов преуспевания имел я перед собой, чтобы освоить этот стиль работы!

Первые «медовые» месяцы работы в Москве прошли быстро и были нехарактерны. Ко мне присматривались и щадили меня. Истинное положение я узнал позднее…

Как же встретили мое назначение флотские круги и мои ближайшие помощники по работе в наркомате? Как сложились отношения с работниками? Об этом правильнее сказать в свете прожитых лет и не руководствоваться воспоминаниями того времени.

Я был молод и без достаточного опыта. Многие, не говоря об этом, конечно, прямо, критически отнеслись к моему назначению. Не случайно несколько раз мне между прочим напоминал об этом и Сталин. «Вот говорят, что вы молоды, а мы назначили и не побоялись», — как-то упрекнул он меня, когда я высказался против одного назначения, ссылаясь на неопытность кандидата.

Я и сам понимал, что по возрасту и опыту не был подготовлен к такому высокому посту. Это я прямо высказал летом 1939 года в училище Фрунзе, беседуя с выпускниками. «Я далеко не обладаю нужными знаниями, но раз меня назначили, считаю своим долгом приложить все усилия, чтобы справиться с работой», — и сказанное было правдой. Не мне судить, насколько мне это удалось.

Положительным в моем назначении являлось то, что я был моряком и до этого все время плавал на кораблях, командовал крейсером и флотом, а стало быть, имел определенные преимущества перед Смирновым или Фриновским, что, видимо, многие ценили. Первый нарком ВМФ продержался недолго и после разгромных поездок по флотам сам был арестован. Фриновский же, человек далекий от флота и явно случайный, больше занимался присмотром за людьми с помощью своих соглядатаев да нагонял страх на руководителей — специалистов флота.

Вскоре после моего назначения общие разговоры прошли и начали складываться отношения с людьми, которым я был подчинен или которые были подчинены мне.

В конце 1939 года обстановка изменилась. Началась вторая мировая война. В вопросах подготовки к войне Наркомат обороны и Генеральный штаб должны были давать все исходные данные для Военно-Морского Флота. Судостроительная программа отошла на второй план. Правительство было занято более крупными и спешными делами, а флотские вопросы стало решать еще труднее. Уяснив, что это не модно, остыли к нам — морякам и помощники Сталина. Со временем с каждым из них сложились определенные отношения. Особняком, конечно, стоял Сталин. С ним у меня не установились отношения подчиненного к начальнику, даже тогда, когда он стал Предсовнаркома. Его тогда уже чаще звали вождем или хозяином (что мне страшно не нравилось); с какой-то беспредельной властью и без всякого

регламента в отношении к своим подчиненным руководил он безраздельно всеми и вся.

В этот период наркомы для него уже не были наркомами. Только с отдельными из них (НКВД, НКО, НКИД) он имел прямые отношения, потому что они являлись, как правило, членами Политбюро, остальные же поручались одному из зампредсовнаркома, который и ведал ими. Когда была утверждена новая большая судостроительная программа, то Молотову было поручено следить за кооперированными поставками всех наркоматов. Фактически именно он являлся повседневным руководителем строительства «большого флота». Практически мне приходилось решать у него все вопросы судостроения. Считая своим долгом шефствовать над флотом (но, повторяю, только в тот период, когда было принято решение строить большой флот), Молотов избегал только оперативных вопросов. По всем проблемам он обязательно советовался со Сталиным. Позже, не имея возможноети попасть к Сталину целыми неделями, а потом и месяцами, я просил его поручить кому-либо заняться текущими вопросами флота. Он обращался тогда обычно к Молотову и поручал ему. Тот неохотно кивал головой и сердился на меня, хотя я никогда персонально на него не указывал. Очень занятой, в отношениях он был сух и вопросы флота решал неохотно.

Вот тогда у меня и сложилось о нем мнение. В дальнейшем, по мере того, как все стало подчиняться оперативным вопросам, которые решались только у Сталина, наши связи стали менее тесными.

Молотов был на деле первым заместителем главы государства. Редко можно было видеть Сталина в кабинете без Молотова. Так он и запомнился мне, всегда сидящим слева от Сталина (справа постоянно сидел Ворошилов) с папками для бумаг, из которых что-нибудь зачитывал Сталину, пользуясь перерывами между докладами вызванных на прием. Так было и в годы войны. Он являлся первым заместителем Сталина по ГКО и Ставке ВТК.

Это был, бесспорно, преданный Сталину человек, выполнявший все его указания. Я не слышал когда-либо возражений с его стороны. Мне довелось два-три раза присутствовать при резких диалогах между Молотовым и Ворошиловым, когда Сталин мирил их, и, насколько я помню, он всегда поддерживал Молотова и высоко ценил его. Сталин умел подбирать себе помощников. Он много работал сам и заставлял работать их. Но и среди самых работоспособных руководителей нашего государства в те годы Молотов был наиболее

работоспособным. Мне хорошо известно, что он уходил очень поздно, брал с собой папку, набитую бумагами, и утром приносил ее с наложенными резолюциями.

Молотов разделял точку зрения Сталина в годы репрессий и, как мне думается, усомнился в их правомерности лишь после того, как была арестована его жена Полина Семеновна. Он, конечно, верил ей, и я видел, как он воздержался при голосовании об ее исключении из партии на XVIII партконференции. Этот и ряд других фактов говорят за то, что он не слепо подчинялся Сталину; их мнения почти всегда совпадали, но он был тверд, когда следовало отстаивать свою позицию.

После того, как Сталин взял портфель Предсовнаркома в 1940 году, в деятельности Молотова почти ничего не изменилось. Он по-прежнему занимал свое место в Политбюро ЦК или в Ставке и выполнял директивы Сталина.

По характеру сухой, редко улыбающийся и угрюмый человек, он даже при просмотре какой-нибудь кинокомедии в присутствии Сталина и гостей был официален и не допускал никаких «вольностей».

Одним словом, В.М. Молотов — прекрасный исполнитель воли Сталина, и, кажется, Сталин лучшего помощника иметь не мог. Однако в дни XIX съезда партии и позднее Молотов ушел в тень, и, под влиянием своего своеобразного окружения Сталин заподозрил его в попытке узурпации власти. Об этом он, помнится, достаточно ясно высказался на пленуме, состоявшемся после XIX съезда партии, ссылаясь на прочитанное им что-то из иностранных источников. Но то было уже в годы болезни Сталина. Тогда кое-кто раскладывал пасьянс на случай его скорого ухода «в лучший мир», а Сталин становился все более подозрительным.

У меня отложилось в памяти, как однажды, в 1952 году, вызванные к нему на ближнюю дачу, ехали члены Политбюро и я по флотским вопросам. Меня поразила тогда та темнота, в которую была погружена вся территория дачи. Зная в лицо прибывших, нас пропустили, но мы и дальше ехали по темным дорожкам, освещенным фарами машин. У подъезда стояли два низких столбика с синими фонарями. Рассказывали, что Сталин имел обыкновение иногда проверять, нет ли следов около забора. Ну, то, может быть, и пустая болтовня, но оснований к этому достаточно.

Я не могу не сказать несколько слов о знакомстве и моих отношениях с маршалом Жуковым. Это, бесспорно, талантливый полководец. О Жукове я попутно вспоминаю потому, что от него

зависело много как в моей личной судьбе, так и в деле развития флота. Он не любил флот. На мое замечание о неудачных взаимоотношениях армии и флота он искренне ответил: «Это не имеет ровным счетом никакого значения». В этих словах весь Жуков по части его интересов к флоту. Я не отрицаю самых высоких его качеств как полководца, но по части флота имею сложившуюся точку зрения. Исторически мы знаем ряд примеров, когда талантливые полководцы не годились в начальники штабов или недооценивали роль флота. Так было с Наполеоном, Гинденбургом и другими.

Я познакомился с ним летом 1939 года. Он, кажется, прибыл в Москву сразу после столкновения с японцами у реки Халхин-Гол в Монголии. Там он командовал корпусом и играл важную роль во всей кампании, хотя официально всеми силами командовал командарм Г.М. Штерн, хорошо знакомый мне по Испании и Дальнему Востоку. Там мы были с ним соседями. Я командовал ТОФ, а Григорий Михайлович — 1-й Краснознаменной армией. На одном из совещаний в кабинете Сталина присутствовал и Г.К. Жуков, чувствовавший себя героем Халхин-Гола. Пожалуй, в те дни он и был назначен командующим Киевским Особым округом. Мимоходом мы встречались с ним в январе 1941 года, когда проходила большая оперативно-стратегическая игра. Моряки в ней активного участия не принимали, и я, бывая у наркома обороны маршала Тимошенко, раза два-три встречал в «кулуарах» различных военачальников, в том числе и Г.К. Жукова Фамилия его тогда уже частенько произносилась, поскольку он был одной из крупных фигур в Наркомате обороны, а в самом начале февраля я узнал о его назначении на должность начальника Генерального штаба. Говорили, что Мерецков неудачно сделал разбор игры и не понравился Сталину.

Наши отношения с первых встреч нельзя было назвать плохими (к этому не было оснований), но в то же время они не стали такими служебно-дружескими, какими мне хотелось бы их иметь для пользы более тесного взаимодействия двух военных наркоматов. Не берусь утверждать, откуда и кем были навеяны Жукову прохладные отношения к флоту и нежелание вникнуть более глубоко в наши морские дела. Ведь он, бесспорно, считал Генеральный штаб высшим оперативным органом всех Вооруженных Сил, что понимали и моряки. Мне думается, в то время сравнительно еще малочисленный по составу флот (пока не была реализована «большая программа») не вызывал особого интереса у Сталина на случай скорой войны, и это, видимо, слышал и знал Жуков. Кроме того, и среди других высоких военачальников не всегда было достаточное понимание роли

флота, и мне самому приходилось не раз слышать критические замечания в адрес моряков. В кабинете Ворошилова известный Г.И. Кулик однажды высказал мнение, что «корабли никому не нужны». Я посмотрел на Ворошилова. Он промолчал, и у меня сложилось впечатление, что в душе он согласен с Куликом, но по своему Положению открыто это не высказывает.

На мнение Жукова о флоте, мне думается, наложило отпечаток его незнание кораблей и специфики флота. Мои попытки ближе познакомить Жукова с флотскими делами и тем самым вызвать у него интерес к этому виду Вооруженных Сил не увенчались успехом. Не получилось это и у И.С. Исакова. К сожалению, интерес к флоту у Жукова не проявился и в годы войны, о чем он сам пишет в своей книге «Воспоминания и размышления», хотя и объясняет это своей занятостью. Сколько раз мне приходилось слышать из уст Жукова иронические высказывания о флоте. Правда, он отдал должное морским бригадам, которые действовали под Москвой в 1941 году. Значительно позже, когда Жуков был уже в течение нескольких лет министром обороны, совершая поход на крейсере (кажется, в Албанию), он будто бы (находясь в жарком машинном отделении) сознался, что только теперь понимает трудность службы на кораблях. Но это были уже последние дни его пребывания в должности министра, а значит, и на кораблях.

Об этом не стоило бы вспоминать, если бы взгляды на флот руководителей Наркомата обороны не отражались на эффективности использования Военно-Морского Флота на случай войны. Для понимания специфики флота не требуется досконально знать морское дело. Моряки моего поколения хорошо помнят, как назначенный на пост наркомвоенмора М.В. Фрунзе в первое же лето отправился в длительное плавание на линкорах в южную часть Балтийского моря, внимательно присматривался к работе на кораблях и на разборе похода в Кронштадте отметил особенности высокотехничного флота и его потребности. «Мы еще не богаты, но скоро наступит время, и флот получит все, что нам нужно для обороны морских границ», — таков был смысл его выступления.

Перед войной я несколько раз встречался с Жуковым. Ряд документов или телеграмм нами подписан совместно. Но в одном у него были неправильные, по моему глубокому убеждению, взгляды — это в вопросах взаимодействия. Я стоял на позициях единства командования в таких пунктах, как Либава или Моонзундский архипелаг, не настаивая, что старшим должен быть обязательно моряк. Г.К. Жуков во всех случаях, с одной стороны, признавал старшинство только сухопутного начальника,

а с другой — не хотел возлагать на него всю ответственность. Благодаря этому с началом войны в Либаве было два, по существу, независимых начальника: командир 67-й стрелковой дивизии Н.А. Дедаев и командир базы М.С. Клевенский. Как пример. Уже с началом войны Жуков в своей телеграмме давал указания, что на островах Эзель и Даго старшим является сухопутный начальник, а командующий флотом распоряжается только береговой обороной. Но, как было очевидно и до войны, сила Моонзундского архипелага заключалась именно в умелом и наиболее эффективном использовании всех средств обороны: сухопутных частей, береговой обороны, авиации и, когда потребуется, кораблей. Кто же мог лучше всего организовать взаимодействие, как не командующий флотом? Опыт вскоре заставил так и сделать, но время — дорогое время! — было потеряно.

Как известно, Жуков был начальником Генерального штаба до 1 августа 1941 года, но это были те трудные недели становления Ставки Верховного Главнокомандования, когда флоты, оперативно подчиненные фронтам, получали директивы на месте. Крупные же вопросы решались И.В. Сталиным. Видимо, поэтому у меня не удержались в памяти эпизоды из наших взаимоотношений с Жуковым в те дни относительно флота. В то же время запомнились его два-три доклада в Ставке после посещения фронтов. Они носили характер докладов, присущих военачальникам: с картами, выкладками и предложениями. Жуков был строевым военачальником, обладающим сильной волей и стальным голосом. Ему больше походило командовать, а не копаться в бумагах. Роль начальника штаба не для него. Каждому — свое! В жизни я много видел моряков, прекрасных командиров кораблей или соединений, но неважных начальников штабов. В Жукове черта командования просматривалась во всем. Начальник штаба не должен быть таким честолюбивым. Мне думается, что ему и самому штабная работа была не по душе. Так или иначе, но И. В..Сталин пришел к выводу, что на должность начальника Генерального штаба полезнее вернуть маршала Б.М. Шапошникова, а когда последний в середине 1942 года серьезно заболел, то выбор пал на А.М. Василевского. Александр Михайлович в противоположность Жукову был как бы рожден для штабной работы, а когда в конце войны ему предложили командовать фронтом, то он, по его словам, взялся за это дело не без колебаний и сомнений. Так, один может прекрасно командовать, другой охотнее, а значит, и успешнее заниматься теоретическими или оперативными вопросами. Счастливое сочетание бывает, когда у хорошего полководца, обладающего

волей и решительностью, начальником штаба работает человек с аналитическим умом, способный кропотливо руководить штабом, разрабатывать планы и тем самым оказывать неоценимую услугу своему начальнику — полководцу. Еще в стенах академии приходилось не раз слышать, будто в годы первой мировой войны в Германии Гинденбург был безупречным полководцем, а Людендорф — талантливым штабным работником. Говоря конкретно о Жукове и о периоде, когда он был начальником Генерального штаба, я осмелюсь высказать мнение, что он по своему характеру больше сделал бы (а потом и делал) на строевой должности на фронте, чем в Генеральном штабе в Москве. Есть люди, которых трудно представить за письменным столом перед грудой бумаг, а другие, обладая высоким образованием, совсем не пригодны командовать.

О Жукове я в то время знал лишь из случайных рассказов его старых знакомых. Так, С.М. Буденный вспоминал, как Жуков вступал в командование кавдивизией и как излишне сурово обещал навести в ней порядок. От Я.В. Смушкевича и Г.М. Штерна я слышал мнение о Жукове из событий на Халхин-Голе. Там он командовал корпусом и проявил себя как волевой и опытный начальник (позднее он все успехи в боях с японцами, говорят, старался приписать себе). Короткие встречи с ним не позволили составить полное представление о нем, да и нужды в этом у меня не было. Меня интересовала всего одна сторона деятельности Жукова — его отношение к флоту, и я был удручен, не находя в нем живого и товарищеского отклика на свои предложения.

Канун войны, 21 июня, когда я наблюдал его пишущим телеграмму округам о серьезном положении и возможном нападении немцев, оставил у меня неизгладимое впечатление. Как сейчас вижу Жукова без кителя, сидящим за столом и пишущим что-то, в то время, как нарком Тимошенко ходит по кабинету и диктует ему… Из отрывочных разговоров я уловил, что писалась телеграмма по тому же вопросу, по которому был приглашен и я с заместителем начальника штаба ВМФ Алафузовым.

Моя попытка подробнее поговорить об обстановке и возможных действиях со стороны нас, моряков, не увенчалась успехом: они были слишком заняты своим чисто армейским делом, чтобы сейчас уделить внимание флоту. Я это понял, и мы быстро ушли заниматься своими делами по приведению флотов в полную готовность, ожидая ежеминутно докладов о их состоянии.

В течение всей войны и после нее я часто вспоминал этот день, являвшийся кануном величайшего испытания, нашу недостаточную подготовленность и ее последствия в самом

начале и в дальнейшем ходе боевых действий.

В конце августа и начале сентября 1941 года я находился в Ленинграде. Обстановка там сложилась весьма серьезная. Недаром туда выезжали ответственные члены ГКО и Ставки: В.М. Молотов, Г.М. Маленков, А.Н. Косыгин, а из военных, кроме меня, были Н.Н. Воронов[68] и П.Ф. Жигарев. Для меня неизвестными остались детали разговоров представителей ГКО из Москвы с К.Е. Ворошиловым и А.А. Ждановым, но когда я вернулся 12 сентября в Москву, то был немедленно вызван в Кремль. Разговор шел лично с И.В. Сталиным относительно минирования кораблей Балтфлота на случай захвата Питера немцами. «А вам известно, что мы освободили Ворошилова и туда (в Ленинград) уже вылетел Жуков?» — сказал мне Сталин в ходе беседы. Как оказалось, мы с Жуковым разминулись в воздухе. Он командовал в Ленинграде недолго[69], до первой половины октября, и я только от командования Балтийского флота узнал о его распоряжениях. Его волевые и, видимо, неизбежные в тех условиях чрезмерно строгие приказы иногда граничили с ненужной суровостью, но всякий очутившийся на его месте, видимо, поступал бы так же в той критической обстановке. Это я понимал и никогда не сетовал на его не всегда обоснованные упреки в адрес моряков.

После этого мы длительное время встречались с Жуковым от случая к случаю в Ставке. Он командовал Западным фронтом, оборонял Москву и проявил себя как талантливый полководец. С августа 1942 года он был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего, чаще стал бывать в Москве, но отношения к флоту имел мало. Только в 1943 году летом мы с ним вместе вылетели в район Новороссийска, когда шла упорная борьба за Малую землю и помощь Черноморского флота была крайне нужна.

В августе 1944 года мне довелось вылететь с Г.К. Жуковым в Румынию — готовилась операция на территории Болгарии. Румыния уже капитулировала Ставка послала Жукова координировать действия фронтов в дни наступления, а меня — для помощи ему по части действия Черноморского флота. Помнится, в Чернаводе, где находился штаб маршала Ф.И. Толбухина, мы провели два дня. Я выехал в Констанцу в ожидании сигнала Ставки о наступлении. Жуков обещал поставить меня в известность. В штабе Ф.И. Толбухина, с которым я был знаком с 1931 года по маневрам в Ленинградском военном округе, мне впервые довелось увидеть Жукова, работавшего вместе с командующим фронтом над намеченной операцией по освобождению Болгарии. В делах сухопутных я не входил в

детали, но все же был в состоянии уловить, как обстоятельно изучает положение на фронте маршал Жуков и насколько уверенно он дает указания своим подчиненным. Ведь шел уже 1944 год. Позади было много печальных уроков, но и приобретено немало опыта борьбы с немцами. К тому же Георгий Константинович как заместитель Верховного Главнокомандующего чувствовал себя особенно уверенно, победа под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге и участие почти во всех «сталинских ударах» создали ему к этому времени высокий авторитет, и он им пользовался в полной мере.

«Итак, Черноморский флот в назначенное время высадится в Варне и Бургасе», — сказал мне Жуков, когда все планы были разработаны и я готовился выехать в Констанцу. «Вы, конечно, своевременно информируете меня?» — спросил я маршала, зная, что на этом этапе борьбы и на таком участке армия могла обойтись без помощи моряков. Мои опасения оказались ненапрасными. Предупреждение о выступлении войск маршала Ф.И. Толбухина я получил не от Г.К. Жукова, а от своего представителя С.Ф. Белоусова, которому было приказано «внимательно следить» за обстановкой и не пропустить «момента выступления». Жуков же сообщил мне об этом с большим опозданием, и, как я тогда подумал, не случайно. Он ревностно относился к каждому листку лавра в награду за ожидаемую победу. Черноморцы также не хотели упустить возможности отличиться и попросили у меня разрешения высадить десант на летающих лодках «Каталина», чтобы скорее занять порты Варну и Бургас ввиду отсутствия, как предполагалось, сопротивления. Так и было сделано. Командир батальона морской пехоты Котанов мне потом рассказывал, улыбаясь, что его морпехотинцы страдали только от объятий и поцелуев болгарок, оставлявших следы губной помады. «Ну, это терпимо!» — закончил он свой доклад и перешел на сравнения, «в каких переделках» бывал его батальон до этого. Котановцы действительно были известны на Черном море.

К концу войны у меня сложилось определенное мнение о Жукове как талантливом полководце. Он всю войну находился в центре самых важных событий на фронтах. Его имя часто упоминалось в Ставке и в приказах Верховного Главнокомандования. Он стал трижды Героем Советского Союза и был награжден орденом «Победа». Всякий человек обладает положительными личными качествами и недостатками, но это никогда не должно заслонять главного — того, что он сделал для своей Родины. Несколько раз, встречаясь с маршалом Жуковым в интимной обстановке в окружении друзей, я наблюдал, каким

уважением он пользуется, и считал это заслуженным. Твердый голос Георгия Константиновича даже за обеденным столом при мирных тостах отличал его как волевого военачальника

Запомнился прием у И.В. Сталина на даче после первомайского парада и демонстрации в 1945 году. Маршал Жуков тогда командовал 1-м Белорусским фронтом — ему было поручено решать главную задачу при занятии Берлина и окончании войны с фашистской Германией. Мне известно, что не без ревности отнеслись к этому другие маршалы, претендовавшие на ту же роль. Как-то в личной беседе со мной К.К. Рокоссовский в апреле 1967 года откровенно признался, что имел разговор со Сталиным по поводу того, почему его перевели на другой фронт, ведь он никогда не получал упреков за свою деятельность. Сталин будто бы ответил, что три фронта решают исход войны и все одинаково важны, но, дескать, Ставка единодушно решила: на фронт, которому поручалось занять Берлин, выбрать маршала Жукова. «При решении крупных государственных вопросов личное должно отходить на второй план», — будто бы сказал Рокоссовскому И.В. Сталин.

На упомянутом выше приеме Жукова не было, он находился в самом пекле борьбы за фашистское логово. Разговор о нем начал сам И.В. Сталин, прочитав присутствующим телеграмму Жукова о том, как ему предлагалось пойти на перемирие и как он ответил, что только безоговорочная капитуляция ответственных представителей Германии закончит войну. «Молодец!» — с явной похвалой в адрес Жукова отозвался Сталин. Мы подняли тост за победу. Это была вершина славы, заслуженной славы маршала Жукова в бытность Сталина

Дважды я виделся с Георгием Константиновичем во время Потсдамской конференции в июле 1945 года, когда мы встречали поезд с нашим руководством на вокзале. Я был удивлен ненужным и недостойным маршала выражениям во время его грубого общения с кем-то по телефону. Тон его разговора свидетельствовал, что он теперь может все.

Мои личные отношения с Жуковым в это время были хорошими. Я слышал от него пренебрежительные замечания в адрес флота, но не придавал этому значения. Деловых связей было мало, а к подобного рода критическим отзывам я как моряк привык.

После войны он был назначен в Москву. И.В. Сталин еще оставался наркомом обороны, а Жуков его заместителем. Фактически же все текущие дела находились в руках Н.А. Булганина.

Вскоре с Жуковым произошла первая неприятность из целой

серии служебных неудач. Однажды в зале заседаний Кремля собрались члены Политбюро и маршалы. Выступил И.В. Сталин и объявил, что Жуков, по полученным им данным, ведет разговоры о якобы незначительной роли Ставки во всех крупных операциях. Он показал телеграмму, на основании которой делались такие выводы, и, обращаясь к членам Политбюро, сказал: «Вы знаете, как возникали идеи различных операций». Дальше он пояснил, как это бывало. Идея рождалась в Ставке или предлагалась Генеральным штабом. Затем вызывался будущий командующий операцией, который, не принимая пока никакого решения, вникал в суть идеи. После этого ему предлагалось тщательно продумать и (не делясь пока ни с кем) доложить (через неделю-две) Ставке свое мнение. Ставка же разбиралась в деталях и утверждала план будущей операции. С планом операции знакомился узкий круг лиц, и начиналась разработка документов фронта Жуков присутствовал, но не опроверг сказанного.

Все считали своим долгом высказать на этом необычном совещании свое мнение с осуждением Жукова. Одни говорили резко и не совсем справедливо, а большинство — осторожно, но в том же духе. Я решил не высказывать своего мнения и оказался единственным «молчальником», хотя такое поведение могло быть расценено руководством отрицательно. Поступил я так потому, что не знал существа дела, а обвинять Жукова со слов других не хотел. Несколько месяцев спустя, когда Жуков был у меня на даче, он с благодарностью отметил мое «объективное» поведение. К сожалению, как потом увидим, совсем по-иному поступил сам Георгий Константинович, когда ему надо было либо заступиться за меня без всякой «натяжки», либо встать на сторону Н.С. Хрущева, с которым у меня сложились явно неприязненные отношения. Тогда Г.К. Жуков предпочел фактам добрые отношения с Хрущевым. Правда, несколькими годами позже куда более коварно поступил с Жуковым и его старый друг Хрущев. Но это уже выходит за рамки моей темы.

В конце сороковых годов я после надуманного «суда чести», о котором уже шла речь, был вторично направлен служить на Дальний Восток. Г.К. Жуков недолго командовал Одесским военным округом, а после «чрезвычайного» решения Политбюро был переведен в том же восточном направлении, что и я, но поближе к Москве — в Свердловск. В эти годы мы с ним встречались несколько раз на сборах в Москве, и, помнится, он обижался: «Почему вы не заехали ко мне, когда проезжали мимо Свердловска?» Признаюсь, никаких особых причин к этому не было, кроме той, что в Свердловске я останавливался всего на несколько часов. Он же, видимо, расценил это как умышленное

нежелание встречаться с опальным маршалом. Такими мотивами я никогда не руководствовался, хотя знал, что двум опальным встречаться в те годы было неразумно.

В 1953 году Г.К. Жуков был назначен в Москву на должность первого заместителя министра обороны. Произошло это немедленно после смерти И.В. Сталина и по прямому указанию Хрущева. Я же двумя годами раньше — в 1951 году — был возвращен на работу в Москву как министр ВМФ. Наши пути с Г.К. Жуковым сошлись. Я как министр не был ему подчинен, но ряд вопросов должен был согласовывать с ним. Дело шло туго — он занимал антифлотскую позицию в деле строительства кораблей и этого не скрывал.

О двух эпизодах нельзя не вспомнить. Г.К. Жуков, будучи весьма честолюбив и считая наркома ВМФ по рангу ниже его, маршала, однажды приказал через адъютанта «позвонить ему по телефону». Я счел этот приказной тон, да еще через адъютанта, невежливым, а формально неуставным и неправильным. Промолчал! На повторный звонок ответил, что если Жукову я нужен, то он знает мой номер кремлевской «вертушки». Он обиделся. Совсем не так давно об этом мне рассказал со слов Р.Я. Малиновского К.К. Рокоссовский, но уже в сильно искаженном виде. По его словам, Жуков будто бы приказал мне явиться к нему, а я на это ответил: «Если ему нужно, то пусть он приезжает ко мне». (Чего не было, того не было.) Жуков, якобы обиженный таким дерзким ответом министра ВМФ, пообещал когда-нибудь это припомнить. Хотя Жуков формально был заместителем министра обороны, но, опираясь на дружбу с Хрущевым, вел себя довольно независимо. Они оба, Хрущев и Жуков, открыто ругали И.В. Сталина и выдумывали всякие небылицы. Но это остается на их совести. В книге Жукова я уже прочитал другое.

Наши отношения с ним стали поистине драматическими, когда он в феврале 1955 года был назначен министром обороны и получил «карт-бланш» от Н.С. Хрущева. Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, как распрямляющаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу.

С чего началось? За несколько дней до утверждения Г.К. Жукова министром обороны мы с маршалом А.М. Василевским сидели на расширенном Пленуме ЦК в Большом Кремлевском дворце. Из президиума одновременно получили записки тогдашнего министра обороны Н.А. Булганина одного содержания: «Прошу зайти ко мне в кабинет в 13 ч. 15 м.». Прочитали и спросили друг друга, пока не зная ничего: «По какому поводу нас приглашают в кабинет министра?» Принимал

нас Н.А. Булганин по очереди: сначала А.М. Василевского, потом меня. От имени Президиума ЦК он информировал нас о принятом предварительном решении освободить Г.М. Маленкова с поста Предсовмина и вместо него назначить Н.А. Булганина. На пост же министра обороны уже был назначен Жуков, и теперь спрашивали мнение маршалов, одобряют ли они кандидатуру. Мне потом стало известно, что некоторые высказывались за Василевского (в частности, В.Д. Соколовский), некоторые — за Жукова. Когда я постфактум случайно коснулся этого вопроса в беседе с К.К. Рокоссовским, то он ответил просто: «Товарищ министр, мы, моряки, не претендуем на такой общевойсковой пост, и кого из Маршалов Советского Союза сочтут нужным назначить министром, — я не берусь даже высказывать свое мнение. Однако если будет назначен Жуков, то мне казалось бы правильным указать ему на необходимость впредь более объективно относиться к флоту». Такое опасение с моей стороны было не случайным. За последнее время я слышал ряд весьма нелестных отзывов со стороны Жукова в адрес флота, к тому же ни на чем не основанных и подчас просто неправильных с точки зрения государственных интересов обороны. Мне казалось, что если сочтут нужным, то ему сделают такое замечание без ссылки на мою фамилию. Этого требовали интересы дела. Ведь разговор был конфиденциальным, как заявил Булганин. Я ему откровенно и высказал свое мнение. Оказалось, что оно было передано Жукову так, что «Кузнецов возражает против его назначения». При самолюбии Жукова и той опоре, которую он чувствовал, будучи другом Н.С. Хрущева, можно было догадаться, к чему это приведет.

На деле получилось плохо. Заняв пост министра обороны, маршал Жуков закусил удила. Ему показалось, что теперь «сам черт ему не брат». Мне думается, никогда честолюбие Жукова не было удовлетворено в такой степени, как тогда. Не зная, что моя конфиденциальная беседа стала буквально в тот же день известна Жукову, я старался найти с ним общий язык.

Он не удержался и при первом же моем очередном докладе ему откровенно и с нескрываемым наслаждением выразил свое неудовольствие: «Так вы были против моего назначения?» Затем он прямо сказал, что «никогда не простит мне этого». Я повторил все слово в слово, что говорил ранее. Понимая, сколь дорого мне может это стоить, я все же считал своим долгом быть откровенным и прямым в вопросе отношения Жукова к флоту. Это не мой личный, а государственный вопрос… Но судьба моя была уже предрешена, стало очевидно — нужно уходить подобру-поздорову. И я действительно ушел, но «не подобру» — и «не

поздорову». Уйти пришлось после ряда столкновений с Жуковым, будучи серьезно больным да еще и с неожиданными последствиями…

Я был выставлен перед Жуковым как его противник. Его желание расправиться со мной за «непочитание старших» вскоре почувствовалось буквально во всех отношениях. Он начал беспричинно грубить, явно вызывая меня на скандал. Видимо, разговоры с такими персонами, как Булганин, убедили его в том, что он будет поддержан в любом предложении относительно меня. Отношение же к флотским вопросам становилось подчеркнуто пренебрежительным. Я, несмотря на его отношение ко мне и флоту, считал своим долгом самым корректным образом ввести его в курс флотских вопросов и пытался возбудить в нем желание разобраться в наших нуждах. Таким же приблизительно образом я строил свои отношения с бывшим министром обороны Булганиным, который потом одним взмахом вычеркнул из своей памяти все, что я старался ему привить относительно флота.

Так, я несколько раз предлагал маршалу Жукову найти время и выслушать меня в течение нескольких часов о состоянии флота. Я серьезно подготовился к этому и с картами надеялся доложить и разъяснить все, что ему будет непонятно. Он долго оттягивал мой доклад, наконец согласился и назначил время; я подобрал все материалы в двух экземплярах, один специально для него, набрал с собой для наглядности карт, чтобы более популярно излагать все вопросы. Но каково же было мое огорчение и разочарование, когда через 15 минут после начала моего доклада он беззастенчиво начал зевать. Несмотря на это, я, сдерживая свое негодование, продолжал докладывать.

У него не хватило терпения, и через полчаса он прервал меня, попросив оставить весь материал в Генштабе с тем, чтобы потом «детально» познакомиться с ним. Что можно придумать еще более оскорбительного и грубого министру в отношении своего первого заместителя и Главнокомандующего Военно-Морским Флотом, чем такое, явно пренебрежительное, отношение к его докладу с зеванием во весь рот?

Не показывая вида, но, естественно, страшно расстроенный, я вернулся к себе в кабинет и задумался о причинах всего происходящего. Предположил, что, видимо, вопрос о моем нахождении на этой должности им уже предрешен, и он не считает целесообразным тратить время на разговоры со мной. Я готов был немедленно оставить пост, но мне не хотелось поступать так, чтобы это выглядело как мое личное нежелание служить с Жуковым.

Дни шли за днями, отношение Жукова к моим вопросам

продолжало оставаться явно не в пользу флота. По проектам доклада он делал грубые замечания по телефону вроде: «Что там нагородили», «я не могу подписывать эту чепуху», не давая одновременно своих четких разъяснений, в чем, собственно, «чепуха» и что там «нагорожено». Положение становилось невыносимым. С каждым днем Жуков становился все более нетерпимым, его мнения становились совершенно непререкаемыми. Теперь уже он не только не терпел возражений, но даже по чисто флотским специальным вопросам, в которых он, конечно, не мог подробно разбираться, делал свои категорические заключения, даже не слушая моего мнения как специалиста-моряка. Так, в разговоре по десантным средствам он мне заявил, что не собирается ими пользоваться, а пойдет куда потребуется на танках. Он спросил, знаю ли я, что были опытные учения с плавающими танками? Я ответил, что хорошо знаю, заметив одновременно, что учения проводились в бухте на Черном море, и обстановка там не имеет ничего общего с обстановкой на море или даже в проливе шириной в несколько миль. В ответ я получил очередную грубость, и разговор на этом закончился.

Докладывать высшему начальнику (Булганину) было бесполезно. Ухватившись за портфель Председателя Совета министров, он абсолютно забыл все флотские вопросы, полагая, что они теперь полностью в компетенции Жукова.

Тяжелейшая служебная обстановка обернулась для меня болезнью. Я перенес инфаркт. Доктора предписали ограниченную продолжительность работы. Обдумав и учтя все равно не клеящиеся (без просвета) отношения с Жуковым, я сам обратился к нему с просьбой «освободить меня» с поста заместителя министра обороны и использовать на меньшей работе. Это было расценено как мое нежелание работать с Жуковым. Какая-то доля правды в этом есть. Руководствуясь не личными мотивами, я считал нежелательным и вредным для дела наше сотрудничество, после того как маршал Жуков без обиняков заявил мне, что он не оставит «без последствий» мои сомнения по поводу его назначения на высокий пост. Но главное заключалось не в этом. Личное положение мое меня к тому времени уже не так интересовало. Излишним честолюбием я никогда не страдал, а, пробыв довольно длительное время на посту наркома и министра ВМФ, готов был удовлетвориться более скромным участком работы. Важнее было то, что мои неприязненные отношения с министром обороны неизбежно сказывались бы на деле.

Ответа я не получил.

За все время болезни никто из вышестоящих начальников не

поинтересовался моим здоровьем, и только после моего рапорта Жуков позвонил на дачу и в разговоре с женой посоветовал не обращать внимания на то, что говорят врачи. Разумному совету своего министра я, к сожалению, последовать не мог, так как едва ходил и мое сердце часто давало перебои.

Через несколько дней, видимо, посоветовавшись с кем-то, Жуков предложил мне назвать кандидата на должность первого заместителя Главкома ВМФ, который мог бы длительное время оставаться за меня. Я назвал С.Г. Горшкова, тогдашнего командующего Черноморским флотом, который и был им принят и назначен.

Оставаясь больным, я, однако, слышал, что фактически вопрос о моем уходе решен и что Жуков только рвет и мечет, почему я сам подал рапорт, а не он первый проявил в этом инициативу.

В октябре того же 1955 года подобные разговоры приобрели реальное воплощение в виде официального заявления в мой адрес, что меня, конечно, нужно освободить, но не по болезни, а по другим мотивам[70].

Я чувствовал существующую ко мне неприязнь как со стороны Хрущева, так и со стороны Жукова. Боюсь утверждать, кто из них был инициатором, но в любом случае суждения обо мне у них были основаны либо на мнении других, либо на личной неприязни. Ни с Хрущевым, ни с Жуковым я не имел удовольствия ни разу беседовать и обмениваться серьезно взглядами по вопросам флота. Значит, они не могли обстоятельно знать мою точку зрения по кругу моих обязанностей. Но я имел все основания предполагать, что «судьба моя уже решена». Обнаружилось это в начале октября 1955 года.

Находясь на отдыхе в Ялте, я, узнав о совещании флотских руководителей в Севастополе, поехал туда. «Крещенским холодом» встретил меня Хрущев, а за ним и Жуков. «Быть грозе», — подумал я. Она вскоре разразилась. На первом же заседании Хрущев бросил в мой адрес какие-то нелепые обвинения с присущей ему грубостью. Я понял: ему важно было общенародно высказать свою точку зрения. После совещания я просил принять меня. Мне было отказано. Да и что он мог бы сказать мне прямо в глаза? Возмущало лишь его злоупотребление властью. Я еще формально был Главкомом ВМФ, и он не имел права распоряжаться государственными делами, как в своей вотчине. В еще большее смущение я приходил, слушая в те дни его речь на корабле при офицерах всех рангов о флоте, о Сталине, о планах на будущее. Вел он себя как капризный барин, которому нет преград и для которого законы не писаны. Так, ему не понравился

корабельный шум, мешавший отдыху, и он тут же перебрался в вагон, не задумываясь, что этого не следовало бы делать хотя бы из-за моряков, всю свою жизнь проводящих в худших условиях. Попутно вспоминаю, как в 1954 году он, разместившись в бывшем дворце генерал-адъютанта Алексеева в Порт-Артуре, ночью поднял всех на ноги из-за какой-то мелочи и перебрался в особняк, предоставленный китайцами в Дальнем. Не к лицу это бывшему «шахтеру»! Р.Я. Малиновский мне утром объяснил, что «здесь не оказалось ночью теплой воды в умывальнике». Но ведь это была наша, советская территория и недостатки нашенские… Зачем же от них бежать? Кажется, я отошел от своей темы и увлекся личностью Хрущева.

Одним словом, Хрущев в Севастополе дал сигнал: «Ату его, ату!» Мне ничего не оставалось, как ожидать развития событий.

Буквально через несколько дней произошел драматический случай с линкором «Новороссийск». Жуков воспользовался им в качестве повода. Это его устраивало и как министра (нашел «козла отпущения»), и как человека, который не любил возражений. Хрущев же в те дни демонстративно подчеркивал свою близость к нему.

…Через год довольно странным путем был снят Жуков. Он на себе испытал коварный метод снятия людей без их ведома.

Время текло. Острота вопроса пропадала. Я несколько раз виделся с Жуковым случайно в поликлинике или в санатории «Архангельское». Мы здоровались и перекидывались несколькими фразами, как совсем малознакомые люди.

Когда пишутся эти строки, Георгий Константинович лежит в больнице на Грановского. Десять дней был там и я. Гуляя в крошечном дворовом садике, мы много говорили о разных вещах с К.К. Рокоссовским. Иногда касались и Жукова[71]. «Что вы пишете о нем в книге?» — спросил я. «Пишу так, как было», — но тут же пояснил, что старается писать в «более спокойных тонах». «К Жукову меня пока не пускают», — заметил он. Не стал пытаться навестить его и я. Ему вредно волноваться.

После всего сказанного у меня не могло остаться хорошего впечатления о личных качествах маршала Жукова. По характеру я всегда считал его человеком настолько властолюбивым, что рано или поздно, это могло привести его к переоценке своих сил…

Как же все это сочетать с его прекрасной боевой деятельностью во время войны и его полководческими талантами.

Наблюдая и оценивая деятельность Г.К. Жукова, я вижу много лишнего, не отрицая его заслуг в победе над врагом и ярких полководческих качеств, хотя в них всегда слишком

превалировала, как средство достижения цели, строгость, граничащая с жестокостью. Но это можно объяснить трудностью положения во время войны. Важнее было добиться победы. Я признаю его незаурядным, упорным или, вернее, упрямым полководцем, что бывает полезно в военное время… Но считаю, что из него не мог быть отличный начальник Генерального штаба.

Однако более полную оценку пусть ему дают те, кто его больше знает. Я же ограничиваюсь только его одной стороной, обращенной в сторону флота и лично меня.

Таким образом, фактический мой уход или, вернее, отстранение от должности состоялось в первой половине октября без объяснения причин, и, когда я еще не успел пережить это, во второй половине октября 71 произошло крупное несчастье — в Севастополе, стоя на бочке, подорвался, а потом и затонул, перевернувшись, линейный корабль «Новороссийск»[72].

Еще накануне, уезжая из Симферополя, я увиделся с командующим Черноморским флотом В.А. Пархоменко и членом военного совета флота Н.М. Кулаковым. Я понимал, что мне предстоит новая работа, считал правильным, что к руководству флотом должны прийти новые люди, но не ожидал, что на меня свалится такое несчастье.

Когда поезд подошел к перрону в Москве, меня встретили работники аппарата с печальными лицами. «Что-то неладное», — пронеслось у меня в голове. Я еще не оправился от перенесенного инфаркта, и мое сердце нервно забилось. «В Севастополе подорвался «Новороссийск»[73], — были первые фразы встречавших. Они еще не знали подробностей и только постепенно, не желая сразу огорчать меня, доложили, что корабль перевернулся и, «кажется, много жертв».

Естественным желанием было как можно скорее отправиться на место катастрофы. Хотя формально я уже в течение полугода не выполнял обязанности заместителя министра, но считал себя ответственным за все, что происходит на флотах. Личной ответственности я никогда не боялся и поэтому тут же заказал самолет, чтобы вылететь в Севастополь.

Первое сообщение из Севастополя свидетельствовало, что корабль подорвался на магнитной мине, стоя на бочке. «Как это могло случиться?» — думал я, вспоминая все меры, которые были приняты после освобождения Севастополя во избежание неприятностей из-за выставленных противником мин. Там было и обычное траление, и контрольное в местах стоянки кораблей, и, наконец, на всякий случай — механическое уничтожение мин в более ответственных местах. С тех пор прошло уже более 10 лет.

В Северной бухте на этой бочке плавали и стояли сотни раз различные корабли, и вероятность взрыва старой неприятельской мины была уже исключена. Но факт оставался фактом — крупный корабль Черноморского флота подорвался и затонул.

Мысли о причинах трагедии временно отошли на второй план, когда я, пролетая мимо бухты, издали заметил перевернувшийся линкор и около него скопление различных спасательных средств.

На месте уже работала правительственная комиссия. Я формально в нее не входил и присутствовал в ходе расследования как наблюдатель. Председателем был В.А. Малышев, тогдашний зампредсовмина. От Военно-Морского Флота в комиссию входил С.Г. Горшков, который уже в течение нескольких лет являлся командующим Черноморским флотом[74], а в последние месяцы — фактическим Главнокомандующим ВМФ[75].

Я ознакомился с обстоятельствами катастрофы. Почти в полночь, когда команды линкора спали, произошел сильный взрыв под килем корабля. По тревоге прибыл командующий флотом. После некоторой растерянности, как докладывал комфлот, у него создалось впечатление, что личный состав полностью контролирует положение. Корабль находится почти на ровном киле. Комфлот и его окружение настолько успокоились, что даже отправились пить чай. Но самое страшное, оказывается, было впереди.

Накопившаяся вода в какой-то момент прорвала переборки и, распространяясь по кораблю, резко и быстро увеличила крен на правый борт. А когда этот крен достиг известного градуса[76], то уже никакие силы не смогли удержать корабль на плаву и он стал быстро переворачиваться. Личный состав старался удержаться на борту и на верхней палубе. Это усугубило положение — возникла паника, которая унесла множество человеческих жизней.

Если взрыв под кораблем никто не мог предвидеть и тут нельзя усмотреть чьей-то халатности, то потеря людей и корабля после прибытия командующего флотом — явление из ряда вон выходящее и непростительное.

До сих пор для меня остается загадкой: как могла остаться и сработать старая немецкая мина, взорваться обязательно ночью и в таком самом уязвимом для корабля месте? Уж слишком невероятное стечение обстоятельств. Что же тогда могло произойти? Диверсия? Да, диверсия. «Новороссийск» — трофейный итальянский корабль, а итальянцы — специалисты в такого рода делах. В годы войны они подрывали английские корабли в Александрии, техника позволяла это делать и сейчас. Пробраться в Севастопольскую бухту трудностей не представляло.

Ведь мирное время, город открытый. К тому же патриотические чувства итальянских моряков могли толкнуть их на это. Значит, ничего невозможного здесь нет. Ну а как доказать? И доказательств нет! Обычно подобные факты становятся достоянием всего мира спустя много лет. А в данном случае никакие сведения еще не просочились. Во всяком случае, до меня не доходили[77].

Пусть я в течение шести месяцев до этого уже не исполнял обязанности Главкома ВМФ и не контролировал деятельность Черноморского флота, но я должен был нести долю ответственности. На строгость по уставу жаловаться не положено. Но не в этом дело. Мне пришлось рассчитаться за все одному, хотя формально моей вины там немного: за траление несет ответственность командующий флотом. Им являлся с 1951 по 1955 год С.Г. Горшков. За поведение после подрыва нужно взыскивать с непосредственных виновников (комфлота и командир корабля), которые были наказаны, но не прошло и года, как наказания с них сняли. Но в эту область я вторгаться уже не хочу.

Мутная волна всяких небылиц нахлынула на меня. Жуков рассчитался со мной сполна. Сначала я был освобожден. Этого показалось мало, и меня уволили из Вооруженных Сил, снизив в звании.

Конечно, взрыв на линкоре «Новороссийск» явился только поводом для расправы со мной. А в чем заключаются истинные причины? Этот вопрос сложный и требует серьезного анализа[78].

Я не особенно был удивлен (но возмущен!) тем, что вопреки всякой логике, когда у бывшего комфлота С.Г. Горшкова погиб «Новороссийск», меня за это наказали, а его повысили. Удивлен тем, что никто не захотел потом разобраться в этом или даже просто вызвать меня и поговорить. Больше всего я удивлен и даже возмущен тем, что для своего личного благополучия и карьеры Горшков подписал вместе с Жуковым документ, в котором оклеветаны флот в целом и я. У меня не укладывается в голове тот факт, что С.Г. Горшков не остановился перед тем, чтобы возвести напраслину на флот в целом, лишь бы всплыть на поверхность при Хрущеве. Мне думается, нужно иметь низкие моральные качества, чтобы в погоне за своим благополучием не постесняться оклеветать своего бывшего начальника, который когда-то спас его от суда после гибели эсминца «Решительный» на Дальнем Востоке.

Я возмущался тем, что решение приняли, не вызвав меня, не заслушав моих объяснений и даже не предъявив документа о моем освобождении от должности. А происходило это так.

Накануне одного из заседаний правительства, когда Хрущев и Булганин находились в Индии, мне позвонил В.Д. Соколовский, оставшийся за министра обороны: «Если можете, приезжайте завтра в Кремль, будет обсуждаться ваш вопрос», — и тут же добавил, что фактически уже все решено еще до отъезда Хрущева в Индию. Я все же поехал, но решил не выступать, чтобы не отнимать времени зря у членов правительства, коль скоро все равно «все решено»[79]. Председательствующий Микоян объявил решение и, не спрашивая моего мнения, поспешно перешел к другому вопросу. Я откланялся и вышел…

Приближался XX съезд партии. Еще накануне его открытия я присутствовал на Пленуме ЦК КПСС и по обыкновению (как член ЦК) получил на него пригласительный билет. В конце первого дня заседания съезда в раздевалке к моему адъютанту подошел И.А. Серов (телохранитель Хрущева) и громко, с расчетом, чтобы слышал и я, произнес: «А вы что тут делаете?» Понимая, что это сказано не по его личной инициативе, я решил больше на заседания не ходить. С трибуны же съезда Хрущев разоблачал в те памятные дни «культ личности» Сталина.

Вечером позвонил Горшкову и спросил, нет ли каких-либо решений относительно меня. Как потом оказалось, Жуков уже послал в правительство доклад с вымышленными фактами. Об этом Горшкову, конечно, было известно, но, якобы не зная, в чем дело, он уклончиво посоветовал мне обратиться к Жукову.

События опередили меня. В тот же вечер я получил приказание «явиться к министру ровно в 9 часов утра».

Вот я и подошел к своей последней официальной встрече с Г.К. Жуковым. 15 февраля 1956 года в течение пяти-семи минут в исключительно грубой форме мне было объявлено о решении снизить меня в воинском звании и уволить из армии без права на восстановление. На мой вопрос, на основании чего это сделано, к тому же без моего вызова, Жуков, усмехнувшись, ответил, что это, дескать, совсем не обязательно.

Хрущев уже делал все. что ему велела «левая нога» (не снимая ботинка, как в Нью-Йорке). Жуков импонировал ему грубостью и стремлением к единоличной власти. После этого меня никто не вызвал для формального увольнения — какой-то представитель Управления кадров в мое отсутствие принес и оставил на квартире мои увольнительные документы.

Лишь значительно позднее я узнал от А.М. Василевского, что решение принималось по записке Жукова Что он написал, я не ведаю до сих пор. Как мне говорили, какое-то решение ЦК КПСС состоялось и специальное письмо за подписью Жукова было послано на места. Я не мог не удивляться, почему ни одно из решений не было предъявлено мне, не говоря уже о нарушении формальностей, когда это делалось без подписей Председателя Президиума Верховного Совета и Предсовмина. В дальнейшем я пытался получить объяснение, но так и не получил.

Не будучи официально извещенным о причинах своего наказания — лишения звания и увольнения в отставку, — я просил Жукова хотя бы принять меня и ознакомить с документами, меня касающимися, тем более что они принимались, когда я еще был членом ЦК. Но он не сделал этого.

В июле 1957 года я написал письмо Жукову с просьбой принять меня, и хотя в нем ясно указывал, что разговор будет касаться не каких-то личных дел или просьб, а определенных документов, которые я там перечислил, принят я не был и ответа не получил. Так как этому письму предшествовали мои неоднократные просьбы принять меня и выслушать, то я решил больше никуда не обращаться…

Я был убежден, что об этом не знал Президиум ЦК КПСС. 8 ноября 1957 года я счел своим долгом в изменившейся обстановке[80] изложить Президиуму ЦК КПСС свою точку зрения на обвинения, брошенные мне Жуковым, подтверждая ее документами и фактами в том порядке, в каком министр обороны мне их перечислил:

1. Якобы я «нагородил» много различных окладов сверхсрочникам. Последнее рассмотрение окладов сверхсрочникам по поручению ЦК состоялось у А.А. Жданова в 1946 году. Решение тогда было принято, и больше я ничего не

предлагал. Ссылка Жукова на большое жалованье сверхсрочникам на Камчатке не имеет ко мне отношения, так как это было сделано без меня (я служил в то время на Дальнем Востоке). Моя же точка зрения, когда устанавливались эти оклады, была такой: лучше прибавлять служившим в отдаленных местностях питание и хорошее обмундирование, а не жалованье, которое часто приносит только вред.

2. Дисциплина на флоте исключительно низкая. Да, я также не был удовлетворен дисциплиной на флоте, но, зная цифры проступков, утверждаю, что она не отличалась сколько-нибудь от дисциплины в округах (факты же можно было надергать).

Кроме того, когда вопрос идет о таком суровом наказании, нельзя не считаться с законной стороной дела: в какой степени я отвечаю за это лично? У меня никогда не было мысли не считать себя ответственным за дисциплину, но ведь после слияния министерств флоты даже не были мне официально подчинены — я управлял ими как заместитель министра! Флоты же по приказу были подчинены прямо министру. Это нетрудно проверить по документам.

3. «Вообще начальство вами очень недовольно, и на флотах вы никаким авторитетом не пользуетесь». Так как этот вопрос больше не разъяснялся и не уточнялся, я не мог понять, что конкретно имеется в виду, не могу ничего сказать и сейчас.

4. Последнее обвинение, высказанное мне уже после прощания («Можете идти»), заключалось в том, что у меня «были крупные недостатки в судостроении».

Этот вопрос, исключительно важный, имеющий большое значение для будущего Военно-Морского Флота в системе Вооруженных Сил, и заставил меня написать письмо Г.К. Жукову с просьбой ознакомиться с рядом документов, в которых я изложил свою точку зрения, подтверждая ее фактами и документами. Желая все объяснить министру, я вовсе не руководствовался какими-либо личными мотивами.

Решение вопросов по судостроению за весь послевоенный период.

После окончания войны в 1945 году мною был представлен десятилетний план проектирования и судостроения. В этом плане основными классами боевых кораблей были: а) авианосцы (большие и малые); б) крейсера с 9-дюймовой артиллерией (чтобы поражать все крейсера противника); в) подводные лодки; г) эсминцы и т. д.

Споры в процессе обсуждения касались авианосцев, на которых я настаивал и которые к постройке не принимались. По

крейсерам больших разногласий не было. Относительно эсминцев разгорелась острая полемика: я категорически возражал против строительства большого количества старых эсминцев проекта № 30, потому что на них не было универсальной артиллерии, и соглашался только на несколько единиц, чтобы быстрее оживить работу судостроительной промышленности и собрать кадры. Что касается подводных лодок, то много говорили об их новых типах, которые нам уже были известны. Вопрос о тяжелом крейсере с 12-дюймовой артиллерией при мне даже и не поднимался, хотя министерство вооружения не раз, как я помню, рекомендовало 12-дюймовую пушку.

Я был снял с должности, когда споры о новой программе были в самом разгаре, и в окончательном виде она принималась без меня. Это легко проверить по документам. Я же лично до последних дней считал самыми крупными ошибками в послевоенном судостроении: решение о строительстве тяжелого крейсера, строительство такого большого количества эсминцев проекта № 30, продолжение строительства старых подводных лодок проекта № 15 и ряд других вопросов. По всем ним имеется большая переписка, особенно о неполноценности эсминцев проекта № 30. Несколько раз докладывал о необходимости оснащения флота десантными судами и авианосцами.

В докладе от 1 сентября 1951 года, то есть сразу после возвращения на должность министра Военно-Морского Флота, я написал, какими старыми кораблями мы обладаем, и просил принять ряд срочных мер.

Таким образом, ни формально, ни по существу меня нельзя обвинять в качестве тех кораблей, которые были построены в период с 1947 по 1951 год, потому что программа послевоенного судостроения была принята без меня, против моих предложений и вопреки моему мнению, а строительство этих кораблей в основном велось также в мое отсутствие.

Не утверждаю, что в то время я стоял на самых правильных позициях и ориентировался на все самое новое. Но я уверен, что если бы были приняты мои предложения, то к 1952—1953 годам мы имели бы авианосцы, подводные лодки, десантные корабли, крейсера, сильные в зенитном отношении, которые сейчас было бы нетрудно переделать в реактивные, имели бы самые современные эсминцы и т. д.

По моему предложению принято решение о проектировании новой техники.

Когда у Сталина разбирался вопрос относительно управляемых с самолетов снарядов, я всеми силами настаивал и настоял, чтобы как можно скорее был установлен один опытный

образец в береговом варианте для моряков.

Вопрос о реактивном оружии впервые мною был поставлен еще в 1951 году[81]. На крейсере «Адмирал Нахимов» и кораблях береговой обороны флота еще при мне в 1954—1955 годах закончили установку опытных образцов этого нового оружия, а береговая установка «Стрела» уже была испытана и на стрельбах. Я показывал Хрущеву выстрел ракеты по щиту в Крыму в 1955 году и представлял все проекты решений в этом направлении.

Все эти факты я привел для того, чтобы доказать, что я не был в то время «отсталым» человеком, не видящим недостатков, как потом утверждали Жуков и Хрущев[82].

После вторичного назначения в Москву в 1951 году, вникнув в положение дел, я с помощью всех управлений детально и кропотливо подготовил Председателю Совмина большой доклад об устарелой технике и всех недостатках. Я считал это своим партийным долгом также потому, что все попытки текущим порядком исправить положение не удавались. Доложить же Сталину, кроме как в письменном виде, не было возможности — на личный прием я попасть не мог. В этом докладе уже тогда вскрывались крупные недостатки, которые и сейчас нужно выправлять[83]. Но объективного разбора сделано не было, и все свелось к оскорбительным нападкам на меня и обвинениям, что я «напрасно охаиваю самые современные корабли».

В записке В.А. Малышева в правительство меня обвинили чуть ли не в антигосударственном деле, в том, что я «неправильно указываю на недостатки наших кораблей, которые являются самыми современными». Резолюция на нем подвела черту под этим делом.

После смерти Сталина я, полагая, что обстановка изменилась, 6 августа 1953 года написал на имя министра обороны Н.А. Булганина доклад, в котором изложил свои взгляды на задачи флота. Но, не претендуя на их абсолютную непогрешимость, я просил поручить Генеральному штабу разобраться и подготовить вопросы для обсуждения. Сделал я это потому, что всегда был убежден: перед тем как решать вопрос, какой же флот строить, следует четко установить его место в системе Вооруженных Сил и задачи на случай войны. Без этого трудно даже предлагать, что строить.

Предложение принято не было, а мне было предписано представить план судостроения. Так возник новый план, который потом все-таки и был возвращен на рассмотрение Генерального штаба, но время было упущено. Видимо, ошибки в новом плане судостроения являются против меня более важным обвинением, чем недостатки старого плана, поэтому хочу на них остановиться

более подробно, руководствуясь только фактами.

31 марта 1954 года я представил доклад о плане судостроения. Не отрицаю его погрешностей: планировалось большее, чем следует, количество кораблей, а кроме того, недостаточно решительно выдвигалось требование о создании самых новых кораблей и новой техники, но хочу объяснить, что предшествовало его окончательному представлению в правительство.

Одновременно с приказанием представить план мне было указано, чтобы он, хотя бы в самых общих чертах, был согласован с Министерством судостроительной промышленности. Хотя мы совсем не считались со сроками, предлагаемыми Минсудпромом, однако полагали обязательным быть ближе к реальности. Поэтому в этом плане (можно убедиться по документу) были учтены все самые современные требования к кораблям, но и этого, видимо, было недостаточно. Строительство кораблей было отнесено на поздние сроки. Я осмеливаюсь утверждать, что, очевидно, эти сроки едва ли будут выдержаны и хорошо, если они окажутся таковыми.

Однако могу со всей искренностью признать, что в этом плане были поставлены и корабли принципиально старых типов. Вызвано это было опасением на какой-то период остаться на случай войны без кораблей. В этом упрек в мой адрес совершенно правилен. Мое ошибочное предложение по новому плану судостроения не нанесло, однако, материального ущерба и было вовремя исправлено.

Когда этот документ был готов вчерне и мне было предложено привезти его министру обороны Булганину на юг, я специально попросил обсудить план еще раз у Василевского вместе с начальником Генерального штаба Соколовским и с обязательным привлечением Жукова и только после полного согласования направить его министру. Такое совещание состоялось, и я согласился со всеми изменениями, предложенными ими. Значительных сокращений требовал Жуков по авианосцам и десантным судам, что мне казалось особенно странным, но я пошел и на это…

Таким образом, документ, подготовленный в правительство, был полностью согласован и окончательно подписан министром обороны, начальником. Генерального штаба и мною. За него я готов нести ответственность, не ссылаясь на тех, кто его подписал и кто одобрил, я пишу об этом только для того, чтобы внести ясность в вопрос.

Зная, что судостроение идет по старым планам, что требуется немедленное решение по новому плану, особенно в части

проектирования (которое важнее даже самого строительства, потому что во многом определяет качество будущих кораблей), я всячески добивался быстрейшего рассмотрения этого плана, и прежде всего плана проектирования, который, повторяю, был направлен в ЦК КПСС, где должен был предварительно рассматриваться. При первом его рассмотрении были внесены незначительные поправки, и через несколько дней он должен был обсуждаться на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС.

Я готовил проект резолюции, согласно которому предлагалось создать комиссию, поручив ей в двух-трехмесячный срок более детально обсудить этот план, согласовать его с промышленностью и установить окончательно, какие же корабли строить и в какие сроки (эта резолюция сохранилась). Я прекрасно понимал, что такие решения не могут приниматься наспех, и никакой другой резолюции не предлагал.

Когда на этом заседании рассмотрение плана и даже создание комиссии было вновь отложено, я не выдержал и с криком стал настаивать, чтобы решение не откладывалось, потому что все равно предстояло еще много рассмотрений до окончательного решения и я боялся, что будет упущено время. Этот нервный срыв никогда, ни до, ни после, не повторявшийся, был совершенно подсознателен, и скорее его можно объяснить моим болезненным состоянием в то время. Ни криков, ни грубости я никогда не допускал ни с кем, даже во время войны, что могут подтвердить флотские товарищи. Но за тот случай я чувствую вину и постоянно стыжусь происшедшего. Но если рассказать, как эта программа откладывалась из года в год и как, добившись обсуждения ее на Президиуме ЦК, я услышал мнение Жукова и Хрущева, что этот вопрос следует снова отложить на неопределенное время, то, мне кажется, меня можно понять: любой болеющий за дело нарком в такой ситуации «завыл бы благим матом».

Таковы факты, которые мне хотелось изложить, не умаляя своей вины.

Кроме официально предъявленных мне обвинений, на которые я ответил выше, хочется также остановиться на некоторых вопросах, по которым я получил упреки.

1. По вопросу организации министерства. Меня упрекали в якобы консервативной точке зрения, будто я настаивал на особом военно-морском министерстве.

Моя точка зрения при реорганизации Вооруженных Сил состояла в том, что я считал необходимым сохранить правовое положение Главнокомандующего ВМФ на уровне с министрами. Она была проверена дважды. Первый раз, когда в 1946 году наше

министерство (наркомат) было упразднено и я, как бывший нарком, был назначен первым заместителем наркома Вооруженных Сил, неопределенные функции и отсутствие регламентированного каким-либо документом правового положения привело к тому, что фактическими вершителями всех флотских вопросов стали работники аппарата Генерального штаба и различных управлений наркомата. Практически это происходило следующим образом: нарком Вооруженных Сил, получая доклад своего заместителя по флоту, не был в состоянии решать вопросы без подработки в аппарате, и поэтому мой доклад направлялся в то или иное управление на отзыв. Доклад долго ходил, прежде чем снова вернуться к наркому. Предварительное решение носило необъективный характер, ибо во главе этих управлений стояли армейские товарищи, которые прежде всего отвечали за сухопутные силы. То же происходило и в Генеральном штабе, где решались почти все вопросы по личному составу и распределению материальных ценностей. Бывший нарком ВМФ вошел в новый Наркомат Вооруженных Сил не органически, а как подвесок, на который все косо смотрели, стремясь урезать наши флотские потребности.

Если к этому еще добавить, что в 1946—1947 годах Сталин был только формальным наркомом Вооруженных Сил, а фактически все дела вершил Булганин, имевший явное пристрастие к сухопутным силам и который не мог подняться на объективную точку зрения, то сложившаяся ситуация станет еще более ясной. В январе 1947 года я был переведен на другую работу. И если раньше можно было говорить, что я являюсь тормозом в новой организации, то теперь представилась полная возможность наладить организацию и установить взаимоотношения так, как ему нравилось. Я же только со стороны наблюдал за этой организацией и, к сожалению, убеждался в том, что, кроме принижения роли и значения флота в системе Вооруженных Сил, ничего нового не происходило. С горечью я узнавал, как стремительно урезаются все наши заявки на деньги, корабли[84] и технику и как сокращаются даже те кредиты, которые уже были утверждены.

Я видел, что вместо разумной системы, основанной на опыте второй мировой войны, была создана система безраздельного господства всех армейских органов над флотскими вопросами, результатом которой стало не улучшение всей организации Вооруженных Сил, а сохранение старого порядка в сухопутной армии и подчинение ей Военно-Морского Флота.

Опыт войны подсказывал, что государству требуется объективный орган, который правильно понимал бы функции

всех видов Вооруженных Сил, исходя из политических задач, а понимая это, занимался бы распределением всех ценностей и людей в соответствии с данными задачами. Это совсем не означало, что все виды Вооруженных Сил должны быть равновелики, и, возможно, флот уже следовало сократить, отдавая предпочтение новому оружию. Но на деле было совсем не так. Предпочтение отдавалось еще более устаревшим, чем флот, Сухопутным войскам, а флот отодвигался на задний план без всяких объяснений и оснований.

Как неожиданно и непродуманно произошла реорганизация в 1947 году, так еще более неожиданно совершилось разделение министерств, и флот в 1951 году вернулся практически в довоенное положение. Этой реорганизацией было перечеркнуто все, что говорилось об опыте войны и у нас, и на Западе относительно нового подхода к управлению вооруженными силами и операциям с применением новых средств борьбы.

Поскольку повторная организация двух министерств в 1951 году почти ничем не отличалась от довоенной организации 1938—1939 годов, два министерства в отсутствии координации со стороны правительства вынуждены были повторить все ошибки предвоенных лет. Не официальным, но фактическим их руководителем был заместитель Председателя Совета Министров Булганин, который мог бы при желании делами поправить плохую организацию, но этого, увы, не произошло. Его старая нелюбовь к флоту и мое, вопреки его желанию, повторное назначение министром ВМФ сказались в полной мере. Ощутимо было чувство неприязни как ко мне лично, так и к флоту. Колесо вертелось вхолостую. Бумаги, поступавшие к нему, тонули в его аппарате с формально-бюрократическими резолюциями: «рассмотреть», «доложить», «запросить мнение т. Малышева» и т. д.

«Центростоп» в эти годы во всем государственном аппарате достиг своего апогея, принося огромный вред государственным делам. Мы не просто топтались на месте, не решая того, что назрело, но и, расходуя огромные средства на старую технику, бросали деньги на ветер.

Принимая во внимание весь вред, причиняемый сложившейся системой государству, я решился написать доклад[85], которым поставил лично себя под удар. Но самое плохое, что даже этот вопль не был в состоянии пробить ту стену, которая образовалась между живым делом и уже не выполнявшим, по сути, свои обязанности физически слабым Сталиным.

Именно в этот период политиканство и своеобразное маневрирование Булганина вместо государственного, партийного

подхода к делу принесли самый большой вред флоту (о прочем я не говорю). Мое желание разрешить вопросы, мои споры и стремление помочь делу вызывали скрытую злобу Булганина, которая до поры до времени накапливалась, а затем обрушилась на меня, когда он стал весьма влиятельным человеком. Но все личное следует отбросить, вновь обратившись к делу.

В 1953 году после смерти Сталина произошла спешная реорганизация Вооруженных Сил. С образованием единого Министерства обороны министр ВМФ стал первым заместителем министра обороны. Его права были настолько урезаны, что ему формально даже не подчинялись флоты и он мог отдавать им приказания как заместитель министра и не более того.

Положение в правительственных кругах стало еще менее определенным. Министры, с которыми у нас, моряков, было много спорных вопросов (судостроения, вооружения и др.), разговаривали со мной, когда все шло гладко, а при возникновении споров обращались непосредственно к министру обороны за разрешением. И так по всем вопросам как внутри нового министерства, так и вне его — в правительственном аппарате. Может быть, это только формальная сторона дела, которой не следует придавать большого значения? Нет, не так. Ведь для того и создавалась новая организация, чтобы пересмотреть права каждого и найти ему соответствующее новое место в свете опыта войны. Как мне представляется (об этом я докладывал дважды), можно было найти такие формы организации, при которых учитывался бы весь опыт войны и флот нашел бы свое место в новом министерстве без ущерба для общего дела.

Пуще прежнего все вопросы стали задерживаться в аппарате, а первый заместитель по флоту, подписав серьезный доклад министру обороны, ждал отзыва от какого-нибудь полковника или капитана 1-го ранга, на основании мнения которого решалась судьба его доклада. Исключение представляли прямые взаимоотношения с министром и решение им флотских вопросов по докладу главнокомандующего флота. Ситуация же, при которой министр пользовался отзывом своего аппарата и на основании этого выносил окончательное решение, была именно системой.

Надо думать, сейчас дело обстоит иначе, но я говорю о том периоде, который, могу поручиться, хорошо знаю.

Еще 12 января 1946 года, то есть вскоре после окончания Отечественной войны, я после тщательного изучения доложил Председателю СНК о том, что опыт войны показывает необходимость иметь единую организацию всех Вооруженных

Сил. От этой точки зрения я никогда не отказывался и в 1953 году снова направил копию названного доклада. Однако объединение можно провести по-разному, и я как прежде, так и ныне придерживаюсь отличного мнения по отдельным вопросам организации министерства.

Основные расхождения сводятся к следующему. В современной войне воюет вся страна, и министерство обороны является исполнительным органом по чисто военным вопросам. Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами в военное время (а тогда почти все будут военными) не может быть министр обороны, как это сказано в новом положении о Министерстве обороны. Такое положение приведет к очень вредным стремлениям со стороны министра обороны сосредоточить в своих руках власти больше, нежели следует. Страна должна знать, что во время войны руководство возьмет на себя высший орган во главе с самым авторитетным лицом в государстве.

Отдавая должное единству действий, вытекающему из единства оперативных планов и необходимости почти все операции вести разными видами Вооруженных Сил в их совокупности, считаю, однако, опасным лишать должной самостоятельности виды Вооруженных Сил и лишать их полноценных оперативных органов (тыла, разведки и т. д.). Один министр и только Генеральный штаб руководить войной не в состоянии. Ряд операций должен быть поручен главкомам.

Может быть, я и не прав, но мне система единой организации видится иной, отличной от той, что мы имеем сейчас. Утверждение же, что я стою за какую-то вредную самостоятельность, — абсолютная неправда.

2. По вопросу начала войны мне хотелось бы только опровергнуть то утверждение Г.К. Жукова, согласно которому нельзя было подготовить части к обороне за несколько дней… и привести факты, которые можно проверить по документам.

Флоты в течение месяца перед войной были постепенно переведены на оперативные готовности, базы затемнены, и в нужный момент достаточно было позвонить по телефону и передать условное слово на флоты, по которому все знали, что им делать.

К 12.00 ночи (0.00 22 июня 1941 года) я имел уже все доклады с флотов 6 фактической боевой готовности. Это особенно важно потому, что выведенный из строя в первый момент войны флот уже не мог быть восстановлен в военное время.

Вопрос начала прошлой войны и неповторения чего-либо подобного в будущем имеет столь огромную важность, что его

следует обсудить очень подробно и в самой высшей инстанции.

Вот моя точка зрения, изложенная в письме в Президиум ЦК КПСС по обвинениям, выдвинутым в мой адрес Жуковым.

Ответа я не получил.

В 1964 году мне стало известно, что по моему делу и без моего участия готовится какое-то решение, что Маршалу Советского Союза М.В. Захарову поручено подготовить заключение. Я позвонил и убедительно просил его принять меня. Принят не был. Желая выяснить, на основании каких документов делается это заключение, я вновь обратился в Президиум ЦК КПСС с письмом на имя Л.И. Брежнева, содержащим настоятельную просьбу не принимать решения без вызова меня. Я никогда и никого не просил ходатайствовать за меня. Свои просьбы направлял строго по уставу министру обороны через Главкома ВМФ адмирала флота С.Г. Горшкова, но теперь решил обратиться в Президиум ЦК КПСС как член партии.

Неужели ни у кого так и не найдется времени поговорить со мной? — думал я. Не нашлось. И на это письмо ответа я не получил. Позвонив два раза в секретариат, я счел неудобным более настаивать.

В обстановке неприязни ко мне Хрущева подобное было понятно, хотя и нарушались всякие нормы отношения к члену КПСС. Но теперь-то… Новое руководство, а все осталось по-старому…

В 1968 году мне стало известно, что в связи с постановлением правительства[86] пересматриваются пенсии Героям Советского Союза Я позвонил С.Г. Горшкову, и он пообещал возбудить ходатайство. Дело шло медленно. В мае министр обороны А.А. Гречко написал в ЦК бумагу с просьбой увеличить пенсию. На пути встало неожиданное препятствие. «Нужно снять сначала партийное взыскание», — передал мне заведующий административным отделом ЦК Н.И. Савинкин. «Но мне никакого взыскания никто не объявлял», — ответил я, поставленный в затруднительное положение. «Подумаем», — заключил он.

Чтобы дело не остановилось, я написал письма ему (Савинкину) и маршалу Гречко с официальным разъяснением случившегося со мной, доведя до их сведения, что решения как по строевой, так и по партийной линиям приняты без вызова меня, напомнив про то, что еще в 1956 году обращался к министру обороны Г.К. Жукову с просьбой поговорить со мной как по личному делу, так и по вопросам, имеющим значение для флота в целом, про письмо 1957 года в Президиум ЦК КПСС, в котором более подробно излагал ход дела и снова просил разобраться, а

также про то, что несколько раз звонил по телефону Хрущеву, Жукову и Малиновскому с просьбой принять меня и разобраться, в результате чего принят был только Р.Я. Малиновским, который отказался заниматься моим делом, ссылаясь на то, что вопрос решался «высшими инстанциями». «Хрущев почему-то на вас сердит», — буквально сказал он и развел руками.

Далее, я писал Гречко, что поскольку речь идет о моей пенсии, а генерал Дутов передал, что задержка происходит из-за снятия партийного взыскания, то я считаю своим долгом сообщить, что мне его не объявляли и мне неизвестна формулировка, за что и какое наложено взыскание.

25 июня я был вызван в ЦК КПСС к А.В. Ускову, занимающемуся флотскими делами в административном отделе. Любопытный разговор состоялся в ожидании заведующего отделом Н.И. Савинкина.

Вроде он и понимает, что без вызова таких решений принимать нельзя, но, поднимая палец вверх, говорит, что это «сделано там». Мне стало ясным, что он не будет заниматься моим вопросом по существу, и поэтому пропало всякое желание объясняться. Отвечая на его вопросы, я пытался уловить его точку зрения, но многозначительное «там» всегда стояло на пути к конкретным ответам.

Ровно в 15 часов пошли с Усковым к Савинкину. Холодный, официальный с самого начала прием не обещал ничего хорошего. Я понял, что ему дорого время, так что чем скорее я уйду, тем лучше. Он показал мне решения, принятые в феврале 1956 года, но разговаривать об основаниях, на которых они были приняты, отказался, также сославшись на вышестоящие инстанции. Нетрудно понять, что правильнее было свести дело к конкретному вопросу о снятии партийного взыскания. На вопрос: «Что мне делать?» — я получил совет: «Напишите письмо в ЦК КПСС и Министерство обороны (Гречко и Епишеву)».

Мне осталось неизвестно, по своей ли инициативе или с ведома и указания «свыше» он явно не хотел вмешиваться в суть дела, но, убедившись в последнем, я счел за благо поскорее удалиться.

26 июня я отправил письма Гречко и Епишеву с просьбой «поддержать мое ходатайство» о снятии с меня партийного взыскания.

Одним из серьезных обвинений, записанных в решении Политбюро ЦК КПСС, в соответствии с которым я был наказан по партийной линии, являлся упрек в моих якобы «неправильных взглядах» на развитие флота. Никаких доказательств в подтверждение этого вышеназванное решение не содержало. Я

утверждаю, что подготовка флота к Великой Отечественной войне и действия его (в бытность мою наркомом и Главнокомандующим ВМФ) доказывают обратное. В послевоенный период мне не раз приходилось докладывать ЦК КПСС и Совету Министров СССР о своих взглядах, и я никогда не получал упреков в ошибочности моих позиций. Я не жаловался на строгость постановления Совмина о моем освобождении от должности или решения Политбюро ЦК» однако считаю абсолютно неправомерным, что оба постановления были приняты без моего участия и предъявления мне конкретных обвинений.

Такое мнение я счел своим долгом изложить в письме в ЦК КПСС, отправленном мною 31 марта 1969 года, указывая, что если мне будут предъявлены документы, на основании которых было принято решение, то я, по всей вероятности, мог бы изложить свою точку зрения, подтверждая ее фактическими материалами. Я также писал, что если ЦК КПСС не сочтет возможным возвращаться к этому вопросу, я не стану настаивать, и просил лишь известить меня об этом. Данное письмо было передано Пельше. Ответа я не получил…

Когда с меня снимали партийное взыскание, я на одной страничке написал Пельше просьбу разобраться в моем деле или хотя бы ознакомить меня с материалами, на основании которых принималось решение. В ответ мне было передано, что если я буду на этом настаивать, то вопрос снятия партвзыскания и увеличения пенсии надолго повиснет в воздухе. После зрелого размышления я решил поставить на этом точку, ибо мои доклады находятся во многих инстанциях и мне ничего не остается, как примириться с фактом…

Я не вижу за собой преступлений, которыми можно было бы объяснить лишение меня высокого воинского звания. Факты, приведенные Жуковым, легко опровержимы, и это я сделал в своем письме в Президиум ЦК КПСС в 1957 году. Решения, как по партийной, так и государственной линиям, нельзя признать законными, если они приняты заочно, без заслушивания моих объяснений и предъявления обвинений. Учитывая это, мне кажется, их следовало бы без промедления отменить и уже потом, если есть нужда, разобраться по всем правилам закона.

Если бы мне сказал член партии, что ему вынесли наказание без его участия, я, не задумываясь, ответил бы, что это неправильно, и считал бы такое решение недействительным. Если бы мне подчиненный сказал, что его лишили высокого звания, не предъявляя при этом обвинений и не выслушав объяснений, я твердо ответил бы, что это противозаконно, и признал бы

подобное решение неправомочным…

Кто впервые произнес ставшие потом крылатыми слова «не стоит ворошить» по отношению к моему делу, я не знаю, но пишу об этом потому, что «не стоит ворошить» произносилось в разных инстанциях ВМФ и даже выше, когда разговор заходил о моем восстановлении в звании.

Я невольно задумывался над смыслом этих слов применительно к себе и правомерности таких «каучуковых» выражений, когда речь идет о человеке. Сидит человек в тюрьме, и кто-то поднял вопрос о его реабилитации или просто о пересмотре дела, а ему отвечают: «Не стоит ворошить», и человек отбывает срок наказания вопреки открывшимся новым обстоятельствам и фактам. В нарушение всех советских и партийных норм, не предъявляя никаких обвинений, снизили адмирала в звании и вынесли ему партийное взыскание, никуда при этом не вызывая, а когда кто-то ради истины пытается понять, почему так случилось (и ведь подобных просьб очень много; я располагаю копиями многих писем от абсолютно неизвестных мне людей), ему отвечают: «Не стоит ворошить».

«Не стоит ворошить» — означает, что нет более иных аргументов для ответа, или, того хуже, «если ворошить», то Н.Г. Кузнецова придется еще строже наказать. Тот, кто советует «не ворошить», как бы делает мне благое дело, я же, напротив, как раз прошу «поворошить», дабы убедиться, напрасно я наказан или мне следует еще добавить.

Необычайное увольнение меня в отставку создало немало трудностей. Сколько-нибудь значительных накоплений у меня не было. Строить собственную дачу я принципиально не хотел. Два сына — школьники — еще требовали помощи и внимания. Возникла мысль писать мемуары, но это не обещало скорой материальной прибавки, да и писать их мне хотелось по другим соображениям: рассказать о боевой деятельности флотов, поведать то, о чем никто, кроме меня, не расскажет.

Мне не было сделано никаких исключений в пенсионном плане[87], прирабатывать же было невозможно: все с подозрением смотрели на меня — как бы чего не вышло.

Вот тогда единственным реальным путем немного заработать к пенсии стало использование знания иностранных языков. Начал учить английский и через год мог переводить отдельные статьи для журнала «Военный вестник». Пришлось много трудиться, 60 рублей с листа за трудный перевод требовали от меня большого напряжения, причем именно тогда, когда здоровье требовало ремонта после вторичной «встряски» в 1956 году. И.М. Майский помог мне напечатать в сборнике об Испании статью под

псевдонимом Николаев, и это имело не только (и не столько) материальное значение, вселяя уверенность, что я могу попытаться писать воспоминания, принося таким образом пользу флоту.

Но это было не так-то просто. Вокруг меня Хрущевым была создана явно негодная атмосфера. Решил писать, ожидая лучших времен.

Первая книга была почти готова, но казалось, Никита Сергеевич так крепко сидит в кресле, что больших перемен не предвидится. Они пришли совсем неожиданно. Встретил П.С. Тарасова, бывшего предисполкома Моссовета, который поделился новостью, только что узнанной от постового милиционера, — «сегодня утром выносили портреты Хрущева». Я оторопел от неожиданности и даже не поверил. Но факт оказался фактом.

…Мне трудно писать объективно об этом человеке. Не зная меня и ни разу не разговаривая со мной по флотским вопросам, он считал допустимым десятки раз выступать против меня, не брезгуя никакими сплетнями. Это не укладывалось в моей голове. Ведь он занимал высокий пост, который обязывал ко многому.

Я не раз слышал в те годы, как Хрущев за обеденным столом в присутствии адмиралов рассказывал возмутительные вещи про Сталина. Он вправе был иметь свое мнение о нем и критиковать его, но делать это в такой «свободной» манере, не брезгуя самыми мелкими и непроверенными фактами, на мой взгляд, было недопустимо для руководителя страны.

Но ведь Хрущева мы знали как редкого подхалима в сталинские времена Мы знали и о том, какие он совершал репрессии на Украине. Работал он там вместе с Серовым.

И вот сегодня, случайно, я узнал, что Серов после снятия Хрущева написал письмо, в котором чернит Хрущева за то, что тот требовал от него уничтожения документов, касающихся его деятельности… И все же остается непонятным — к чему скрывать проделки Хрущева? Его авантюризм, мягко называемый субъективизмом или волюнтаризмом, очевиден. Может быть, высокие соображения не позволяют сказать об этом прямо? История пишется не сразу!..

Президиум решил отстранить Хрущева… Правильно ли это сделано?.. Основное, как мне кажется, заключается вот в чём. После развенчания культа личности Сталина следовало принять ряд мер по развитию демократии. Выборы. Коллективное руководство. Вместо этого Хрущев, прикрываясь злоупотреблениями, допущенными Сталиным, сам пошел по тому же пути диктаторства. Культ личности Сталина был заменен новым культом…

У Хрущева возникало много идей (подсказанных кем-то), за которые он брался с завидной энергией, с удивительным упорством стараясь довести ошибочные решения до пагубного конца. Особенно много ошибок было сделано в сельском хозяйстве. Катастрофическое положение в этой отрасли меня особенно поразило. Оказывается, с 1958 года — никакого улучшения, а, напротив, упадок. Как же быть с цифрами, газетами, докладами, фильмами и всем прочим?

Так было с мероприятиями по школам, по ликвидации министерств. Много непродуманного делалось и во внешней политике. Его известное выражение за рюмкой «Мы вас похороним» — пример несерьезного выступления, как и поведение на Генеральной Ассамблее ООН, когда он снимал «сапоги» и стучал по столу. Такое комедиантство в политике руководителя крупнейшей страны, конечно, недопустимо.

Его несерьезный подход иногда ставил страну на край войны. Так было с поставкой на Кубу ракет. Ведь следовало же задуматься, к чему это может привести. Надо знать меру, когда поддерживаем какую-либо страну или заступаемся за нее. Политика, не подкрепленная реальными средствами, это чистый авантюризм. Помните с Берлином![88]

Подарки и награждения во время своих «прогулок» абсолютно несовместимы с поведением главы Советского государства.

В отношениях с Китаем и Албанией, наряду с принципиальной постановкой важных вопросов, также было много личного. Оскорбительные выражения в адрес Мао Цзедуна и Ходжи совершенно ни к чему для государственного деятеля такого ранга.

Таким образом, встает много сложных проблем. Как они будут решаться? Не знаю и не хочу гадать. Хочется надеяться, все пойдет лучше. И прежде всего хотелось бы, чтобы меньше существовало подхалимов и меньшим честолюбием обладали люди, служащие народу.

Все это, конечно, отрицательно сказывается на нашем авторитете, ставит в затруднительное положение компартии социалистических стран. Думается, лучше пережить известные трудности, но выправить положение.

Время, когда складывался культ Хрущева, вызывает смущение и стыд. Многие мыслящие люди задавали себе вопрос: как можно сотворять новый культ, когда только что отвергнут культ Сталина? В кулуарах об этом говорилось открыто, на различных же совещаниях и докладах подавались отдельные анонимные записки с вопросом «Как это понять?..». Но чем дальше шло время, тем беспардоннее вел себя Хрущев, и тем резче бросался в

глаза его культ. Через толщу хвалебных статей и длинных речей самого Хрущева с каждым днем было труднее высказывать здравые мысли. Они тонули в хоре хвалителей талантов и даже гениальности Хрущева. «Оказывается, наш товарищ Хрущев может даже прекрасно петь», — сказал мне однажды на партийном собрании вполне серьезно и без тени смущения маститый ученый тов. К.…Уже никого не удивляло, что его называли «дорогим». Гремел Хрущев своим мощным голосом с трибун, где за каждое слово, казалось, нужно отвечать сегодня, завтра и спустя много лет… Шум, который он производил, конечно, на какой-то срок мог заглушить все разумное и ввести в заблуждение многих. Но похмелье рано или поздно должно было пройти.

Бесспорно, он обладал огромной энергией, природным умом и сметкой, знал бесчисленное количество анекдотов и многое помнил из прожитого. Все это верно. Но ему следовало знать куда больше, ведь речь идет о человеке с необычайными претензиями…

Тов. Б-в принес мне однажды письмо, которое он намерен был отправить туда, что называют «высокой трибуной». Я знал, что он частенько пишет в разные инстанции и поэтому слывет уже «писакой», а к его письмам относятся без должного внимания. Это естественно. Слова и писанина приобретают больше веса, когда они употребляются редко, но метко. Речи, напечатанные в газетах (в которые можно заворачивать слона), читаются далеко не всеми, а повторенные в таких размерах перестают привлекать внимание вообще. Поэтому и я с некоторым недоверием выслушал сказанное моим собеседником, но все же спросил: «О чем хотите писать?» — «О лицемерии…» — ответил он и стал пересказывать содержание своего письма Меня это заинтересовало. Он довольно прямо высказывал свой взгляд на недопустимость лицемерия и уверял, что, к сожалению, оно развито у нас. Приводил и примеры, широкий диапазон случаев, когда кто-то сверху и снизу откровенно лицемерил, сам будучи полностью уверенным, что на самом деле это не так. К лицемерию он относил и такие факты, когда в глаза не говорилось открыто то, о чем следовало сказать вышестоящему, или наоборот. «Смело написано», — подумал я, но не удивился. Я знал, что этот товарищ был честен, откровенен и смел. Про него мне потом говорили, что он «прямо, открыто и со всей резкостью» написал письмо, когда промышленные обкомы отрывали от сельских. «Он оказался самым «ортодоксальным марксистом», — шутя добавил рассказчик.

Что я мог ему посоветовать? По существу, я считал его правым. Не советовать — значит, лицемерить; советовать —

подвергать его риску. Ведь он потому и пришел ко мне, чтобы я посоветовал ему, как лучше поступить. Я выбрал золотую середину. «Такой вопрос, возможно, следует поднять, но, мне кажется, не все, написанное здесь, может выдержать критику», — ответил я и посоветовал еще раз все продумать. Судя по тому, что он это письмо через несколько дней послал куда следует, советы мои он в расчет не принял. Возможно, в душе назвал меня тоже лицемером.

Мы потом долго говорили на смежные этому вопросу темы: о честности, о пассивности к недостаткам и, наконец, о взятках. Интересные мысли запомнились мне из этого разговора, и сейчас захотелось переложить на бумагу.

«Ах, если бы все мы говорили смелее то, что думаем, всем жилось бы значительно лучше и спокойнее», — сказал он. Развивая этот тезис, мы вспоминали множество примеров, когда произносится что-либо с явной оглядкой, а «что скажет Марья Алексеевна?»[89]. Потом сами же расплачиваемся за наши слабости. Удобряем почву для роста культов. (Тогда Хрущев был на таком этапе своего бурного развития, что за примером далеко ходить не надо.)

«Вы думаете, взятки даются только деньгами?» — слышал я однажды замечание одного товарища и вспомнил о нем при беседе с Б-вым. Постарался развить эту мысль. «Мы много говорим о взятке деньгами и все решительно это осуждаем: будь то десятка или тысяча. А не является ли своего рода взяткой младшего старшему (обратное явление достаточно редко), когда он в угоду своему начальнику и в корыстных целях поддерживает вредную точку зрения? Это тоже своеобразная взятка, хотя и трудно ощутимая, осуществляющаяся не за счет дающего, а за счет общественных интересов». В голове у меня вертелся живой для того времени пример. Хрущев высказал совсем неумную и не отличающуюся оригинальностью мысль о роли надводного флота вообще и крейсеров в частности. Всякому специалисту было ясно, что его обязанностью является разубедить некомпетентное начальство и не допустить ошибок, так как это может обернуться для народа серьезными материальными и моральными потерями. Была дана «взятка». Не тронь меня, а я поддержу вашу точку зрения. «Распилить крейсера», — бросил однажды, идя на катере по реке Неве, Хрущев. «Так точно, нужно распилить», — сунули ему «взятку», чтобы он не сердился и, спаси Бог, не сделал оргвыводов. «Подводные лодки — основа основ», — заявляет Хрущев, явно допуская ошибку, недооценивая другие классы кораблей флота. «Основа основ — это подводные лодки», — давая «взятку», вторил ему тот, кому положено по долгу службы и как

«слуге народа» говорить правду.

А если взять период репрессий и культа личности Сталина? Многие провозгласили анафему Сталину и на том успокоили свою совесть. А так ли просто обстоит дело? Сколько в годы репрессий было дано «взяток» во избежание неприятностей? Сколько лицемерия! Обвинять одного Сталина — это только сорвать цветок (причем умерший) и не коснуться корней, при поливе которых снова и еще более пышным цветом могут расцвести махровые колючки. Разве есть принципиальная разница между временами Сталина и Хрущева, если при последнем также можно снимать и выгонять человека по одному лишь его намеку? «Отделался инфарктом», — заметил мне горестно один приятель, считая это за благо. «Все зависит от Никиты Сергеевича» («дорогого» тогда), — ответил мне весьма высокий начальник, и по его тону я понял, что он уже дал ему «взятку» — не возражал. После я убедился, что взятка была дана настолько крупная, что названный товарищ, именовавший Хрущева не иначе как «дорогой», и теперь еще не может избавиться от такого морального груза.

Как я был поражен в свое время (1939 год) откровенным признанием Ворошилова, что Кожанов не враг, когда Кожанова уже не стало! А ведь на совести Ворошилова не один Кожанов, а сотни… Корень, не вырванный в свое время, потом дал свои плоды. Ворошилов при всяком удобном случае целовался с Хрущевым и, что важнее, угождал ему во всем, будучи на посту Председателя Президиума Верховного Совета. Разве это идет в сравнение с простой взяткой на «красненькую»? А ведь сущность одна и та же.

Как выражение прочно вошедшего в быт лицемерия я могу привести печальный для меня факт; увы, подобное носит ныне массовый характер. Когда меня сняли, судили, восстановили, а потом снова сняли, то никто не сказал о моих ошибках (даже официально), но многие журили меня за то, почему я завел спор с Хрущевым. Возможно, в этом кое-кто лицемерил и передо мной, но никто не помогал мне справиться по существу, а все учили, как впредь следует вести себя, то есть советовали лицемерить и лгать. Вот покажи кому-либо написанное, здесь многие скажут «правильно», но предостерегут не говорить нигде об этой правде…

Пожалуй, не как бомба, а как бесшумно лопнувший шар произошло освобождение Н.С. Хрущева. Вроде бы у меня было больше, чем у кого-либо, оснований ликовать, предаваясь естественному чувству мести. Но это не в моем характере. Я уже привык оценивать события, немного отойдя от них — хотя бы на

несколько дней. А прошло уже дней десять. От первого известия милиционера в садике и до беседы с весьма ответственными и не менее безответственными людьми удалось выслушать различные толки о самом факте и мнения на сей счет.

Как и всегда бывает в таких случаях, вчерашние подхалимы громче всех поносят своего кумира и кричат: «Ату его, ату!» Их я в расчет не беру, они наводят на меня некоторый страх только потому, что, не закончив один печальный этап, активными участниками которого были, они теперь готовы приступить к следующему.

Более спокойные и рассудительные товарищи, не связанные с Хрущевым, как политической фигурой, беспокоятся не о том, кто придет вместо него и как удержаться за кресло, а думают о судьбе страны и оценивают факт как таковой, стараются предугадать его последствия. «Кому можно верить?» — так кричат те, которые всегда недовольны и, почувствовав лишнюю свободу, высказывают свое мнение громко и открыто.

Я не сторонник Хрущева. Всегда считал его фигурой сложной и опасной. В нем энергия и хорошие намерения переплетаются с авантюризмом и жаждой власти. Власть его опьяняет. Он не в состоянии интересы государства поставить выше своих личных интересов. Идейности в нем мало. Злопамятность и грубость в нем легко развиваются. Окружение, которое льстит, способно сделать что угодно, и тогда здравый смысл уже не может пробиться к нему. Он к диктатуре (а не к культу) бросился на всех парах, как рискованный игрок, готовый поставить ва-банк. Взяв один банк, он поставил на кон более крупную сумму и выиграл. Теряя равновесие, он уже не чувствовал под собою ног. Его авантюризм, подменивший здравый смысл, и уверенность, дескать, все сойдет с рук, что он непогрешим, могли привести к весьма опасным последствия. Он уже однажды, во время Карибского кризиса, поставил на карту судьбу всей страны, и только благоразумие противной стороны остановило опасное развитие событий. Дело обошлось потерей (в известной мере) престижа и напрасной тратой средств.

Все это говорит за то, что Н.С. Хрущев был не на своем месте. Ошибка, допущенная однажды, — это плохо, повторенная — уже преступление. Надо надеяться, что она не повторится еще раз. Пусть его место займут люди более тихие и спокойные, но деловые. Это будет заслуженно оценено народом.

Но почему ему было позволено так делать, почему в такой короткий срок на глазах у всего народа он стал фактическим диктатором и почему пришлось прибегнуть к столь необычным для всякой культурной страны мерам без участия широких масс,

без развернутого разъяснения, что случилось? Вот над чем следует подумать.

Если не вырвать корней и не сменить почву, на которой так быстро растут «культы», то нет гарантии от повторения пройденного. В чем корень зла? Мне кажется, в отсутствии твердых законов, конституционных положений и контроля за их выполнением. Огромная власть в одних руках — такое не должно быть свойственно нашему государству. Прав, скажем, у первого секретаря или Предсовмина и без того достаточно, а когда эти должности совмещаются в одном лице, а права находятся в одних руках, то тут и начинается бесправие. Для культурного социалистического государства должно быть характерно не сосредоточение власти в одних руках, а, наоборот, участие в управлении по возможности большего количества органов, большего количества лиц.

Крупным недостатком является смешение функций советских органов и партийных, и даже более того — подмена ответственных советских органов партийными. Советская власть как-то потеряла свое лицо. Посмотрите на любой облисполком: туда ни один директор не ходит — он считается только с обкомом. То же делается в рамках района и любого города. Плохо, когда происходит своего рода дворцовый переворот. Это означает, что народ не участвует в управлении государством. Я, конечно, понимаю под переворотом свержение лица, фактически наделенного властью. Например, английскую королеву свергать нет нужды: Елизавета или Георг — большого значения не имеет. Но и для них уход должен быть оформлен. А вот когда в какой-нибудь южноамериканской республике прежнего диктатора сменяет в одну ночь другой, это свидетельствует о том, что там правит не народ, а клика, что там нет хорошей конституции, что там нет законов, которые бы никто не смел нарушать.

Но, развенчивая культ, нельзя оставлять без внимания и тех, кто ему особенно рьяно поклонялся. Нельзя освобождать от ответственности тех, которые должны отвечать. Иначе безответственность будет расти и расти от одного культа к другому.

Вот пример. Внес Хрущев неправильное предложение о школах. Его приняли. Сидел в это время ответственный за школы человек. Теперь же он кричит (да еще громче всех): «Виноват Хрущев!» А я вытащил бы этого деятеля, снял штаны и всыпал, приговаривая: «А ты? А ты где был?!» Это дало бы хороший урок на будущее. Иначе он отсидится, будет делать и дальше глупости, не задумываясь, что его долг состоит в том, чтобы либо настоять на своем, либо уйти.

Л. С.[90] рассказал об активе в Министерстве обороны. Настроение явно враждебное вчерашнему вождю. Выступал Матвей Захаров. Он еще на пленуме бросал резкие реплики. Тут отвел душу. Странными казались реплики Гречко и Еременко. Особенно Еременко. Какие люди! Те, что вчера, присосавшись к руководству, пользовались его именем, превозносили до небес, а сегодня они, как самые заядлые враги, бросают ему грязь в лицо. Где же совесть, свое мнение и, наконец, чувство благородства? Это не ново, но чтобы до такой степени! Рассказывали об активе моряков. С.Г. Горшков выступал и бил себя в грудь, дескать, он защищал флот, а Никита Сергеевич не позволял ему проводить необходимую линию, приказал разрезать крейсера. А ведь всем известно, что он потворствовал этому. Где хотя бы одна настоятельная просьба или бумага[91], что этого делать нельзя? Списал все за счет «покойника» и живи дальше. Можно ли так? Ведь крейсера-то резал Горшков! Если можно так ссылаться на высшее начальство, когда оно уже перестало быть таковым, то спрашивается, где же ответственность «ответственных товарищей»?!

И как же быть с людьми, которые сегодня спишут все за счет Хрущева, а завтра начнут, не имея своего твердого мнения, подчиняться другим, снова не чувствуя ответственности. Карусель!

Ну а как же быть? Где же ответственность, за которую получают зарплату, дачи и прочее и прочее… На похоронах своего начальника всяк может на него сослаться. Мне думается, выход один — отвечать должен каждый за свою отрасль. Не ушел в отставку — неси ответственность!

Меня даже забавляло в эти дни поведение отдельных лиц, которые спешили повернуть «уши по ветру». Вчерашние подхалимы больше всего кричали: «Так ему и надо». Те, кто еще вчера боялся звонить и избегал разговоров со мною, сегодня, почуяв изменение обстановки, звонят, клянутся в дружбе, подобострастно докладывают, желают проинформировать. Даже предлагают поставить белый или красный телефонный аппарат. Какие глупости! Что так испортило народ? О люди, люди! Кажется, я получил моральное удовлетворение больше всех, оказавшись правым в своих спорах и разногласиях с Хрущевым. Но больше всего я имел оснований возмущаться, когда Хрущев, а за ним и некоторые военачальники при всяком удобном и неудобном случае на флотах бросали в мой адрес лживые и вымышленные обвинения в недооценке атомных подводных лодок и ракетного вооружения флота. Глупость! Стоит посмотреть представленную мною программу судостроения, и увидите, что

атомных подводных лодок там намечалось больше, чем введено их в строй. Строительство этих лодок началось при мне. Я вместе с Малышевым, Звенягиным и другими товарищами рассматривал первые их проекты. Никто ничего нового не изобрел в этой области. Значение ракет было понято еще в мою бытность. Хрущев высказывал не только неверные мысли, но и нес несусветные нелепости относительно моих «неправильных взглядов» на строительство флота. Ни разу не побеседовав со мной, он утверждал, что я придерживаюсь вредных взглядов на будущее флота.

Теперь, когда пишутся эти строки (1973 год), мои взгляды на различные классы кораблей оправдались. Вариант «сбалансированного» флота с подводными и надводными кораблями признан сейчас самым разумным. Да странно, конечно, что утверждения Хрущева о том, что подлодки могут решать все задачи, надводные корабли не нужны, а авианосцы — «покойники», были поддержаны опытными морскими специалистами. Хрущев обвинял меня, что я выступал против уничтожения крейсеров, которые были уже почти готовы. Будучи однажды в Ленинграде, он, как передавал мне И.И. Байков, проходя на катере мимо судостроительного завода, указывал на корпуса еще не распиленных крейсеров и спрашивал: «Что это кузнецовские корабли тут стоят?» Байков признался, что он, к сожалению не возразил ему и ответил просто: «Да, да». Крейсера вскоре распилили. И в «Правде» появилась тогда даже заметка, с какой радостью рабочие выполняли задание. От крейсеров Хрущев переходил к надводным кораблям вообще, особенно к крупным, и костил меня за это. Особенно ругал он меня за авианосцы.

Не отрицаю, я являлся сторонником средних авианосцев; не уверен и сейчас, что они нам не будут нужны. В полное разоружение я пока не верю, классовый характер двух лагерей еще может привести к столкновению. Хотя пусть этого лучше не будет!

Увлекшись, не находя серьезных обвинений, Хрущев просто обвинял меня в том, что я, видите ли, смел «свое суждение иметь» и возражать ему, Хрущеву! Это была, видимо, уже кульминация его зазнайства и хвастовства. Ему не возражали. Такова жизнь. Но я был поражен, когда читал в журнале статью И.С. Исакова, утверждавшего в унисон Хрущеву, что «авианосцы — это покойники». Это уже не только грех перед своей совестью опытного и оперативно подготовленного адмирала, но откровенная продажа совести. Правда, я слышал, что за это Хрущев упомянул Исакова в качестве лояльного и грамотного

адмирала…

Я опасаюсь, что ловкачи опять пожнут плоды, быстро перестроившись на новый лад. Вот ведь Горшков уже бьет себя в грудь и уверяет, что он боролся с Хрущевым. Где же предел бесчестности и непорядочности? Неужели все снова сведется к «перемене мест»…

До сих пор (май 1973 года) мне так никто и не разъяснил причины моего снятия, попытки переговорить с кем-либо не увенчались успехом. Меня уже не интересует ни звание, ни должность. Материально я обеспечен[92], и больше мне не нужно. Ограничение даже полезно. Но остается непонятным, как можно не отреагировать на мои письма хотя бы поручением кому-либо показать мне все документы, на основании которых принято решение. Иначе создается впечатление, что так сказал Хрущев и это неизменно. Мне кажется, что законность нужна не только мне, но вышестоящим органам. Обидно и то, что ответом на многочисленные письма флотских товарищей служат слова, что я неправильно смотрел на будущее флота, оторвался от флота. Одним словом, опасаюсь, что после смерти, вместо исправления ошибки по возвращению мне звания, будут рассказаны легенды о моем поведении, вычеркнут и мое пребывание в годы войны.

Естественно, что даже небольшие изменения по службе или в жизни вызывают у человека определенные эмоции. Но «крутые повороты», о которых я рассказываю, были сопряжены с серьезным нервным напряжением или положительными радостными эмоциями. Они, с одной стороны, оставили в памяти неизгладимые впечатления и одновременно наложили большие и малые отпечатки на всю нервную систему. Действительно, трудно было пережить серьезную встряску 1947 года. Я сознавал, что затерянное по каким-то соображениям дело, получившее большую известность в Министерстве обороны, превратилось в процесс, призванный сыграть воспитательную роль, ради которой начальство могло пожертвовать несколькими адмиралами. Да так оно фактически и получилось…

На нервах прошли почти три недели неизвестности, когда над головой висел меч «возмездия», готовый обрушиться со всей силой на нас, грешных. Сказалось это по пути из здания суда домой на ул. Серафимовича Меня впервые «зажало» в груди. До сих пор не ведавший ни о каких заболеваниях, я и тогда не придал этому серьезного значения. Но, видимо, перенапряжение оставило след, и потом это все чаще и чаще посещало меня.

Но я выровнялся. Философски подошел к событиям, занялся делами и не поддавался унынию, не увлекся и «горилкой». Мне хотелось со временем доказать свою невиновность и

реабилитироваться. Для этого требовалось время. Одним словом, нужно было выжить. На ТОФе я окончательно оправился от пережитого.

Когда летом 1951 года меня вновь назначили министром ВМФ, я тоже переволновался, но то были приятные положительные эмоции. Стал думать, как выручить оставшихся в беде товарищей. Написал два письма. Как потом мне рассказали Алафузов и Степанов, о моих шагах они знали, но, кажется, единственным облегчением был перевод их из одиночек в общую камеру. «Надо просидеть несколько лет в одиночке, чтобы испытать удовольствие сидеть вместе с другими преступниками, кто бы они ни были». Алафузов, хорошо знавший юрисдикцию, стал выполнять обязанности советчика, а его «клиенты» охотно мыли за него пол. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — заметил я, когда мы собрались вместе у меня.

Мы хорошо простились, но какая-то тоска одолевала меня, как будто я был в чем-то виноват, хотя они слышали все мои показания и видели желание взять всю вину на себя (и уж, во всяком случае, не сваливать ее на своих подчиненных). Многие из наблюдавших процесс потом писали и говорили мне, что были поражены моим рискованным поведением, я откровенно подставлял свою голову. Придерживаюсь твердого убеждения, что только такое поведение могло повлиять на исход дела. С печалью и удовлетворением вспоминаю, как благородно держались на суде Алафузов, Степанов и Галлер.

Я как бы вернулся в исходное положение. Установилось душевное равновесие, и сведения, что на флотах к моему вторичному назначению отнеслись весьма положительно, ласкали мое самолюбие. Однако есть вещи и невозвратимые. Хотя я еще чувствовал в себе достаточно сил, но уже поседел и приступы стенокардии давали себя знать при перегрузках. Я не раз слышал советы, что в трудные минуты нужно по-философски подходить к происшедшему; более точного рецепта, естественно, никто дать не мог. Каждый должен по-своему философствовать, выбирая нужную тему. Рассуждения с самим собой я начинал с выбора своего пути в молодые годы. Тут у меня не было раскаяния, я не жалел о раз и навсегда выбранном пути: отдать жизнь флоту. Я с удовольствием вспоминал годы учебы. Они не принесли мне никаких неприятностей. Учился охотно и окончил училище с отличием.

А как началась и проходила служба в офицерских чинах и должностях? Опять же одни приятные воспоминания. Служба на крейсере «Червона Украина» — пожалуй, никогда в жизни я не работал так много, но работал с удовольствием и не ради

карьеры, а ради любви к кораблю. Нужно быть довольным, что судьба доставила мне столь много приятного на первом же этапе службы.

Всегда в такие минуты раздумья вспоминались и годы, проведенные в Военно-морской академии. Класс был дружный, и мы беззаботно учились и проводили свободное время. За это нужно благодарить судьбу значит, не все же так плохо, как сейчас, думал я. Окончив с отличием академию, я сам попросился на должность старпома, должность трудную, но для тех, кто любит свой корабль. С энтузиазмом я взялся за работу на крейсере «Красный Кавказ». У меня оказался хороший командир, который полностью доверился мне и не только не стеснял инициативу, но и предоставил мне руководить кораблем. И, кажется, я его не подводил. Корабль был на хорошем счету. Видимо, не случайно в 1933 году я был назначен командовать крейсером «Червона Украина».

Вот и исполнилась моя заветная мечта стать командиром, да еще крейсера, который я уже знал отлично. Это было приятно вспоминать и в какой-то мере заглушало тяжесть, камнем лежащую на душе. Нельзя же всю жизнь прожить без сучка и без задоринки, гладкого пути от начала до конца почти никогда не бывает. Почему же должен был избежать «черной полосы» я? Правда, мои взлеты и падения были уж слишком большими и переживания соответствовали им. Размышляя, я пришел к мнению, что когда поднимаешься в гору, то часть окружающих людей помогает тебе, часть с любопытством наблюдает, и лишь немногие (и то скрытно) тебе мешают. Когда же ты покатился с горы, происходит перестановка, кто помогал, перестает помогать, и кое-кто даже жалеет о прошлом, кто с любопытством наблюдал, теперь злорадствует, а тот, кто и ранее был твоим противником, становится ярым и открытым врагом и начинает с остервенением бросать в тебя камни (и писать доносы).

Иногда мои друзья причиной моих бед считали излишнюю доверчивость к людям, которые, дескать, меня подвели. В этом есть доля правды, но разочаровываться в людях огульно нельзя. Однако осмотрительность и проверка в наш суровый век нужны. Кстати, в мою молодость меня окружали порядочные люди, давали полезные советы — учиться, не гнаться за деньгами или положением, может быть, они и взрастили во мне излишнюю доверчивость.

И все-таки я верю, что хороших людей больше, чем плохих. Если бы я пришел к другому выводу, то по логике рассуждения потерял бы основу, для чего тогда стоило жить, ради чего бороться? При этом должны быть грани, за которые не следует

переходить, чтобы не оказаться простаком, над которым обычно смеются даже те, кому ты делаешь добро и веришь. Всякая крайность, говорят, граничит с глупостью. Так и в данном случае. В наш бурный и беспокойный век за жизнь приходится бороться больше, чем прежде, но это совсем не значит, что теперь надо пренебрегать законами морали и порядочности.

Мне думается, человеку, соприкасающемуся с политикой, нужно быть особенно осмотрительным и осторожным. Политика — дело безжалостное, и если, как говорят, даже война есть политика, проводимая лишь иными средствами, то тем более политика не считается с отдельными людьми, если этого требуют ее интересы…

Мне довелось довольно долго находиться в отставке на особом положении: материально обеспечен, но выброшен за борт и оторван от своих товарищей по старой службе. Меня, кроме того, еще и многие сторонились: «как бы чего не вышло». Я пришел к твердому убеждению, что материальная обеспеченность не дает полного морального удовлетворения. Чего-то не хватает. Не хватает удовлетворения от того, что ты еще кому-то нужен и полезен. Это, конечно, относительно. У меня оставалась возможность вести общественную работу и своими докладами приносить какую-то пользу, но это настолько малая отдача, что по-настоящему удовлетворить не может[93].

…Никогда раньше у меня не возникали мысли о конце своей жизни. Теперь же, когда я был поставлен в определенные условия, когда независимо от меня прервалась моя служба, а годы и здоровье уже подсказывают, что и конец не за горами, иногда в часы раздумья невольно сосредоточиваешь свои мысли на прожитом, на оставшихся днях, на цели, когда-то стоявшей в жизни, и на стремлениях что-то еще успеть сделать для будущего. Временами закрадываются разочарования и какая-то черная мысль о бесцельности проведенного времени, о безотрадной перспективе. Вот в такие моменты и нужна ясная цель, опираясь на которую значительно легче бороться с меланхолией и даже болезнью.

Когда сосредоточишься на личных моментах и событиях, связанных исключительно с собственной персоной, да еще на лицах, непосредственно связанных с этими событиями, на душе становится мрачно и тоскливо. В таком случае не удается найти ответы на мучительные вопросы, и, кажется, тупик, в котором оказался, не имеет выхода. Но стоит взглянуть на все происшедшее с тобой в более широком аспекте и поставить себя на место человека, подверженного, как и все, различным капризам «судьбы», опереться на более устойчивые явления, как

находишь происшедшее с тобой «мелочью жизни» и фактом не такой уж чрезвычайной важности.

Если взять цель своей жизни в рамках флота, ради которого, казалось, я и жил, то оказываешься у разбитого корыта, окончательно погибшим под тяжестью происшедшего. Но если ею считать более широкие стремления всего общества, всей страны, Родины, то окажется, что цель остается, и ради нее следует не унывая жить, надеясь на улучшение здоровья и возможность еще применить себя для этой цели.

У каждого человека, если он не ограничивается только мелкими житейскими радостями, существует более широкая цель, связанная с интересами Родины и общества, помимо сугубо личной цели — семья, дети, дом и т. д. Если они проходят через его жизнь параллельно и согласованно, не пересекаясь и не противореча одна другой, то это можно рассматривать как идеальный случай. Удача. Такое бывает редко. Жизнь значительно сложнее и часто поворачивает то в одну, то в другую сторону. Всякому думающему человеку эти цели нужны, иначе он будет скучать, чувствовать неудовлетворенность; и не дай Бог, если он не обретет их, — обязательно бросится в какую-нибудь крайность.

Когда я жил и работал ради большой цели — развития и расцвета Родины, я ее меньше чувствовал, чем ту, конкретную, что стояла передо мной и заключалась в достижении успехов на флоте. Она поглощала много времени и шла временами в ущерб моим личным целям, недооценку которых я считаю теперь ошибкой в своем поведении.

Но вот события выбили из-под ног ту опору, на которой я привык стоять с юношеских лет. Когда я впервые незаслуженно был наказан, потерял должность и звание, но оставлен в рядах флота, это меня не особенно огорчило, ибо я по-прежнему находился среди флотских товарищей, а здоровье еще позволяло рассчитывать на многие годы работы впереди. Совсем по-иному сложилось в 1956 году, когда я лишился самой возможности работать, общаться с людьми и даже думать (без материалов, которые не получаешь, рассуждать трудно) на флотскую тему. При этом оба раза мне не было предъявлено конкретных обвинений. Я почувствовал, что весь фундамент моей жизни выбит из-под меня окончательно, а годы и здоровье уже не позволяют смотреть на случившееся, как на временное явление.

Вот в такой обстановке и потребовалось вновь задуматься над вопросом, что же теперь остается целью твоей жизни (помимо личной)? Уйти ли в сугубо частную жизнь и замкнуться в ней или еще не вычеркивать себя из членов общества и попытаться найти

эту новую цель, причем такую, которая бы вела в конечном итоге к тому же, что и прежде, — к благу родной страны, хотя ты и будешь теперь находиться на другом участке, нежели раньше.

Теоретически просто ответить на этот вопрос, в действительности же решить его очень трудно. Возможно, кто-то из моих бывших сотоварищей по флоту, наблюдая за мной, думает, что все на самом деле значительно проще. Однако если тебя лишают жизненной опоры, то трудно придумать что-нибудь сложнее.

В конце 40-х годов, когда мне довелось пройти все этапы унижения, чтобы выжить, требовались выдержка и здоровье. После вторичного назначения в Москву я оказался между молотом и наковальней. Формально те, кто находился у власти, вернули меня для работы. Поначалу они, казалось бы, внешне благосклонно отнеслись ко мне. Фактически же стоявшие у руля не терпели меня и готовили «волчью яму». Я чувствовал это, но был бессилен что-либо сделать. Отказаться от взглядов и честного отношения к своему делу я не мог. После смерти Сталина события быстро развивались, и я ничего не мог ждать хорошего. Самым лучшим исходом мог быть только спокойный уход на другую работу, но этого, к сожалению, не произошло. Мне было суждено снова пережить все справедливые и несправедливые обвинения. «Ату его, ату» — был брошен призыв, и, как обычно бывает в подобных случаях, нашлось немало охотников бросить в меня камень, даже из числа тех людей, которым я делал только хорошее.

Нервное напряжение временами доходило до предела «Москва слезам не верит», и я никогда не склонялся к тому, чтобы расплакаться. Теперь уже более, чем раньше, сказывался фактор здоровья. Но нужно было все-таки не потерять равновесия, сохранить необходимое спокойствие и, трезво рассудив обо всем происшедшем, найти себя для дальнейшей жизни.

Вот тут-то и потребовалось ответить на вопрос — чему, какой цели следует посвятить оставшиеся годы, что нужно делать, чем заниматься?..

Для всякого гражданина есть одна очень важная цель — Родина, ее развитие, ее успехи, ее судьба. Что же я могу сделать в этом направлении? Пока очень мало, ибо здоровье еще не совсем наладилось, но когда буду в состоянии, думаю, еще смогу быть ей полезен.

Счастлив тот, кто до последних дней в состоянии работать, и закончить свое существование, не изнывая в тоске по труду. Я находил и нахожу удовлетворение в написании мемуаров, но делаю это в весьма ограниченном виде, ибо все описываемое

относится исключительно к прошлому, без связи его с настоящим и тем более будущим ВМФ.

В минуты грусти и «ничегонеделания» призываешь на помощь философию: то, что пришло, неизбежно для каждого рано или поздно, а то, что неумолимо приближается для меня, наступит когда-нибудь для всех смертных.

Перелистывая книги и фотографии «своего времени», убеждаешься, как много знакомых и друзей отошли уже в «лучший мир», и какие ушли люди! Казалось бы, крепкие здоровьем и рассудительным поведением. А вот… ушли. Ушли небольшие по своим чинам, как ушли и высокопоставленные, когда настал черед.

Что же кажется немного обидным, но, видимо, неизбежным в наш суровый и бурный век, так это то, что ушедшие быстро забываются: новое сменяет все старое, люди честолюбивые, рассчитывавшие своим трудом оставить о себе «завидный след», ошиблись. Их след замело быстро, и в этом никого винить не следует. Такова жизнь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ю.А. ПАНТЕЛЕЕВ [94]
ЧЕЛОВЕК НЕСГИБАЕМОЙ ВОЛИ

Бывает так — встречаются люди в ранней молодости, а затем жизненные циклоны разносят их в разные стороны, но связи не теряют, хотя иногда и на больших расстояниях, но хорошо видят друг друга. Так случилось и у меня с Николаем Герасимовичем Кузнецовым.

Был мрачный, прохладный осенний день 1926 года в городе Николаеве. Большая старинная казарма из красного кирпича с высокими потолками располагалась далеко за городом, ни домами, ни лесом не окруженная. В казарме этой размещалась команда крейсера «Червона Украина», достраивавшегося на Николаевском судостроительном заводе на реке Буг. Корабль должен был в ближайшее время войти в состав Черноморского флота. Ежедневно для укомплектования экипажа крейсера в казарму прибывали партии матросов разных специальностей и группы командиров, окончивших военно-морские училища.

Поеживаясь от сырого прохладного воздуха, я сидел с рассыльным краснофлотцем в комнате дежурного командира по команде, попивая крепкий флотский чай и периодически подбрасывая в большую печку сухие поленья дров. Казарма тогда еще не имела парового отопления, поэтому там стояли десятки большущих старинных печей. Старший помощник командира крейсера был болен, и я его замещал. И вот слышу громкий бодрый голос в коридоре: «Где у вас командир помещается?» Кто-то ответил: «А вот в конце коридора открывается дверь». Не прошло и минуты, как в комнату бодро вошли три молодых стройных командира, держа в руках какие-то документы. По блестящему, наглаженному форменному обмундированию и особенно брюкам со складкой-стрелкой, блестящим, еще не мытым двум нашивкам на рукавах я сразу понял, что прибыли служить молодые вахтенные начальники, только что окончившие Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Они еще застали собиравшегося покинуть казарму командира крейсера Н.Н. Несвицкого. Он посмотрел предписания командиров и на каждом из них написал краткую резолюцию «Ст. пом.» Это означало — идите к старшему помощнику. Так как никаких других указаний дано не было, молодежь и явилась ко мне. Зная «разговорчивость» Несвицкого, по существу, очень доброго человека, но до крайности молчаливого, и видя смущение прибывших, я постарался сгладить их первое впечатление, ибо все это сам

пережил год тому назад. Выше, представительнее других мне показался Кузнецов Н.Г. Я даже про себя подумал: «Прямо гвардеец какой-то». Он оказался и разговорчивее своих товарищей. Спрашиваю: «Как доехали, обедали ли?» Вижу смущенную улыбку, двое молчат, а Николай Герасимович прямо объявил: «Признаться, ничего не ели еще». Меня подкупила такая откровенность, я даже ей обрадовался. «Чудесно, сейчас все организуем», — ответил я и вызвал к себе дежурного по камбузу. Хотя ужин команды уже закончился, но прибывшие были накормлены. Через некоторое время ко мне явился Кузнецов и от имени прибывших поблагодарил за ужин. На вечерний чай я пригласил Кузнецова к себе в комнату дежурного по команде. Рассказал ему о крейсере, его командире и специалистах. Кузнецов поведал мне о последних днях в училище, об общих знакомых по Балтике. Кузнецов, оказывается, очень любил парусное дело и, будучи курсантом, любил ходить на шлюпке под парусами. А ведь парус был и моим увлечением. Это, конечно, сделало нашу беседу живой и сблизило нас. Пробеседовав до ночи, чувствовалось, что мы познакомились довольно близко и, видимо, взаимно были удовлетворены.

На заводе шла приемка различных механизмов строящегося крейсера. В этой ответственной работе в специальных комиссиях участвовали все командиры крейсера. Н.Г. Кузнецов участвовал в приемке пожарной системы и еще чего-то. Работали мы целыми днями до темноты. Иногда днем, встречаясь с Кузнецовым, я стал замечать, что он не производит впечатления робкого новичка, голос его звучит уверенно, что ему не ясно — он спрашивает у заводских инженеров. Я давно был знаком с председателем комиссии по наблюдению за строительством корабля (сокращенно: комнаб) Дроздовым — симпатичным корабельным инженером очень высокого роста. Так вот, как-то, идя вместе с завода домой и делясь впечатлениями о ходе приемок на корабле, он мне говорит: «Вы, Юрий Александрович, давно знаете Кузнецова?» Я ответил, что знаю его не более двух месяцев. Дроздов помолчал, а затем произнес: «Удивительно хорошее произвел на меня он впечатление… довольно скромен и очень деловой, разбирается во всем до деталей, совсем не так, как другие. Вот увидите этот пойдет далеко». Я согласился с Дроздовым и стал еще больше приглядываться к новому вахтенному начальнику. Прогноз вскоре оправдался. Крейсер, вступив в строй, начал усиленно проводить боевую подготовку, часто выходить в море. С нами выходил в море и командующий флотом М.В. Орлов. Он тоже внимательно приглядывался к вахтенному начальнику Кузнецову, к тому, как смело и

решительно он отдает команды рулевому и сигнальщику. После одного из многодневных выходов в море комиссар крейсера Кедрин, очень общительный человек, сообщил на мостике командиру, что комфлот обратил свое внимание на Кузнецова и сказал Кедрину, чтобы тот посматривал за ним. «Из него выйдет толк», — добавил Орлов, прощаясь с комиссаром. Все это я отчетливо слышал, так как был старшим штурманом крейсера и по должности стоял на мостике рядом с командиром. А волевые качества у Николая Герасимовича действительно проявились и совершенствовались с каждым днем его службы на корабле.

Мне хорошо помнится один эпизод из нашей совместной службы. В годы строительства флота вахтенных начальников с законченным военно-морским образованием не хватало. Поэтому вахту часто несли командиры из бывших унтер-офицеров царского флота — специалистов своего дела, но вахтенную службу на ходу они знали плохо, особенно навигацию и лоцию. Поэтому штатные командиры-штурманы, имевшие неспециальное образование, чувствовали себя на мостике полными хозяевами, на вахтенных начальников обращали мало внимания и отдавали команды рулевым и сигнальщикам, минуя вахтенного начальника. В те часы на вахте стоял Н.Г. Кузнецов. Определив место корабля и получив разрешение командира поворачивать на новый курс, я отдал непосредственно рулевому команду ложиться на такой-то курс. Кузнецов все это слышал и молчал. Когда крейсер лег уже на новый курс, он отозвал меня на крыло мостика и не грубо, но очень четко и негромко сказал: «Послушай, Пантелеев, на вахте стою я и за движение корабля отвечаю по уставу… команды рулевому об изменении курса должен подавать я… иначе я здесь не нужен, да это требует и устав… если ты не согласен, придется доложить командиру…» Кузнецов был абсолютно прав, я тоже хорошо знал устав. Нас — штурманов — избаловали приведенные выше обстоятельства, и мы перестали как-то считаться с вахтенными начальниками. Я улыбнулся и, помню, ответил тогда Николаю Герасимовичу: «Ладно, ты прав, учтем». Найдя удобную минуту, я тогда же рассказал о нашем разговоре командиру крейсера. Он выслушал меня и как всегда буркнул: «Что же, Кузнецов прав, учтите». Отношения наши не испортились.

Через некоторое время Н.Г. Кузнецов был назначен старшим вахтенным начальником крейсера и в этой должности вскоре показал свои достоинства. Обучая краснофлотцев гребле и хождению под парусом, я заметил, что шлюпка Н.Г. Кузнецова всегда обгоняла шлюпки других рот как под веслами так и под парусом. Среди командиров в кают-компании о Кузнецове

заговорили как о молодом, но дельном моряке, любящем морское дело, море и корабль. Кают-компания у нас была очень дружная. По вечерам мы собирались в ней. Кто-нибудь играл на пианино, другие подпевали любимые песенки. Правда, играли плохо и пели несвязно, но Николай Герасимович любил петь какие-то свои песенки, мы подтягивали ему. Некоторые командиры были остроумными рассказчиками каких-либо историй из своей жизни, вызывавших общее оживление и смех. Николай Герасимович очень любил военно-морскую историю, видимо, он много читал о морских войнах прошлого. Мы разбирали события, разбирали и критиковали действия иностранных флотоводцев. Заводилой этих, по существу, научных дискуссий всегда был Н.Г. Кузнецов. Мы много — до хрипоты — спорили, но все это как-то сближало нас, и все мы становились друзьями.

Но особенно ярко Н.Г. Кузнецов проявил себя в Константинополе, куда в мае 1927 года с визитом пришли крейсер «Червона Украина» с тремя миноносцами для сопровождения в Афганистан Амамула-хана В один из вечеров старший помощник командира М.М. Оленин с группой командиров были приглашены турецкими офицерами на дружеский вечер. За старпома остался старший вахтенный начальник Н.Г. Кузнецов. И представьте наше удивление, когда, возвращаясь ночью на корабль, мы увидели крейсер стоящим на рейде совершенно без огней, на палубе, видимо, были разнесены пожарные шланги, ибо с бортов лились струи воды, из трубы вылетали крупные искры, и видно было, как по палубе метались темные фигуры моряков. На катере воцарилась гробовая тишина. Старпом Оленин мрачно произнес: «Неужели командир затеял ночью пожарную тревогу, да еще в Турции…» Не верилось, но что-то страшное случилось. На крейсере в тот день поздно вечером вспыхнул пожар в кочегарке рядом с <…> Горшков тоже был на берегу, за него остался трюмный механик Н.Л. Лобановский. Н.Г. Кузнецов, услыхав пожарную тревогу, немедленно кинулся в кочегарку и стал принимать решительные меры по ликвидации пожара. Затем вызвал боцманскую команду и сумел быстро накрыть чехлом трубы, чтобы прекратить доступ воздуха к месту пожара. Перегородки соседнего артпогреба сильно нагрелись, угрожая взрыву боезапаса. Н.Г. Кузнецов не растерялся и приказал немедленно включить орошение. Температура переборки стала падать, и вскоре пожар вообще прекратился. Н.Г. Кузнецов приказал форсировать введение второго котла, и через короткое время свет вновь оживил корабль. Убрали шланги и приступили к приведению труб в порядок. Они от пожара, конечно, потеряли свой обычный блеск, покрылись обгорелой

краской. Утром все сияло чистотой, а турки так и не узнали о нашем пожаре, приписав почти часовое затемнение обычной учебной тревоге. Это происшествие подняло авторитет Н.Г. Кузнецова в глазах всего личного состава главным образом за быстроту, смелость и решительность всех правильных действий.

Осенью 1929 года мы участвовали в большом учении флота в районе Одессы. На корабле присутствовали народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов и еще ряд высокопоставленных военных деятелей. По ходу учения нужно было быстро спустить баркас, посадить в него десант и высадить у Дофиновского лимана. Командир поручил это осуществить Н.Г. Кузнецову. На мостике находился К.Е. Ворошилов с сопровождающими его начальниками, которые внимательно следили за всеми действиями Николая Герасимовича. Погода была не бурная, но с моря шла волна, крейсер без хода качало, и спустить баркас, посадить в него несколько десятков моряков с оружием было далеко не просто. Но Н.Г. Кузнецов с этой операцией блестяще справился. Когда он вернулся с берега, его вызвал на мостик К.Е. Ворошилов, и мы все видели и слышали, как он, пожав Н.Г. Кузнецову руку, сказал: «Товарищ Кузнецов! Вы уже стали опытным моряком, операцию провели успешно. Благодарю вас и передайте благодарность краснофлотцам!»

После учения все начальство съехало с корабля, и мы вошли в одесский порт. За день до ухода домой в Севастополь была получена телеграмма из Москвы о том, что Н.Г. Кузнецов принят в Военно-морскую академию и ему разрешалось срочно выехать в Ленинград прямо из Одессы. Вечером все командиры собрались за чаем в кают-компании, организовав таким образом нечто вроде прощального ужина.

Николаю Герасимовичу сказано было много теплых слов, пожеланий, вспоминали разные интересные комические и трагические случаи из нашей совместной службы на крейсере. Поздно вечером, провожаемый всеми командирами крейсера и краснофлотцами роты, которой командовал Н.Г. Кузнецов, он, очень растроганный, покинул корабль. Все мы ясно видели, какое искреннее расположение и любовь снискал к себе Николай Герасимович.

Я задумался над тем, чем он этого достиг, что особенного сделал? После отъезда Н.Г. Кузнецова мы часто по вечерам вспоминали его и по-разному судили. Создалось общее мнение, что Николай Герасимович был очень прост с людьми, бесхитростен, правдив. Он всегда был готов в большом и малом помочь и помогал товарищам во всем. Н.Г. Кузнецов не умел и не пытался хоть как-нибудь подхалимничать перед начальством или

заискивать перед подчиненными. Он мог быть и груб в разговоре с товарищами, но я ясно видел и чувствовал, что это была какая-то искренняя, теплая грубость, и обижаться на нее никто не мог. Больше того, он не боялся и возражать начальству, если чувствовал себя правым. Как-то на одном из учений присутствовал командующий флотом Орлов. Крейсер должен был развить полный ход. Корабль дрожал всем своим корпусом, стрелка указателя скорости ползла вверх и остановилась на цифре 30. Орлов обратился к командиру дивизиона: «Товарищ Шельтинга, это что — предел скорости?» Не подумав или забыв, он сразу ответил: «Так точно». Рядом на мостике стоял вахтенный начальник Н.Г. Кузнецов. Орлов задумался и обратился к нему: «Товарищ Кузнецов, а вы, помнится, на партсобрании говорили, что дали 31 узел, ведь один узел в бою может сыграть решающую роль, комдив забыл или я не понял его?» Николай Герасимович, не смутившись, своим четким волевым голосом ответил Орлову: «Так точно, командир дивизиона, видимо, ошибся, крейсер может 31 узел». Орлов снисходительно посмотрел на Шельтингу, ничего не сказав. Через несколько минут стрелка прибора полезла на 31-й узел. Н.Г. Кузнецов не побоялся испортить отношения с комдивом и доложил правдиво. И подобных случаев я мог бы вспомнить множество. Эта прямота высказывания своих мыслей была основной чертой его характера и, к сожалению, в дальнейшей его службе только портила отношения с начальством, которое не хотело вникнуть в существо дела.

Через год после Н.Г. Кузнецова я тоже поступил в академию, и мы опять встретились с Николаем Герасимовичем. Он пользовался у преподавателей и слушателей большим уважением, его смелые высказывания по различным теоретическим вопросам военно-морского дела вызывали интерес, несмотря на то, что он был только слушателем академии.

Французский язык Н.Г. Кузнецов, В.А. Алафузов и я изучали вместе у француза месье Гобара. Он очень был доволен успехами Николая Герасимович, поругивая меня и Алафузова за нашу якобы леность.

После окончания академии мы снова были направлены на Черное море. Н.Г. Кузнецов по его личной просьбе был назначен старшим помощником командира крейсера «Красный Кавказ». Конечно, он мог бы проситься и на другую должность, но Николай Герасимович хотел пройти всю корабельную службу строго последовательно. Служил он очень хорошо и инициативно, командир крейсера Заяц ему во все доверял, предоставив полную самостоятельность.

Комфлот И. Кожанов, плавая на крейсере, внимательно

наблюдал за новым старпомом и, помню, не раз ставил его в пример на различных собраниях и учебных сборах.

Через несколько кампаний, осенью 1933 года, Н.Г. Кузнецов был назначен командиром крейсера «Червона Украина», а я в то время командовал 2-й бригадой подводных лодок, и мы на всех учениях флота часто встречались с Николаем Герасимовичем. Командующий флотом И. Кожанов на разборе всех больших учений всегда отмечал действия крейсера «Червона Украина» и его командира как правильные и решительные.

В 1936 году совершенно неожиданно для нас мы надолго расстались с Николаем Герасимовичем. Его вызвали в Москву, и он уехал в Испанию, будучи назначен военно-морским атташе. По рассказам моих друзей, как моряков так и армейских командиров, в своем поведении Николай Герасимович оставался во всем себе верен, и у испанских офицеров, и у их морского министра быстро завоевал авторитет и глубокое к себе уважение своим спокойным, смелым тоном в суждениях и дружеским ко всем отношением, без всякого намека на превосходство. Он скоро стал всеобщим любимцем как советских, так и испанских офицеров.

Мой друг детства Н.А. Питерский рассказывал: «Бывало какой-либо испанский командир корабля заупрямится в выполнении моих рекомендаций, я тогда говорю ему: «Хорошо, не делайте, я только доложу Николасу». Испанец брал меня за рукав и экспансивно говорил: «Не надо, не надо, я подумаю». В результате делал так, как было нужно». И подобных случаев, рассказанных мне адмиралами, бывшими в Испании, было много.

После Испании Николай Герасимович был назначен сперва заместителем, а затем командующим Тихоокеанским флотом. Как я полагаю, с этого быстрого продвижения по службе и начались все личные неприятности у Николая Герасимовича. Не будучи ни в чем лично виновен, он, естественно, с большой тягостью переживал все несправедливости по службе. Внешне ничем это не выдавалось. Как всегда Николай Герасимович был ровен, строг и справедлив к людям, не заискивал ни перед кем, оставался прямым в суждениях.

На ТОФе он пробыл недолго, в 1939 году Николая Герасимовича назначили народным комиссаром ВМФ. Было тогда ему всего 35 лет. Количество недругов, завистников стало увеличиваться, но Николай Герасимович их просто не замечал.

На флотах назначение Н.Г. Кузнецова было воспринято очень положительно. Офицеры прямо говорили, что наконец-то нашли флотского человека для руководства флотом, а то ведь обидно было видеть, как флотом пытались долгое время руководить

совершенно случайные люди, абсолютно не знавшие флота, ни его жизни, ни людей, не окончившие ни академии, ни военно-морских училищ. В этом смысле Н.Г. Кузнецов, конечно, всех на флоте удовлетворял как окончивший военно-морское училище, академию и командовавший кораблем и флотом.

Морякам по душе пришлись первые же распоряжения молодого наркома ВМФ. Не знаю, с чьего согласия, но в конце 30-х годов на кораблях, по существу, были ликвидированы офицерские кают-компании. Они остались только как столовые, а в остальное время в них проводились партийные и комсомольские собрания и совещания. Короче говоря, кают-компания была занята весь день и офицерам собраться было просто негде. Наверно, Николай Герасимович, узнав об этом, вспомнил, какая была у нас на крейсере «Червона Украина» кают-компания, какую большую роль она играла в воспитании и образовании офицерского состава. Приказом наркома ВМФ предписывалось восстановить кают-компании, организовать в них чтение лекций на военно-политические темы и сделать ее местом воспитания офицерского состава.

Далеко не всем политработникам понравилось это совершенно правильное решение наркома, началась скрытая критика Николая Герасимовича. Знаю, что в Москве пытались воздействовать на Н.Г. Кузнецова, чтобы он отменил это решение, но он остался непреклонен в своем решении, объясняя всю историю кают-компании и ее роль в создании крепкого коллектива офицерского состава, что в боевой обстановке имело большое значение.

Хорошо помню еще одно принципиальное решение Н.Г. Кузнецова. В пространной телеграмме, разосланной по флотам, Николай Герасимович писал о том, что глубокой осенью, когда кончалась летняя кампания, все корабли ставились в заводы на ремонт или ремонтировались своими силами. Начальствующий состав уезжал в отпуска или на различные курсы усовершенствования. Короче говоря, флот оставался небоеспособным. Помню, нарком ВМФ спрашивал в телеграмме: почему все решили, что войны осенью и зимой не будет? Это совершенно нелогично. И далее нарком ВМФ установил процент кораблей, которые могут быть в ремонте, остальные должны плавать, стрелять из орудий и торпедных аппаратов. Это было для флотов большой новостью, и прогрессивная часть офицерского состава, истые моряки, восприняли ее, я бы сказал, тоже с энтузиазмом. Я командовал тогда Тихоокеанским флотом и помню, с каким интересом мы вышли с тремя эсминцами на артиллерийскую стрельбу при очень сильном морозе, но

артиллеристы справились с поставленной задачей. Корабль весь обледенел и выглядел как-то фантастически. Придя на базу, мы сфотографировали обледенелые корабли и послали фото Н.Г. Кузнецову. По телефону Николай Герасимович мне объявил: «Послушайте, Пантелеев, чем вы хвастаете? Тем, что ваши корабли могут воевать в мороз? Вряд ли наши враги спросят нас, когда им наступать…». Несмотря на холодность тона, я учуял, что нарком доволен, а это мне было важно.

Во время моей службы в Главном морском штабе (ГМШ) я был свидетелем одного события, касавшегося не только меня, но и Н.Г. Кузнецова. В начале мая 1943 года фашисты потопили на Волге несколько барж с жидким топливом. Тысячи тонн нефти горели и текли по Волге. Сталин был этим очень возмущен, собрал Политбюро, очень резко разговаривал с Н.Г. Кузнецовым, приказал немедленно снять командующего Волжской военной флотилией и в тот же день на вечернем, точнее ночном, заседании представить на утверждение нового кандидата. Никаких подробностей об этом заседании я не знал, а Николай Герасимович ни о чем меня не предупредил. Хорошо помню, что ночью в первых числах мая, когда вся семья уже спала, зазвонил телефон и мужской грубый голос сообщил, что через 20 минут за мной заедет майор (фамилии не помню). Я, конечно, кинулся искать по телефону наркома ВМФ, но его нигде не было. Действительно, через 20 минут за мной приехал какой-то майор, и на большой темной машине мы помчались в Кремль. Из самолюбия я ничего не спрашивал, настроение было, конечно, плохое, да еще темная военная Москва наводила тоску. Не успел я опомниться, как очутился в светлой комнате, где сидело много военных в форме НКВД. Меня попросили обождать. В перерыве вышли все члены Политбюро, и с ними шел Николай Герасимович. Он разговаривал с А.И. Микояном, меня, видимо, не заметил, но я хорошо знал наркома, видел, что он чем-то возбужден, покраснел и говорил с несвойственной ему экспрессией. Очень скоро все члены Политбюро вновь прошли в кабинет И.В. Сталина, и через пару минут туда пригласили меня. Почти у входных дверей мне предложили сесть. Я оглядел комнату и узнал всех членов Политбюро, сидевших за большим столом. У большой кафельной печки, прислонясь к ней спиной и опершись руками на спинку стула, в очень возбужденном, как мне показалось, состоянии во весь рост величественно стоял наш нарком ВМФ. Я смотрел на него и ожидал, что он объяснит мне причину моего здесь присутствия, но Николай Герасимович на меня даже не взглянул. А мне посыпалось много самых различных вопросов о моей службе на флоте и бывал ли я на Волге. Я

ответил, что Волги я в глаза не видел и никогда по ней не плавал. После этих моих слов взоры всех членов Политбюро обратились к стоявшему наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Помню, кто-то спросил: «Кузнецов, как же так?» Тут Николай Герасимович как-то еще больше выпрямился, на шаг отошел от печки, строго обвел всех глазами и громко, но спокойным тоном заявил: «Я уже докладывал товарищу Сталину, что «рекаков» у меня нет, а любой опытный моряк-адмирал, уже воевавший, безусловно, справится с флотилией, и я предлагаю утвердить командующим Волжской военной флотилией контр-адмирала Пантелеева». Наступила гнетущая для меня пауза Николай Герасимович вновь прислонился к печке и ни на кого не смотрел. Мне предложили выйти в приемную. Что еще говорил Николай Герасимович, я не знаю, но вышел он из кабинета в бодром настроении, краска с лица сошла, он приветливо улыбнулся мне и коротко сказал одно слово: «Поехали». И только в машине, обернувшись ко мне, он уже спокойным тоном произнес: «Ну, Пантелеев, поздравляю, вас утвердили в должности командующего Волжской флотилией, не подведите…»

Конечно, Николай Герасимович не рассказал мне, сколько горьких слов упрека выслушали он и нарком речного флота З. А. Шашков от Сталина за потерянную нефть на Волге и за недостаточную помощь военных моряков речникам.

8 мая рано утром нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, нарком речного флота З.А. Шашков и я вылетели в Сталинград. Наркомы всю дорогу о чем-то оживленно беседовали, я же молча сидел сзади. Полет был тяжелый, но прилетели мы благополучно, и я рад был, что Николай Герасимович вновь обрел свой тон речи, величавость внешнего вида и знакомое мне спокойствие.

За продвижением нефтяных барж, следовавших по Волге из Астрахани в Саратов на нефтеперегонный завод, следило много начальства, ежедневно звонили Микоян, Кузнецов и из Генерального штаба. Горючее требовалось армии, авиации и флоту, без него нельзя было начать большое наступление. Николай Герасимович пробыл на Волге несколько дней, принял решительные меры по техническому и боевому усилению флотилии всем необходимым имуществом. Для помощи мне он вызвал из Москвы начальников управления ВМФ: минно-торпедного, технического, связи и противовоздушной обороны. Все они прилетели с необходимой нам материальной частью.

Волжская военная флотилия широко развернула свою деятельность, баржи с нефтью перестали подрываться на немецких минах. Был все же один интересный случай, характеризовавший выдержку нашего наркома.

Прошла неделя, Николай Герасимович собирался улетать в Москву, и вдруг как-то утром, еще до моего доклада наркому, начальник штаба флотилии В. Григорьев докладывает, что только что взорвалась на мине канлодка «Красный Аджаристан» — старый колесный пароход. Он разлетелся на часта, и его детали мы находили на деревьях в лесу, вдали от реки, вся команда погибла, не нашли даже трупов — сила взрыва 500-килограммовой немецкой мины, да еще на мелком месте, была колоссальной. Конечно, расстроенный, я пошел на доклад наркому — это была первая катастрофа. Николай Герасимович выслушал меня внимательно, спросил, было ли место гибели ранее протралено, а затем, обратив внимание на мой расстроенный вид, проговорил: «Слушайте, Пантелеев, неужели вы думаете, что от того, что вы вступили в командование флотилией, корабли не будут взрываться и фашисты не будут ставить мины? Это было бы более чем наивно, возьмите себя в руки, не к лицу командующему так скисать… давайте лучше завтракать». Чувствуя, что у меня в горле появился какой-то комочек, так как я ожидал превеликого «разноса», хотя виновным себя в этой драме считать не мог. Выяснилось, что тральщики 10 раз тралили злополучное место, но мина не взорвалась. Оказалось, что она была какой-то большей кратности действия. Это все мы учли, тралили фашистские мины до 15 раз, мины подрывались иногда и на пятнадцатом проходе тральщика. В результате принятых мер по тралению мин за все лето ни одна баржа с нефтью не подорвалась. В этом была большая заслуга и Николая Герасимовича, ибо он даже из Москвы ежедневно по ВЧ интересовался всеми делами флотилии и немедленно оказывал реальную помощь во всех наших нуждах.

Однажды нарком ВМФ спросил меня, сколько орденов и медалей я израсходовал, награждая офицеров и матросов за подрывы фашистских мин? Я ответил, ожидая упрека за большое число врученных наград. После паузы Николай Герасимович говорит мне: «Вы, наверно, считаете, что Правительство дало вам разрешение награждать от имени Верховного Совета СССР орденами как памятными значками?» — и с сарказмом продолжал: «Если вы бережете ордена себе и своему штабу на конец кампании, то неостроумно — орденов хватит. Если законно израсходуете, то пришлем еще». Признаться, по неопытности я был вначале скуп на награждение орденами. Николай Герасимович нас поправил, и мы в итоге никого не обидели.

Два раза в течение лета прилетал Н.Г. Кузнецов на Волгу проверять на месте, как выполняются его указания и как вообще идут дела по очистке реки от мин. Чувствовалось по всему тону

разговора, что нарком ВМФ был доволен флотилией. Осенью, когда из-за льда плавание прекратилось, многие из руководства и личного состава флотилии были заслуженно награждены боевыми орденами и отмечены присвоением очередных воинских званий.

Время летит быстро, и через год — в августе 1944-го — будучи вице-адмиралом, я был назначен командующим Беломорской военной флотилией (БВФ). Организационно БВФ подчинялась командующему Северным флотом. В связи с тем, что фашисты прервали железнодорожную и телефонную связь Москвы с Полярным, все распоряжения из Москвы шли по ВЧ через Архангельск. Мне часто приходилось выслушивать от наркома ВМФ разные «фитили» в адрес командования флотом, хотя никакой моей вины в недовольстве Н.Г. Кузнецова не было. Я должен был передавать эти указания в Полярный командующему флотом.

На Севере у меня произошло одно важное событие, характеризующее порядочность Николая Герасимовича. Осенью 1944 года мне было поручено провести одну важную операцию — вывести из Карского моря в Архангельск два ледокола, одним из которых был «Иосиф Сталин». Потерять его в эпоху культа личности было равносильно потере головы флагмана. В Москве я лично доложил наркому ВМФ весь план операции и добавил, что немецкие подводные лодки, вероятно, будут нас ждать на выходе из Карских ворот в Баренцево море и при входе в Белое море. Для соблюдения полной скрытности и согласно боевому уставу я просил разрешения сохранять полное радиомолчание. Нарком разрешил и даже добавил: «Конечно, конечно», — но мне тогда же показалось, что думал он в тот момент о другом. Операция проводилась в октябре 1944 года, в составе отряда было 24 разных корабля. Погода стояла по-осеннему штормовая и холодная, дни короткие, обстановка в море неуютная и мрачная. Наша радиоразведка доносила с берега, что в море обнаружено несколько подводных лодок противника, но места их были неизвестны. Ледоколы мы встретили точно по расчетному времени, а дальше, допуская, что противник мог предполагать наш маршрут движения, я изменил курс на много градусов к северу, желая уклониться от мысов, где могли быть подводные лодки. На море разыгрался шторм, и мы, конечно, вышли на видимость наших постов значительно позже расчетного времени. Корабли охранения неоднократно обнаруживали шумы подводных лодок и бомбили их. Каково же было мое удивление, когда я получил две телеграммы от командующего Северным флотом с приказанием показать свое место. Я запретил радистам

давать квитанции о получении радиограмм и, конечно, на них не ответил. Вдруг я получаю радиограмму от наркома ВМФ, короткую, но строгую: «Приказываю показать свое место». Несколько минут я переживал, ведь приказание идет от наркома ВМФ! Разные мысли лезли в голову, а что, если это провокация фашистов. Полностью исключить такую возможность было нельзя, да и Кузнецова я хорошо знал как человека, не менявшего своего слова. И на радиограмму я не ответил.

В Молотовск (сейчас Северодвинск) мы пришли с опозданием почти на сутки. Как только отшвартовался мой корабль, меня немедленно вызвали по ВЧ, так как нарком ВМФ звонил несколько раз, интересуясь судьбою ледоколов. Звоню наркому, докладываю о выполнении операции. В ответ суровый, строгий голос: «Почему вы не ответили на две радиограммы комфлота и мою?» У меня пересохло в горле, я медлил с ответом. Слышу в трубке голос: «Почему молчите? Вы меня поняли?» Набрав в легкие больше воздуха и стараясь быть полностью спокойным, четко отвечаю: «Товарищ нарком! Вы мне лично в Москве приказали сохранять полное радиомолчание, и я не рискнул нарушить ваше приказание». Молчание… я хорошо слышу, как нарком дышит, но молчит. Наконец я услышал знакомый, но уже мягкий голос Николая Герасимовича: «Правильно сделали, у меня все», и телефонная трубка щелкнула. А что бы я делал, если бы нарком ответил, что не помнит такого приказания, ведь никакого документа у меня в мое оправдание не было и мое командование флотилией на этом и закончилось бы. Н.Г. Кузнецов не мог так поступить, я в это верил и не ошибся. Это был глубоко порядочный человек, рыцарь своего слова. Вот тогда глаза мои увлажнились. Ответ наркома ВМФ для меня был высшей наградой, и я на всю жизнь запомнил этот случай как пример того, как надо уметь держать свое слово. И этот случай не единственный.

Когда осенью первого года войны фашисты подошли к окрестностям Ленинграда и над городом нависла явная угроза, Сталин приказал подготовить весь флот и все боевые объекты на берегу к полному уничтожению: «Ничего не должно достаться фашистам». Хотя Сталин и подписал эту страшную директиву, но к нам на флот ее не послал, ограничившись лишь устным приказанием наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Мы тогда составили план уничтожения флота и всех береговых батарей. Это была мучительная работа для всего штаба флота. Когда положение на фронте стабилизировалось, новый командующий фронтом Г.К. Жуков написал Сталину, что на флоте все руководство в панике, собирается уничтожить весь флот и все батареи. В правительстве

и в ЦК были возмущены этим обстоятельством. Н.Г. Кузнецову приказали снять В.Ф. Трибуца, всех членов военного совета и меня как начальника штаба флота. Конечно, над нашими головами навис меч. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов доложил Сталину, что на Балтике никакой паники нет: «Комфлот Трибуц точно выполнил ваше приказание, которое вы лично отдали мне». Сталин вспомнил и приказал никаких репрессий к командованию Балтийского флота и прежде всего к Трибуцу не применять. Если бы Николай Герасимович промолчал, а документа, подписанного Сталиным, ни у наркома ВМФ, ни у нас в штабе не было, то всем нам было бы несдобровать в тот горячий 41-й год. Николай Герасимович выручил всех и в первую очередь В.Ф. Трибуца — человека, который в дальнейшем отплатил ему черной неблагодарностью. Подобных примеров заступничества Н.Г. Кузнецова за тех, кто, по его мнению, не был виновен, я мог бы привести много. Таков был характер этого человека. Защитить же самого себя от заведомо несправедливых нареканий Николай Герасимович не умел.

Не могу не вспомнить один тяжелый случай. Во время войны на юге представителем Ставки Верховного Главнокомандующего был Мехлис. По своему опыту это был политработник, человек невоенный и по моральным своим качествам весьма ограниченный, самонадеянный и очень неприятный. После встречи с ним в Главном штабе у наркома я стал просто физически бояться этого человека. И вот когда в 1942 году на Керченском полуострове сложилась для нас очень тяжелая обстановка и фронт отошел на восток к проливу, то вместе с ним вынуждены были перебазироваться на таманский берег и все части Керченского ВМФ во главе с ее командиром контр-адмиралом А.С. Фроловым. В эти дни Мехлис ничего лучшего не нашел, как писать И.В. Сталину истеричные телеграммы на всех генералов и адмиралов, обвиняя их в нашем поражении. Такую телеграмму он дал и наркому ВМФ, требуя отдачи Фролова под суд, добавив при этом, что если нарком Кузнецов этого не сделает, то он, Мехлис, своим приказом и своими руками расстреляет Фролова. Разговор происходил по телефону «ВЧ». На это Николай Герасимович резко и громко ответил: «Послушайте, Мехлис! Этого вы не посмеете сделать и права на это не имеете». С шумом бросив трубку на рычаг телефона и весь покраснев, Н.Г. Кузнецов произнес, ни к кому конкретно не обращаясь: «Вот же прохвост какой». А в кабинете в это время сидели на докладе заместитель наркома ВМФ Л.М. Галлер и я, как врио начальника Главморштаба (начальник ГМШ. был в госпитале). Мы переглянулись с Галлером и промолчали, чувствуя, что нарком на

эту тему говорить не хочет. Должен добавить, что Сталин скоро убрал Мехлиса с фронта, но злобу на Кузнецова последний, конечно, затаил.

Да что Мехлис! К сожалению, у Николая Герасимовича постепенно накопилось много так называемых «друзей», больших и малых, которые из зависти искали случая подложить ему мину. Обидно было нам, друзьям, видеть, что Николай Герасимович, зная подлый характер многих сослуживцев, совершенно не мстил им, не обращал внимания на их каверзные проделки. Однажды узнаю, что Н.Г. Кузнецов собирается назначить на большую должность адмирала, который делал ему только пакости по службе. Будучи на даче у Николая Герасимовича с членом военного совета ТОФ генерал-лейтенантом Зайцевым, я решился и все рассказал ему об этом человеке, упрекая его в том, что он сам себя окружает непорядочными людьми. И что же? Николай Герасимович, выслушав, посмеялся над нами, пошутил добродушно, и на этом дело и закончилось. В этом сказался его сильный характер — он, не чувствуя за собой никакой вины, не хотел верить в возможность людской пакости.

В начале 1946 года Главный морской штаб проверяла только что созданная военная инспекция под руководством маршала Говорова. Моряков в инспекции не было, а армейские генералы, судя по содержанию вопросов, были некомпетентными в делах ВМФ. Большинство вопросов касалось уточнения деятельности Николая Герасимовича. Это нас возмущало, но инспекция проводилась по указанию ЦК партии, и мы были бессильны. Акт инспекции был утвержден Говоровым, не пожелавшим никого выслушать. Акт я прочел внимательно. Много было написано в нем совершенно несправедливого, просто неверного как в адрес Николая Герасимовича, так и в адрес других адмиралов, близких к нему. Беспринципность Говорова меня поразила.

По результатам инспекции Н.Г. Кузнецов был понижен в должности и назначен начальником военно-морских учебных заведений ВМФ. Это было только начало.

Почти через год — в 1947-м — по письму Сталину одного непорядочного офицера-изобретателя было назначено расследование о случаях якобы передачи Наркоматом ВМФ союзным державам чертежей нашего секретного торпедного оружия и секретных карт подходов к нашим портам. Мне и бывшему начальнику гидрографии ВМФ Я.Я. Лапушкину было поручено проведение экспертизы. Ничего не подозревая, мы составили акт о том, что никакого секретного оружия иностранцам не передавалось, так как подобная торпеда у союзников уже была, а наши карты представляют собой

перепечатку со старых английских карт, переведенных на русский язык. Когда адмирал А.Г. Головко вернулся из Кремля с доклада, он заявил нам: «Ваше счастье, что я не показал Сталину ваш акт и не назвал фамилий, а то бы вы все вылетели с флота». Сталин якобы сказал Головко: «Ваши эксперты ничего не понимают», — и приказал провести суд чести с привлечением Н.Г. Кузнецова и ряда других адмиралов.

Председательствовал на суде опять Говоров. Я отлично помню, как не только я, а все мы — друзья Николая Герасимовича в ГМШ — считали весь этот «суд» какой-то гнусной комедией, так как ни один из привлеченных к нему адмиралов ни в чем не был виновен. Ни одно «свидетельское» показание не говорило об их виновности. Создавалось неловкое положение. Надо судить, а вина привлеченных людей никак не доказывалась. В перерывах мы между собой просто издевались над судом и всем ходом процесса. Николай Герасимович держал себя с большим достоинством, ничего не просил и четко отвечал на невразумительные вопросы судей. Мы переживали за Николая Герасимовича и в то же время гордились его выдержкой и твердостью характера.

Сталин решил, что суд чести не достиг своей цели, и дело было передано в военный трибунал, где суд протекал при закрытых дверях, так что его подробности мне неизвестны. Три адмирала были заключены в тюрьму, а Николай Герасимович был понижен в звании до контр-адмирала и получил назначение в Хабаровск заместителем главнокомандующего войск Дальнего Востока по морской части к Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому.

Вскоре я тоже получил новое назначение в Ленинград.

Позднее, когда я был командующим Тихоокеанским флотом и близко познакомился с маршалом Р.Я. Малиновским, я много раз слышал от него очень хорошие отзывы о Н.Г. Кузнецове. Маршал считал его отличным моряком, очень образованным и прекрасным волевым адмиралом. Высокого мнения о Н.Г. Кузнецове были многие генералы, служившие на Дальнем Востоке, все они не понимали смысла суда и того, в чем же, по существу, была вина Н.Г. Кузнецова.

Находясь в Хабаровске, Николай Герасимович часто писал мне в академию письма с просьбой о высылке ему различной морской научной литературы, что я с большим удовольствием и делал.

Через два года с небольшим Николай Герасимович был назначен командующим Тихоокеанским флотом и в 1950 году дослужился до звания вице-адмирала. Флотом пришлось

командовать недолго. Но за это время Н.Г. Кузнецов осуществил много дельных мероприятий для поднятия боеспособности флота, завоевав большой авторитет и любовь не только моряков, но и армейских генералов, взаимодействовавших с флотом. Словом, Тихоокеанский флот при Н.Г. Кузнецове жил с армией очень дружно. В 1951 году Н.Г. Кузнецов был назначен военно-морским министром СССР и восстановлен в звании адмирала флота. Флот воспринял это с энтузиазмом. Сам Николай Герасимович писал в своих мемуарах: «Быстрый подъем опасен не только для водолазов… он таит в себе много опасностей». Я видел Николая Герасимовича в первые дни его новой деятельности. Он мне показался все тем же Кузнецовым, никаких следов от незаслуженно нанесенных ему обид, а по существу издевательств, никакого зазнайства, приписывавшегося ему Говоровым, я не заметил. Передо мной стоял все тот же стройный, еще не седой, с легкой улыбкой Н.Г. Кузнецов. Надо было быть человеком несгибаемой воли, чтобы так стоически все перенести, но, конечно, это не могло не отразиться на его здоровье.

Однако мрачные тучи вновь сгустились над головой Н.Г. Кузнецова. Совершенно неожиданно в октябре 1955 года в Севастополе взорвался линкор «Новороссийск», полученный из Италии в качестве репараций. Корабль стоял на бочке в Северной бухте, на месте, где ранее стояли десятки судов. И вдруг произошел страшный взрыв, корабль перевернулся и затонул, похоронив в себе сотни молодых жизней. Кто виноват в этой драме? Можно назвать многих: командир корабля, но он был в отпуске, командующий эскадрой и, наконец, командующий флотом. Но менее всего к виноватым относился Н.Г. Кузнецов. Была создана правительственная комиссия под председательством заместителя Председателя Совета Министров СССР Малышева.

Получив во Владивостоке телеграмму об этом ужасном случае, я и другие друзья Николая Герасимовича содрогнулись. Мы говорили тогда: «Это уже все». Так и вышло. Установить причину взрыва линкора комиссия не смогла, как не установила она и его подлинных виновников. Но Малышев решил, что во всем виноват Н.Г. Кузнецов. Николай Герасимович был снижен в звании до вице-адмирала и уволен в отставку.

Сохранив моральные и физические силы, Николай Герасимович начал писать свои мемуары. Написал несколько книг. Без дела Николай Герасимович не сидел. Я встречался с ним и понимал его переживания. Внешне Николай Герасимович оставался все тем же спокойным человеком, хорошим товарищем. Никакой злобы на людей, по существу, его антагонистов, не было

заметно. В своих книгах Николай Герасимович о всех них отзывался хорошо. И если внимательно читать его мемуары, то становится ясным, с каким благородством и самокритичностью писал он о себе, большую долю вины в ряде событий на флоте беря на себя. Причины этому я не знаю. Во многих случаях я был с ним не согласен и писал об этом Николаю Герасимовичу. Но он молчал, видимо, понимая, что я был прав, но он должен был так писать, чтобы книга увидела свет. Ему было виднее.

Тяжел был путь Николая Герасимовича, но он не согнулся, пощады ни у кого не просил. Таким человеком несгибаемой воли он и ушел раньше времени от нас. Память на флоте о нем не умрет.

Е. А. ЧЕРНОЩЁК [95]
В ТЕ ДАВНИЕ ГОДЫ

Я хорошо знал Николая Герасимовича, так как много и тесно с ним общался: в 1923—1926 годах учился с ним на одном курсе в Военно-морском училище, до мая месяца 1938 года служил с Николаем Герасимовичем на Тихоокеанском флоте (ТОФ). Являясь начальником отдела боевой подготовки штаба ТОФ, я повседневно руководствовался его указаниями и советами в планировании и обеспечении боевой подготовки флота; дважды в 1941—1942 и 1946—1947 годах я являлся начальником Управления делами при народном комиссаре ВМФ, находился в его непосредственном подчинении и выполнял его личные указания и распоряжения. По долгу своему я сопровождал его во всех поездках на флоты и в другие места.

В училище Николай Герасимович являлся примером высокой дисциплинированности, исполнительности, внешней и деловой подтянутости и культуры. Он был скромным, простым, добрым и отзывчивым товарищем, за что пользовался уважением на курсе. Он дружил со всеми, но особенно дружеские отношения поддерживал с Н.И. Николайчиком и В.Ф. Трибуцем.

В 1926 году мы окончили Военно-морское училище. По успеваемости Николай Герасимович и я оказались в первом десятке, и нам в порядке поощрения было предоставлено право выбрать море и корабль. Он выбрал Черное море и крейсер «Червона Украина», а я Балтийское море и линкор «Октябрьская Революция». В октябре 1926 года мы разъехались по своим морям и на свои корабли.

В 1938 году мы встретились во Владивостоке. В штабе ТОФ пошел слух, что к нам на должность заместителя командующего назначен Кузнецов, но какой Кузнецов? — никто толком не знал, а мне и в голову не пришло, что это может быть Николай Герасимович.

Как-то раздался телефонный звонок. Беру трубку и слышу знакомый голос: «Чернощек Елисей Андреевич?» — «Да», — отвечаю я. «Елисей, что же ты не желаешь встретиться с товарищем?» — «Коля, это ты?» — вопрошаю я. «Да! Это я, Коля-треска». (Николай Герасимович любил треску, которой кормили нас в училище, поэтому ему дали прозвище «Коля-треска». Мы все имели соответствующие прозвища.) «Где ты находишься, откуда говоришь?» — «Нахожусь в кабинете зам. командующего». Через минуту мы встретились, коротко обменялись стандартными

расспросами. Договорились вечером встретиться у него дома. Мы много говорили о личной жизни, о служебной деятельности за истекшие 11 лет, о состоянии флота, о штабном коллективе, Николай Герасимович поинтересовался, кто из наших училищных товарищей служит на ТОФе и в каких должностях. Он был доволен, узнав, что на ТОФе служит 10 таких человек и все занимают ответственные должности. Не сговариваясь, мы построили наши взаимоотношения с Николаем Герасимовичем, соблюдая требования устава и субординации. Он, заметив это, сказал мне: «Передай нашим товарищам, что во время службы мы должны соблюдать уставные взаимоотношения, а вне службы оставаться добрыми товарищами; старые товарищеские отношения следует ценить и сохранять».

В подтверждение изложенного приведу ряд примеров, участником или свидетелем которых я являлся.

Во Владивостоке в мае 1938 года у меня распалась семья. Я тяжело переживал эту трагедию. Николай Герасимович и член военного совета Яков Васильевич Волков пытались исправить случившееся, но ничего не получилось. Мне Николай Герасимович сказал: «Елисей, мы с Яковом Васильевичем говорили с твоей женой, но безрезультатно; гнилую веревку не свяжешь. Я вижу, как тебе тяжело, тебе надо изменить обстановку. На днях мне звонил В.К. Блюхер и просил меня выделить ему хорошего, опытного командира с академическим образованием для сформирования при оперативном отделе штаба ОКДВА морского оперативного отделения и руководства им. Это необходимо для эффективного взаимодействия ОКДВА с ТОФ. Тебе нечего объяснять важность и необходимость этого мероприятия. Мы с Яковом Васильевичем посоветовались и решили, что ты больше всего подходишь для этого дела. Мы рекомендуем тебе отправиться в Хабаровск. Здесь тебе трудно, а в новой обстановке тебе будет легче, ты там быстрее приведешь себя в порядок. Мне не хочется отпускать тебя и менять руководство отдела, но я действую в твоих интересах. Согласен поехать в Хабаровск?» Я согласился.

Через неделю я был уже в Хабаровске в штабе ОКВДА. Здесь меня встретили приветливо, особенно начальник штаба Г.М. Штерн, дали мне хорошее жилье, материально устроили так, что ни в чем не нуждался. Я с увлечением принялся за работу и постепенно стал привыкать к одиночеству. Но 22 сентября 1938 года меня, как и многих других сотрудников штаба, арестовали, и я оказался в Хабаровской особой тюрьме. Мне, как «врагу народа», предъявили обвинение по нескольким статьям, каждая из которых предусматривала только высшую меру наказания. В

начале 1939 года меня перевезли из Хабаровска во Владивостокскую особую тюрьму. И в Хабаровске и во Владивостоке я подвергался тяжелым и оскорбительным допросам, до предела терпимого унижавшим человеческое достоинство. На допросы нас возили в «черном вороне», причем всегда после 12 часов ночи, чтобы оказывать психическое воздействие.

В конце 1939 года мне предложили подписать обвинительное заключение, которое необходимо для предания суду, но я, наученный опытными «врагами народа», от подписи обвинительного заключения, а заодно и от всех своих «чистосердечных» признаний, данных на допросах, категорически отказался. Мне угрожали, уговаривали, убеждая, что за чистосердечное признание суд сделает снисхождение и снизит меру наказания. Но я решительно отверг и угрозы и уговоры. Не знаю, откуда у меня взялись силы на это. В тюрьме ходило выражение «Лучше умереть стоя, чем вымаливать снисхождения на коленях», и я это мнение разделял. Меня надолго оставили в покое.

Я сидел и, не знаю, в который уже раз, до мелочей вспоминал свою прожитую жизнь. Было очень трудно и до душевной боли обидно. За какую вину мне и всем моим товарищам по тюрьме судьба послала такое тяжелое испытание, что происходит и кому это нужно?! Я старался не потерять веры в справедливость, в благополучный исход, не потерять веры в себя, в свои силы, так как видел, до какого тяжелого состояния апатии, депрессии дошли некоторые мои товарищи по камере, потерявшие веру в эти жизненные категории.

Но неожиданно, в начале марта 1940 года, меня под конвоем двух матросов пешим ходом (на допросы нас всегда возили в «черном вороне») доставили в прокуратуру к прокурору по особо важным делам. Прокурор вежливо предложил мне сесть. «Вы Елисей Андреевич Чернощек?» — спросил он, глядя на меня с приветливой улыбкой. «Да, я Елисей Андреевич Чернощек», — ответил я, пораженный столь вежливым обращением, от которого давно уже отвык. «Вот что, Елисей Андреевич, политические статьи, которые вам инкриминируют, заменены на уголовные; судить вас будут не по политическим статьям, а по уголовным, а это уже совсем иное дело. Но возможно, вас даже не будут судить, возможно даже, что вы встретитесь в скором времени с Николаем Герасимовичем Кузнецовым». Когда прокурор все это говорил, я приходил в какое-то странное, непонятное состояние, мне казалось, что внутри что-то обрывается. За все время пребывания в заключении я впервые не сдержался и заплакал. Придя в себя, я

спросил прокурора: «Николай Герасимович жив, здоров, где он находится?» — «Николай Герасимович жив и здоров. Он находится в Москве и является народным комиссаром ВМФ». Тогда я кое-что стал понимать.

Дело в том, что в Хабаровске во время одного из допросов следователь задал мне вопрос: «А почему именно тебя Кузнецов направил в распоряжение Блюхера?» — «Не знаю», — ответил я. «Ах, ты не знаешь! Ну мы тебе объясним, зачем Кузнецов направил тебя к Блюхеру», — со злобой пригрозил мне следователь. После этого диалога у меня появилась убежденность, что Николай Герасимович разделил участь своих предшественников — командующих ТОФ Викторова и Киреева. Эта убежденность укрепилась после того, как во Владивостокской тюрьме я из «тюремного телеграфа» (перестукивание), которым достаточно хорошо овладел, узнал, что Блюхера уже нет в живых.

Прокурор с сочувствием наблюдал за мной (надо же такому случиться: прокурор оказался моим земляком и знал меня еще на родине, я же его не знал) и наконец сказал: «Ну что же, Елисей Андреевич, отправляйтесь в тюрьму и ждите положительного решения вашей судьбы, которое состоится дня через два-три». Я ушел с надеждой на свободу. В камере я все рассказал своим товарищам. Они очень обрадовались, так как это явилось подтверждением распространяемых «тюремным телеграфом» слухов о положительных изменениях в отношении «врагов народа», таким образом у нас появилась надежда на освобождение.

В полдень 5 мая меня забрали из камеры и привели в кабинет начальника тюрьмы. Начальник тюрьмы задал следующие вопросы: «Вы Чернощек Елисей Андреевич?» — «Да», — ответил я. «Вы кончали академию?» — «Да», — вновь ответил я, удивленный этим странным вопросом. «Вы давно в заключении?» — «Уже 18 месяцев». — «Наверное, соскучились по работе?» — «Да». — «А где хотите работать?» Я ничего не ответил, мне стало не по себе. «Ну ладно, вот прочитайте», — и он протянул мне какой-то документ. Я взял его и прочитал:

«Протокол №32 Подготовительного заседания военного трибунала Тихоокеанского флота от 4 марта 1940 года. Слушали дело № 031 на бывшего начальника 2-го отдела штаба ТОФ Чернощека Е. А. с обвинительным заключением помощника военного прокурора ТОФ военного юриста 1-го ранга Милокума, утвержденного прокурором ТОФ, бригадным юристом Семченко, для предания Чернощека Е. А. суду по ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР. Определили: в действиях Чернощека Е. А. нет состава уголовного преступления, а имеются отдельные упущения по

службе, что надлежит квалифицировать по ст. 193—17, п. «а» УК РСФСР. А поэтому… дело по обвинению Чернощека Е. А. в уголовном порядке прекратить и из-под стражи его немедленно освободить. Ввиду того, что Чернощек Е. А. с 22. IX. 1938 г. находился в предварительном заключении, к административной ответственности его не привлекать».

Начальник тюрьмы, внимательно наблюдавший за мной, спросил: «Ну что, все ясно, вопросов нет?» — «Все ясно, вопросов нет», — ответил я, еще полностью не сознавая происшедшего со мной. «Поздравляю вас с получением свободы», — сказал начальник тюрьмы и вызвал надзирателя, приказав ему, указывая на меня: «Побрить, помыть в бане, хорошо покормить и выставить за ворота тюрьмы». Вскоре я уже был в кабинете Николая Герасимовича. Встреча была очень трогательная. Он ни о чем меня не расспрашивал, а сказал: «Елисей, хорошо, что жив остался, а Николайчик, бедняга, погиб, не успел я. Сейчас о твоем назначении говорить не будем. Поезжай в Ялту, в черноморский дом отдыха, отдохни там. Пусть тебя там хорошо проверят, не захватил ли чего с собой из тюрьмы? Если да, то пусть подлечат. Когда вернешься в Москву, тогда и будем решать вопрос о твоем назначении, а сейчас иди к моему заму по кадрам Игнатьеву, он в курсе дела».

Я уехал в Ялту. Врачи обнаружили у меня в верхней части левого легкого заболевание туберкулезом. Им удалось меня вылечить. Потом один товарищ, с которым я был в «черном вороне», когда везли на допрос (он раньше меня вышел из тюрьмы и раньше встретился с Николаем Герасимовичем, поведал мне, как Николай Герасимович ему сказал: «Жаль, нет в живых Николайчика и Чернощека. Погибли». — «Как нет Чернощека?! Я же с ним недавно ехал на допрос». — «А где он? Ведь его посадили в Хабаровске». — «Нет, он сидит во Владивостоке в особой тюрьме». — «Вот почему я не нашел его в Хабаровске. Ну хорошо!» (Н.Г. Кузнецов, как мне говорили, состоял в комиссии ЦК КПСС, которая занималась на Дальнем Востоке проверкой дел «врагов народа». Николай Герасимович вызвал начальника особого отдела Петрова и сказал ему: «Петров, во Владивостоке в тюрьме сидит Черно -щек Е. А. Чтобы через месяц он стоял вот здесь, где ты стоишь!» Вот так Николай Герасимович помог мне.)

В начале мая 1942 года Николай Герасимович вылетел на Черноморский флот, который с наступлением фашистских войск на Керченском направлении оказался в сложном положении: нужно было на месте изучить обстановку и принять необходимые меры. Мы прибыли в Новороссийск, который почти безнаказанно подвергался бомбардировкам фашистской авиации. Выслушав

доклад командира Новороссийской ВМБ капитана 1-го ранга Г.Н. Холостякова, он сразу же отправился на командный пункт ПВО Новороссийска. Выслушав доклад начальника ПВО и изучив расположение зенитных батарей, Николай Герасимович отметил: «Немцы хорошо изучили дислокацию зенитных батарей и умело обходят опасные зоны зенитного огня. Нужно срочно переместить зенитные батареи на новые позиции, пожалуй, лучше всего вот сюда, — и показал соответствующие места на плане города. — В течение ночи незаметно для немцев переместите батареи, к рассвету, до налета фашистов». Начальник ПВО начал доказывать, что он эту работу к рассвету выполнить не в силах. Тогда Николай Герасимович твердым голосом произнес: «Если к рассвету зенитные батареи не будут перемещены на указанные мою места, вы будете расстреляны». Начальник ПВО побледнел, а я был ошеломлен. «Поехали к Холостякову», — сказал он, и мы ушли с командного пункта ПВО. К рассвету начальник ПВО доложил, что все батареи установлены на указанные ему места.

Около 9 часов появилась большая группа фашистских бомбардировщиков, идущих с моря на Новороссийск. Мы выбежали на шоссе, откуда все было видно очень хорошо. Рядом с Николаем Герасимовичем находились командующий авиацией ВМФ Жаворонков С. Ф., командующий ВВС Черноморского флота Ермаченко В. В., вице-адмирал Ставицкий С.П. и еще несколько человек. Мы с волнением и восторгом наблюдали, как падали фашистские бомбардировщики, сбиваемые зенитной артиллерией с новых мест расположения. Группа бомбардировщиков расстроилась и начала в беспорядке отходить в море. Но тут появились наши истребители, которые стали преследовать отходящие бомбардировщики и сбивать их. Враг потерял 6 или 8 бомбардировщиков. Николай Герасимович обратил внимание на три истребителя, которые умело маневрировали и сбили несколько бомбардировщиков.

«Ермаченко, чьи это истребители?» — спросил Николай Герасимович. Ермаченко назвал эскадрилью. «Поедем в эскадрилью, поблагодарим летчиков-героев». Когда мы приехали в эскадрилью, весь личный состав был выстроен на летном поле, кто-то успел предупредить командира эскадрильи. В это время истребители совершали посадку. «Командир, представьте мне летчиков, сбивших фашистские бомбардировщики, — обратился Николай Герасимович, — и скажите, чем я могу их отметить?» — «Товарищ народный комиссар, — доложил весьма бойкий командир эскадрильи. — Летчики — младшие командиры, они давно мечтают стать лейтенантами». В это время подошли три возбужденных летчика. Увидев живого народного комиссара,

которого до сей поры видели только на фотографии, они были крайне смущены. Николай Герасимович каждого поцеловал и перед строем объявил им благодарность, присвоив им звание лейтенантов и наградив часами. «У меня с собой нет часов?« — обратился он ко мне. «Нет», — ответил я. «По приезде в Москву дай указание Управлению кадров немедленно оформить присвоение званий, награждение часами и выслать часы. Кстати, необходимо отметить начальника ПВО за точное выполнение приказа в тяжелых условиях обстановки». Николай Герасимович всегда достойно отмечал заслуги людей.

Летом 1946 года Николай Герасимович инспектировал Северный флот. Прибыли в одну из военно-морских баз. Командир базы четко и бодро докладывал, что у него все благополучно и нормально. «А как живут семьи командиров?» — спросил Николай Герасимович. «Нормально, товарищ Адмирал Флота Советского Союза». Николай Герасимович посмотрел на командира базы лукаво и сказал: «Давайте пойдем к женам и послушаем, что они нам доложат». Зашли в одну из квартир. Не успели опомниться, как квартира заполнилась женами с маленькими детьми из других квартир. Николай Герасимович обратился к ним: «Расскажите, как вы живете, какие у вас трудности?» Ну жены и начали «докладывать»: «Мы живем на сухих овощах, наши дети редко видят масло, мясо и молоко — посмотрите на них». Прозвучали и прочие жалобы. Николай Герасимович терпеливо выслушал их и сказал: «Товарищи жены, обещаю вам сделать все возможное, чтобы улучшить снабжение ваших семей». Командир базы и его заместитель по политической части стояли, опустив глаза вниз, и интересно было знать, о чем они думали — ругали или хвалили своих боевых подруг за правдивый доклад. Мы возвратились в штаб. Николай Герасимович спокойно, не осуждая командования базы, заметил: «Вот жены сделали правдивый доклад. А вы — все благополучно, все нормально. Зачем обманывать себя и меня, говорите, как есть на самом деле, ведь не вы виноваты в плохом снабжении. Запомните, что от благополучия в ваших семьях, от настроения ваших боевых подруг намного зависит и боеспособность вашего соединения». Встретившись с командующим флотом, Николай Герасимович дал ему указание — впредь семьям командиров, находящимся в отдаленных базах, выдавать по два пайка из неприкосновенного запаса. В Москве Николай Герасимович такое же указание дал своему заместителю по материальному снабжению С.И. Воробьеву. Тот предупредил, что будут большие неприятности, но Николай Герасимович ответил: «Благополучие семей командиров, боеспособность флота для меня выше, чем мое

благополучие». Потом уже А.И. Микоян пожурил Николая Герасимовича и порекомендовал ему: «Впредь в подобных случаях необходимо испрашивать разрешения правительства».

В соединении контр-адмирала Заостровцева были осуждены и отправлены в штрафной батальон три матроса за то, что они, увидев, как два хулигана избивали офицера их части, вступились в защиту его, изрядно расправившись с хулиганами, которыми оказались сотрудники НКВД. Николай Герасимович по кремлевскому телефону позвонил М.И. Калинину и обратился с просьбой о помиловании матросов. Михаил Иванович посоветовал написать ходатайство в Комиссию по помилованиям Верховного Совета СССР. Это и было сделано. Матросов освободили и возвратили в соединение. Заостровцеву было сделано порицание за бездеятельность в данном случае.

Летом 1946 года Николай Герасимович, В.Ф. Трибуц и несколько командиров штаба флота возвращались из Хельсинки или из Ханко (уже не помню) на большом охотнике в Таллин. Вдруг корабль правым бортом коснулся камня. Судно накренилось так, что все мы упали на палубу и едва не вывалились за борт. Трибуц в ярости набросился на флагманского штурмана флота, который и без того был потрясен случившимся. Николай Герасимович спокойно, как всегда сказал: «Трибуц, что кипятишься, что напал на человека?! Может быть, вешка вчерашним штормом смещена или какой-либо финский злоумышленник переставил. Надо проверить». Проверка показала, что вешка была действительно смещена.

В декабре 1941 года ко мне зашли батальонный комиссар и два матроса. Это оказалась депутация от одной из бригад морской пехоты, оборонявших Москву. Они от имени бойцов бригады привезли Николаю Герасимовичу подарок — новенький немецкий автомат с выгравированной на нем соответствующей надписью. Батальонный комиссар доложил, что матросы и офицеры бригады послали их, чтобы вручить народному комиссару подарок. «Но, знаете ли, нам как-то страшно». — «Чего страшно? — спросил я. «Да мы еще ни разу не видели его живого, а знакомы с ними только по фотографиям». — «Нет, не бойтесь, народный комиссар очень добрый человек, он будет вам рад». Я доложил Николаю Герасимовичу. Он сказал присутствовавшим у него посетителям: «Товарищи, на минутку прервем доклады, прибыли делегаты с фронта, надо их принять». Делегаты, крайне смущенные, зашли в кабинет. Все встали. Николай Герасимович вышел из-за стола и подошел к делегации. Он очень тепло приветствовал их, принял подарок и расспросил о боевых делах бригады. Затем он так же тепло с ними простился, передал

бойцам и офицерам благодарность за подарок, привет и добрые пожелания, затем дал мне указание покормить их как можно лучше. Делегация ушла, растроганная приемом.

В конце 1946 года А.А. Жданов и нарком обороны Булганин вызвали Николая Герасимовича в Кремль и потребовали доложить, как были допущены такие-то недостатки и кто в этом виноват. С Николаем Герасимовичем были Л.М. Галлер, И.В. Рогов, вице-адмирал Исаченков и еще несколько человек, в их числе я.

Николай Герасимович доложил причины, которые вызвали недостатки, и подытожил: «В возникновении недостатков виноват только я». — «А почему вы?» — спросил Жданов. «Я возглавляю ВМФ, и за все недостатки, которые возникают в ВМФ, ответственность несу я». А.А. Жданов возразил Николаю Герасимовичу, не соглашаясь с подобной постановкой вопроса. Вдруг Рогов выступает и говорит, что Николай Герасимович действительно не принял должных мер, чтобы не допустить названных недостатков. Мы были шокированы выступлением Рогова. А.А. Жданов резко поворачивается к Рогову: «А вы кто такой?!» Рогов растерянно отвечает: «Я заместитель по политической части и начальник политотдела ВМФ». — «Так что же, вы не виноваты, вы к этому не причастны? Для чего вы там находитесь?!» Через неделю Рогов был назначен в Прибалтийский военный округ (если мне не изменяет память).

Несколько наших училищных товарищей — Б. Птохов, Ф. Кравченко, И. Зайдулин, Д. Вдовиченко — пристрастились к вину. Они никак не могли справиться со своим недугом. Это были хорошие товарищи и очень способные офицеры, достигшие ответственных должностей. Николай Герасимович ценил их. Он переживал их несчастье и делал все возможное, чтобы помочь им встать на ноги, но ничего не получилось. Они были сняты с занимаемых должностей, а некоторые уволены из ВМФ.

Вспоминаю капитана 1-го ранга Б. Птохова, с которым я еще с училища поддерживал дружеские отношения. Я пытался ему помочь справиться с его болезнью, но ничего не получилось. Он был уволен из ВМФ, заболел туберкулезом, потом перестал пить, но было уже поздно. Я переживал за его жену и сына-подростка, которые тяжело переносили семейную трагедию.

Как-то, улучив свободное время, я поехал навестить своего друга. Встреча была безрадостная. Он рассказал мне, как тяжело переживает происшедшее с ним несчастье, как много переживаний причинил жене и сыну, что уже прекратил пить и чувствует, что жить ему осталось мало, что его мечта вернуться во флот и умереть в его рядах, чтобы как-то искупить свою вину

перед сыном, который мечтает стать моряком. «Я хотел обратиться к Николаю Герасимовичу с просьбой восстановить меня во флоте, но не могу решиться — уж больно много я, Зайдулин и другие принесли ему неприятностей», — сказал Птохов и заплакал.

Я приехал к Н.Г. Кузнецову, который как раз находился в это время в Ленинграде, очень расстроенный. Николай Герасимович заметил это и спросил: «Что ты такой хмурый, что случилось?» Я все рассказал Николаю Герасимовичу. Он внимательно выслушал. Набравшись смелости, я сказал: «Николай Герасимович! Я никогда не обращался к вам с личной просьбой; но сейчас прошу вас — восстановите Птохова в кадрах». При разговоре присутствовал его заместитель по кадрам Абанькин, который меня поддержал. Николай Герасимович молчал и смотрел на меня, затем сказал: «Ну, хорошо. Пусть завтра Птохов ко мне явится».

Николай Герасимович принял Птохова, внимательно его выслушал. Не делая никаких упреков и предупреждений, сказал: «Ну добро! Выбирай сам работу по силам» — и подписал приказ о восстановлении Птохова в кадрах, который был уже подготовлен. Птохов проработал два или три года и умер в возрасте около 42 лет. Л.М. Галлер был весьма доволен работой, которую выполнял Птохов.

Адмирал Харламов, который был обязан Николаю Герасимовичу адмиральскими погонами и своим благополучием, был направлен в Генеральный штаб на должность заместителя начальника Генштаба по военно-морским вопросам. Однажды Харламов за своей подписью присылает Николаю Герасимовичу документ, на котором значится: «Первому заместителю Народного Комиссара Обороны и Главнокомандующему ВМФ СССР — распоряжение». Я сам доложил Николаю Герасимовичу документ, возмущенный бестактностью Харламова Николай Герасимович позвонил Харламову и сказал ему как всегда спокойным, но твердым голосом: «Харламов! Я удивлен вашей бестактностью. Я направил вас в Генштаб, я вас оттуда и уберу, если позволите себе еще раз подобное».

Занимая высокое служебное положение — командующего ТОФ, народного комиссара ВМФ, являясь членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, Николай Герасимович оставался доступным простым людям и внимательным к ним человеком: был тверд, решителен и правдив; смело высказывал правду в глаза любому. Если того требовали интересы флота, дела, он без колебания допускал такие поступки и принимал такие решения, за которыми неизбежно должны были

последовать (и он об этом знал) лично для него неприятные последствия.

Николай Герасимович был сторонником радикального, реального, комплексного переустройства структуры ВМФ, быстрого внедрения в развитие его боевой мощи последних достижений науки и техники, в частности ядерной энергии.

Николай Герасимович не мог терпеть подхалимов, ловкачей, приспособленцев, бездельников и хитрецов. Но он с уважением относился к людям деловым, инициативным и решительным. Терпеливо выслушивал их предложения и рекомендации, даже те, которые выходили за пределы возможного. Дельные, полезные предложения он принимал и содействовал их внедрению.

Николай Герасимович не допускал грубости и унижения человеческого достоинства, оскорблений и угроз даже к тем, кто этого заслуживал. Он наказывал только в том случае, когда иначе поступить было нельзя, причем наказанный всегда уходил убежденным в справедливости наказания.

Николай Герасимович был чуток к человеческому горю. Он решительно выступал в защиту людей, попавших в беду, и немедленно подавал руку помощи. Давал разрешение на привлечение к суровой ответственности провинившихся только тогда, когда убеждался, что другого выхода нет. Иногда он брал вину других на себя: «Я народный комиссар, и во всех недостатках, допущенных в наркомате, виноват прежде всего я». Но он никогда не оставлял безнаказанными истинных виновников, допустивших недостатки.

Николай Герасимович не был злопамятным человеком, он никому не мстил и ни с кем не сводил личных счетов. Стойко, не показывая вида, переносил ои неприятности, обиды и неблагодарность людей, обязанных ему своим положением и благополучием. Он никогда не жаловался на допущенную к нему несправедливость и не мог терпеть сочувствия.

Николай Герасимович бережно хранил в своей памяти образы товарищей по училищу, академии, по службе, и имена людей, когда-либо вызвавших к себе симпатию. Он мне не раз говорил: «Елисей! Как поживают наши училищные товарищи, сколько нас еще осталось в живых? Если кто из них нуждается в помощи, то помоги, если сам не сумеешь, скажи мне».

Николай Герасимович прожил большую, трудную и красивую жизнь, жизнь человека высоких моральных качеств, душевной красоты, чистоты и обаяния. Его жизнь достойна подражания для военных моряков, флотоводцев настоящего и будущего поколений. Военные моряки его поколения, оставшиеся еще в живых, хранят о нем в своих сердцах светлую память.

Н.Ф. ХАРИТОНОВ [96]
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Судьба впервые свела меня, молодого офицера, с Николаем Герасимовичем в 1945 году в Ялте на Крымской конференции, и с того времени наше знакомство не прерывалось.

Давно отгремели последние залпы войны. Снят военно-морской мундир. Заботливо уложены в самом сокровенном месте высокие почетные награды. Николай Герасимович в отставке. Но душою он — на флотах, с моряками. Зреет решение. Нет, он не имеет права на отдых, он чувствует, что должен рассказать о самом дорогом, о том, как создавался флот Родины, как он воевал и выдержал выпавшие на его долю испытания, о героизме моряков и советских флотоводцах.

Работу решено было начать с испанских событий 1936 года. Началась подборка документов и литературы. Нельзя же полагаться только на свою память. Необходимо просмотреть множество книг об исторических событиях и о нашей флотской специальности, о Великой Отечественной войне. Многие из них вышли на английском языке. И он решается, не тратя зря времени, заняться изучением английского языка.

С увлечением взялся Николай Герасимович за дело, и я, как преподаватель английского языка, был рад помогать ему. Упорная повседневная работа позволила ему довольно быстро добиться успеха. Помогли знания немецкого и французского языков. В конце 1957 года Николай Герасимович делает запись в своей записной книжке: «Уже довольно свободно понимаю английские журналы. Это мое самое большое достижение за последний год. За 7—8 месяцев сделано очень много. По сути дела, изучил язык».

В изучении иностранных языков ему можно было позавидовать, он имел особые способности к ним — это я говорю как преподаватель.

Свой путь в литературу Николай Герасимович начал с переводов. Ему предложили перевести несколько статей для «Зарубежника». Особенно трудно было с первой. Помню, как, обращаясь за помощью, Николай Герасимович говорил: «Читал статью — будто все понимаю, смысл ясен, но понимать одно, а сделать грамотный перевод — совсем другое. Снова пришлось вернуться к учебнику, словарю, посидеть над каждой фразой». С переводом второй статьи дело у него пошло легче.

Уезжая в санаторий, он всегда брал с собой пишущую

машинку, ежедневно по нескольку часов обязательно работал и там. Так он заканчивал переводить книгу «Война на море». Работая над переводом, старался проследить ход мысли автора и соответственно перестроить фразу. Это мне хорошо известно.

Одновременно он начал писать очерк об Испании, анализируя боевые действия на море в годы, предшествовавшие второй мировой войне. В результате в 1959 году появилась его первая статья в сборнике Академии наук СССР «Испанский флот в национально-революционной войне 1936—1939 гг.». Ее выход очень порадовал автора, придал ему силы и уверенности. Вероятно, уже тогда он начал подумывать и о книге, но прежде всего написал и опубликовал еще несколько статей об испанских событиях.

Прошло еще три года упорного труда, и Николаю Герасимовичу предложили перевести книгу «Подо льдом к полюсу» Джеймса Кальверта — командира американской подводной лодки «Скейт». Много труда потребовалось, чтобы ее осилить. «Очевидно, много пришлось поработать и редактору», — самокритично говорил Николай Герасимович. В Воениздате эта книга появилась в свет в 1962 году.

Большой и упорный труд над переводами сопровождался огорчениями, волнениями, радостью и успехами.

Но вот написана и первая книга. Она посвящена Испании и называется «На далеком меридиане». На календаре 1966 год. Через год выходит ее второе издание.

Теперь уже ясно, что опыт будет передан людям и они смогут анализировать события минувших дней, извлекать из него уроки на будущее. Ради этого Николай Герасимович и начал писать мемуары: он твердо убежден, что «опытом прошлого освещается настоящее и будущее». «Ну вот и переброшен мостик к нашим делам, к предвоенному периоду и к Великой Отечественной войне», — говорит он, и работа продолжается.

Распорядок дня твердый. Вся первая половина проходит за письменным столом. Вторая — отведена на обдумывание того, что нужно сделать завтра, а также, кому написать и ответить из друзей и соплавателей, — писем становится все больше. Вечер — для семьи и отдыха.

Начата работа по анализу действий командования Военно-Морского Флота в предвоенный период. Строка за строкой ложатся на бумагу. В подробностях, с точностью до часов и минут, вспоминаются события прошлого. Приводятся архивные документы — беспристрастные свидетели.

И вот огромный труд позади. В 1966 году выходит книга «Накануне» и сразу же становится библиографической редкостью.

Друзья поздравляют автора с успехом. Так же, как и «На далеком меридиане», «Накануне» выдерживает второе издание. Пришло время волнений по поводу того, как читатель воспримет его работу, а вместе с тем — в голове уже новые мысли.

Становится ясно: в одной книге не сказать всего, что задумано. Рождается замысел новой книги о Военно-Морском Флоте в Великой Отечественной войне, тем более, что уже создан большой задел. Сосредоточиваясь на теме, Николай Герасимович вместе с тем, как бы параллельно, записывает нахлынувшие воспоминания и для третьей книги, готовит статьи в разные специальные, научные и научно-популярные издания.

В 1971 году появляется его следующая книга «На флотах боевая тревога», а в 1975-м (уже без него) — «Курсом к победе».

Широтой охвата исторических событий и материала, глубиной военно-политической мысли, документальной точностью написанное Николаем Герасимовичем отвечает самым высоким требованиям. Я слышал, что он думал написать и об истории ВМФ в первое послевоенное десятилетие. Он размышлял также над вопросами военно-морского искусства. Однако этим замыслам уже не суждено было осуществиться… Четыре книги, десятки статей исторического и военно-теоретического характера, сотни листов незавершенных рукописей — таков итог последних восемнадцати лет жизни адмирала, той новой жизни, которую он сам нашел, создал и достойно прожил, не потеряв главного — быть полезным людям даже тогда, когда, казалось бы, и сама судьба отвернулась от тебя.

Я на квартире адмирала, в его кабинете, где хранится и его библиотека. На полках — энциклопедии, справочники по иностранным флотам, словари разных изданий, специальная военно-морская литература, мемуары военных деятелей и моряков России, многочисленные художественные произведения русских и зарубежных писателей. В специальном большом шкафу Николай Герасимович хранил книги, подаренные ему в разное время друзьями, знакомыми, соплавателями. Беру наугад несколько, перелистываю…

Автографы, автографы… Их около трех сотен, поставленных сюда книг. И на каждой добрые слова авторов, говорящие об их отношении к Николаю Герасимовичу, характеризующие его как флотоводца и человека.

Вот книга И.С. Исакова «Военно-Морской Флот СССР в Отечественной войне» с надписью: «Народному Комиссару ВМ Флота Адмиралу Флота Кузнецову Н. Г., под непосредственным руководством которого Флот СССР выполнил свои задачи в Великой Отечественной войне. От Адмирала Флота Исакова.

15.07.44 г.».

А вот книга «Героическая оборона Севастополя 1941— 1942 гг.», на которой генерал-полковник инженерных войск А.Ф. Хренов написал: «Активному участнику Великой Отечественной войны, организатору подготовки нашего Военно-Морского Флота, Советскому флотоводцу, чье стратегическое руководство обеспечивало успех военных действий на морях и побережьях, упорство и массовый героизм защитников городов-героев Одессы, Севастополя, Сталинграда, Ленинграда, Северного Кавказа, Советского Заполярья и Прибалтики, — Герою Советского Союза Николаю Герасимовичу Кузнецову. С глубоким уважением, А. Хренов».

Профессор, адмирал Ю.А. Пантелеев на своей книге «Полвека на флоте» надписал: «Николаю Герасимовичу Кузнецову, моему соплавателю далеких юных лет и героическому руководителю всем нашим славным Военно-Морским Флотом в течение всей Великой Отечественной войны. С большим уважением, автор, 1974 г.» А вот еще несколько надписей, по которым можно представить дела давно минувших дней. Вице-адмирал Илья Ильич Азаров: «Глубокоуважаемому НГ! На память о встречах в трудные дни войны на Черном море. С глубоким неизменным уважением. И. Азаров, 1968 г.»; генерал-лейтенант Сергей Иванович Кабанов на книге «На дальних подступах»: «Дорогой Николай Герасимович! Всегда помню Вашу высокую оценку боевых подвигов славных защитников Ханко. Прошу принять на память мой труд, посвященный описанию событий на дальних подступах к Ленинграду и подвигам балтийцев. Автор. 16 марта 1971 г.»; Георгий Владимирович Терновский на книге «В битве за Москву»: «Дорогому Николаю Герасимовичу Кузнецову с искренней благодарностью за ценные советы, помощь и рекомендации в написании этой обобщающей данную вами тему книги. На добрую память с особым неизменным уважением от горячо любящего флот военного моряка-историка, от всего сердца скромного автора. Герой Советского Союза, капитан 1-го ранга в отставке Г. Терновский».

Читая автографы, я снова вспоминаю последние годы жизни адмирала…

Тогда Николай Герасимович большую часть года жил за городом. Как я уже писал, работал он много и увлеченно. Первым человеком, которому он читал вслух написанное, была его жена — Вера Николаевна. С некоторыми фрагментами доводилось знакомиться и мне.

Как и прежде, в воскресные и праздничные дни к Кузнецовым приходило много друзей. Николай Герасимович умел тепло

принять своих гостей, завязать интересную беседу, вспомнить былое, замечательных людей. Часто рассказывал о начальнике Главного морского штаба Л.М. Галлере, характеризуя его: «Хороший был человек, с хорошими человеческими качествами, удивительной работоспособности, с «болением» за дело, деликатный и доступный. Хорошо знал людей, обладал способностью быстро их распознавать, угадывать и достоинства и недостатки. Поэтому он использовал их наиболее рационально. Большую помощь получил я от него, когда в 1939 году пришел работать в Москву». Когда же речь заходила о строительстве кораблей, то он с уважением и теплотой вспоминал Ивана Федоровича Тевосяна.

Не исключал Николай Герасимович из своей жизни и «чисто земных» дел, занятий и увлечений. Еще в молодости он полюбил историю и в особенности увлекался историей флота и, будучи талантливым рассказчиком, с удовольствием рассказывал о былых морских сражениях и флотоводцах. Кузнецовы часто ходили в театры, любили слушать музыку. Наблюдая Николая Герасимовича на прогулке, я не раз замечал, как он вдруг останавливался, и, как бы замирая на месте, несколько минут стоял, слушая, как шумят сосны, или наблюдая за дятлом-красноголовиком. В такие минуты, казалось, он сливался с природой. Иногда все Кузнецовы семейным походом ходили на катере в какой-нибудь район канала имени Москвы, где ловили рыбу, разводили костер, с удовольствием варили и ели уху. Пусть это были небольшие «плавания» в семейном кругу, но, вероятно, и они располагали к приятным воспоминаниям.

Человек большой душевной щедрости, Николай Герасимович умел выслушать людское горе, дать мудрый совет, умел порадоваться радости других. Он был каким-то особенным человеком. Случалось, по какой-нибудь причине мы долго не виделись, и у меня на душе накапливалось много тяжелого, но после свидания и разговоров с ним снова воцарялось какое-то спокойствие под воздействием душевой и радостной встречи, тебе оказанной. А ходил я к нему и в минуты радости, и в дни печали, зная, что всегда найду теплый прием и глубокое понимание, получу добрый совет.

Я уже говорил о том, что Николай Герасимович любил книги и много читал. Серьезные, исторические, — читал серьезно, углубленно. А вот беллетристику — новые повести и романы — выборочно, не все подряд, хотя содержание их, что поражало, мог пересказать и пересказывал иной раз лучше, чем, скажем, тот, кто прочитал эту книгу от первой и до последней страницы. Он как-то интуитивно предсказывал, чем кончится судьба того или иного

героя. Любил, когда ему читала вслух Вера Николаевна историю Карамзина, книги Ключевского, Тарле… Слушал внимательно, особенно любил Пушкина. Многое из него знал наизусть. Томик «Евгения Онегина» всегда лежал на его столике у кровати.

Николай Герасимович внимательно следил за внутренней и внешней политикой нашей страны.

Трех сыновей воспитал Николай Герасимович. Они учились, росли на моих глазах. Женились. Семья разрасталась. В нее входили новые люди. Николай Герасимович умел сделать так, чтобы в доме всем было легко и просто. По выходным дети приезжали на дачу. За столом отец расспрашивал сыновей о работе и учебе. Они были для него «окошком» в обычную жизнь. Часто приезжали с друзьями и товарищами. И со всеми Николай Герасимович находил общий язык и общие интересы. Был всегда внимателен к тому, что они говорили. Это, по-видимому, сближало с ним молодежь. С сыновьями он не был строг, но и не баловал. Если хотел что-то подсказать — выражал одной-двумя фразами. Уговаривать не любил. Воспитывал их такими, каким был сам. Дети любили отца, и его слово было для них законом.

Характеризуя людей, Николай Герасимович ни о ком не говорил плохо. Недостатков не скрывал, но на первый план выдвигал достоинства, считал, что это поднимает человека и обязывает его больше, чем критика. Он был зорким и трезвым в оценке людей. Умел о сложном сказать доступно, а главное, уважительно. В каждом человеке старался подметить лучшее.

Одевался Николай Герасимович аккуратно, но скромно. Дома к столу выходил всегда в костюме. Предпочитал носить старые вещи, к новым долго не мог привыкнуть. Больше всех остальных дней в году любил и почитал последнее воскресенье июля — День Военно-Морского Флота. В этот день у Кузнецовых было особенно многолюдно. Часто праздник совпадал с днем рождения Николая Герасимовича (24 июля), но и в этом случае любая попытка гостей произнести первый тост за его здоровье решительно отвергалась. Признавался только один первый тост — за Военно-Морской Флот нашей страны.

Нельзя не вспомнить о том, как прекрасно выступал Николай Герасимович. Мне приходилось не раз слушать его в конференц-зале Главного морского штаба. Он очень редко пользовался написанным текстом, хотя всегда его имел. Я сам видел, как тщательно работал он над такого рода докладами. Но не видел, чтобы он когда-нибудь читал с листа, выступая с трибуны.

Среди командного и личного состава флота Николай Герасимович Кузнецов пользовался большим авторитетом. Его по-настоящему любили и ценили моряки. Видимо, еще и поэтому

книги его немедленно раскупались.

Невозможно, конечно, коротко рассказать о его жизни — одаренной, яркой и трудной, целиком отданной Родине и нашему флоту.

ХРОНОЛОГИЯ[97] основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала Флота Советского Союза Кузнецова Николая Герасимовича

1904 г.

24 (11) июля — родился Н.Г. Кузнецов в д. Медведки Котласского района Архангельской обл. В книге церковного прихода за 1904 г. записано: «В деревне Медведки сего прихода и волости у казенного крестьянина Герасима Федоровича Кузнецова и законной жены его Анны Ивановны, оба православные, родился сын Николай 11 июля 1904 г.»

С 1912 по 1915 гг. — учился в церковно-приходской школе. Окончил три класса.

1915 г.

июль — умер отец. «Никогда не забуду: «Иди домой», — сказала мне соседка, и я почему-то сразу понял, что случилось что-то непоправимое. «Умер-то не вовремя, в самую страдную пору», — слышал я, когда мы двигались к деревне Выставка, где церковь Троицы. С горы спускалось кладбище, на нем в зеленом холмике давно уж он лежит». (Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1990. С. 9).

1916 г.

лето — мать отдала 12-летнего сына «в люди» в чайную купца Попова в Котласе, откуда его вскоре забрал дядя Павел Федорович Кузнецов и увез к себе в Архангельск помогать по хозяйству и учиться. Год учился вместе с сыном дяди в школе.

1917 г.

лето — уехал в деревню помогать матери по хозяйству.

С осени 1917 по 1918 г. — поступил (по совету товарища и с согласия дяди) на службу рассыльным в Управление работ по улучшению Архангельского порта. «По моему росту мне всегда давали на 2—3 года больше, поэтому меня приняли на работу без больших расспросов, убедившись, что я отлично знаю город, а, стало быть, в состоянии выполнять работу рассыльного» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 10).

1918 г.

июнь — уехал в деревню помогать матери по хозяйству.

осень — поступил работать на деревенскую мельницу, так как в Архангельск вернуться не удалось в связи с высадкой там в июле интервентов, создавших свою военную флотилию и

устремившихся к Котласу.

1919 г.

осень — мать отвезла Николая в Котлас к брату, бывшему кронштадтскому матросу, а теперь осмотрщику вагонов на железной дороге Дмитрию Ивановичу Пьянкову. Дядя обещал пристроить парня в депо, сказал «жди» и уехал в рейс. Николай познакомился на пристани с военным моряком, посоветовавшим ему идти во флотилию. «Не забудь взять справку о годе рождения, тебе, видно, лет 17. Вот тогда я и прибавил себе два года, упросив в сельсовете написать справку с 1902 годом рождения» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 11).

13 октября — поступил на военную службу в Северодвинскую флотилию, готовый немедленно идти в бой. «Но начальник усадил меня, как более грамотного, перестукивать на грохочущем «Ундервуде» секретные и совершенно секретные донесения с фронта. Только к концу года я выпросился на канонерскую лодку в боевой экипаж» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 11).

конец года — зачислен краснофлотцем. В составе флотилии участвовал в гражданской войне.

1920 г.

21 февраля — освобожден Архангельск. Северодвинскую флотилию расформировали. Николая в числе молодых матросов оставили продолжать службу сначала в Мурманске, затем в Архангельске. Прошел шестимесячную строевую подготовку.

осень — переведен в Петроград и зачислен в Центральный флотский экипаж.

с 06.12.20 по 20.09.22 — учился в подготовительной школе при училище. Чтобы убедить приемную комиссию в искреннем желании учиться морскому делу, приписывает на заявлении: «Обязуюсь прослужить на флоте сверх обязательного срока, за каждый месяц обучения в школе — полтора месяца. Желаю изучить английский язык».

1921 г. — вступил в комсомол.

1922 г.

с 20 сентября — переведен в Военно-морское училище[98]. Курсант. «Итак, моя мечта — навсегда связать свою судьбу с флотом — обрела реальность. Желтое здание бывшего Морского корпуса стало моим домом…» (Кузнецов Н.Г. Накануне. ML, 1966. С. 12).

с 15 августа по 12 сентября — в практическом плавании на «Авроре».

1924 г.

январь — в числе подразделения моряков-курсантов, входивших в питерскую делегацию, участвовал в похоронах В.И.

Ленина. Возвратясь в училище, подал заявление о вступлении в ряды ВКП(б). Принят кандидатом в члены ВКП(б).

со 2 июня по 1 сентября — во втором практическом плавании на крейсере «Аврора» вокруг Скандинавии с заходом в порты Швеции и Норвегии: Гётенберг, Берген, Трондгейм и более длительными стоянками в наших портах Мурманске и Архангельске.

1 октября — временно допущен к исполнению обязанностей командира отделения. Из учебной характеристики того времени: «Развитие выше среднего. Курс усваивает легко. Решителен, выдержан… Говорит коротко, толково, командирским языком. Связно, сжато и грамотно излагает мысль письменно… Был перегиб: изучал два языка в ущерб остальному, теперь поправился… Трайнин».

1925 г. — принят в члены ВКП(б).

с 16 мая по июнь — в практическом плавании на канонерской лодке «Красное Знамя».

с 22 июня по 6 сентября — на практических занятиях в Петергофской морской базе.

14 октября — назначен командиром 1-го отделения 1-го взвода роты «А» первого курса нового набора.

31 октября — скончался нарком по Военным и Морским делам М.В. Фрунзе. Послан в Москву вместе с курсантами роты в составе ленинградской делегации на похороны М.В. Фрунзе. Наркомом назначен К.Е. Ворошилов.

1926 г.

с 20 мая по 25 сентября — в практическом плавании на линкоре «Парижская Комунна». Из аттестации на корабельного курсанта Н. Кузнецова: «Очень способный, общее развитие хорошее. Выдержан. Спокоен. Инициативен. Здоров. Выправка хорошая. Специальная подготовка отличная. Политическая подготовка хорошая. Будет хорошим артиллеристом».

5 октября — закончил ВМУ им. М.Ф. Фрунзе с отличием и с правом выбора флота. Приказом по РККФ № 5/6 удостоен звания командира РККФ с зачислением в средний строевой командный состав ВМС РККА. От запроса начальника штаба Морских Сил Балтфлота Л.М. Галлера служить при штабе МС Балтфлота (пр. по РККФ № 579) отказался. Изъявил желание служить на Черном море, на крейсере «Червона Украина». «Итак, я изменил Балтике с ее линкорами, избрал Черное море и крейсер «Червона Украина» («Адмирал Нахимов»), строительство которого началось еще перед революцией и закончилось только в 20-х годах» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 29).

12 октября — приказом по РККФ № 579 назначен в Морские

Силы Черного моря (МСЧМ) и направлен в распоряжение начальника штаба МСЧМ.

27 октября — приказом по РККФ № 427 Наморси[99] назначен вахтенным начальником крейсера «Червона Украина». Кроме основной должности, ему вменены обязанности командира первого плутонга (батареи) и командира строевой роты. Исполнял обязанности по август 1927 г.

октябрь — выехал в г. Николаев, где на судостроительном заводе находился крейсер. «Спустя полгода на флагштоке «Червоны Украины» взвился Военно-морской флаг — наш корабль стал военным кораблем. Постоянно на наших глазах и при нашем участии новый крейсер становился более слаженным организмом. Начались учебные стрельбы из пушек и торпедами. Мы совершали длительные плавания. Два года спустя «Червону Украину» можно было уже считать боевым кораблем… На «Червоной Украине» я понял, что подготовка хороших опытных командиров — сложный, длительный процесс. Чем стремительнее развивается техника, тем короче сроки постройки корабля. Зато подготовка офицеров становится более продолжительной: ведь им приходится осваивать более сложную технику».

1927 г.

с августа по 1 октября 1929 г. — приказом № 19 Наморси Черного моря назначен старшим вахтенным начальником крейсера. В очередной аттестации появилась запись: «Заслуживает продвижения во внеочередном порядке».

12 сентября — поход в Сочи с командующим флотом В.М. Орловым и членом военного совета Г.С. Окуневым. «Вышли мы в ночь на 12 сентября. Не успели скрыться маяки Южного берега Крыма, и Ялта еще находилась в траверзе крейсера, как нас сильно тряхнуло, корабль будто выскочил на камни или ударился о какой-то тяжелый предмет. «Стоп машины!» Что случилось? Ответа никто не мог дать. Вскоре пришло известие: в Крыму землетрясение. На следующий день корабль отдал якорь на открытом сочинском рейде. На корабль прибыл начальник Морских Сил Р.А. Муклевич, и «Червона Украина» взяла курс на Крым». (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 41).

1928 г.

с 27 мая по 3 июня — поход в Стамбул. «Нам предстояло встретить и эскортировать яхту «Измир», на которой из Стамбула возвращался падишах Афганистана Аманулла-хан, посетивший нашу страну и Турцию….3 июня готовились выйти из Стамбула… Возник пожар у котла… Долгое время пожар у действующего котла служил темой для тренировок и внезапных учений, которые устраивали на корабле» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 38).

1929 г.

26 июля — поход в Сочи. На борту крейсера в сопровождении командующего Черноморским флотом В.М. Орлова и члена военного совета Г.С. Окунева — Сталин и Орджоникидзе с дочерью.

с 1 октября 1929 г. по 4 мая 1932 г. — учился в Военно-морской академии им. К.Е. Ворошилова. «В Военно-морской академии мы получили солидное оперативно-тактическое образование, основательно изучили многие проблемы будущей войны на море. Именно в стенах академии нам привили правильные взгляды на роль флота в обороне нашей Родины. Исходя из единой для всех Вооруженных Сил стратегии, мы ясно стали видеть место флота как одного из видов Вооруженных Сил» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 48, 55).

— за время учебы в академии изучил немецкий и французский языки.

1931 г. — использует очередной отпуск в плавании на торгово-пассажирском судне в Кильскую бухту, Гамбург, Гулль, Лондон.

4 мая — закончил академию с отличием и с правом выбора моря. Награжден Наморси РККА пистолетом системы Коровина с надписью: «Командиру-ударнику Николаю Герасимовичу Кузнецову за успешное окончание академии».

с 5 мая 1932 г. по 3 ноября 1933 г. — старший помощник крейсера «Красный Кавказ» на Черном море (приказ РВС СССР № 360). «Крейсер «Красный Кавказ» — совершенно новый, проходящий испытания. На нем было установлено качественно новое все — от корабельной радиотрансляции до артиллерии…» (Королев В. Герои великого океана. Владивосток, 1967, С. 286).

кампания 1932 г. — служба на крейсере. По итогам кампании в аттестации записано: «Проявляет любовь и заботу к крейсеру. В походной обстановке вынослив… Оставить в должности ст. помощника ввиду короткого практического стажа для накопления опыта, после чего может быть повышен в категории… Должности вполне соответствует. — Ралль, Лаухин, Душенов, Гугин».

К обязательным качествам старпома Н.Г. Кузнецов относил: умение не терять равновесия, быть строгим, сочетать строгость с поощрительными мерами, не унывать, когда не клеится дело, — бодрость духа и хорошее настроение должны чувствоваться во всех распоряжениях старпома. У старпома должны быть крепкие нервы.

Командир крейсера «Красный Кавказ» А.М. Гущин вспоминал: «…Установленный порядок на корабле долгие годы сохранялся. Старпомовская закалка помогала мне в боевых условиях… Даже

после войны на крейсере я наблюдал, как установившиеся традиции еще жили на нем, передавались от одного состава команды к другому».

— год потребовался старпому, чтобы команда крейсера превратилась в дружный сплоченный боевой коллектив, способный четко действовать в любых сложных ситуациях. В1933 г. крейсер вошел в состав боевого ядра Черноморского флота. Штаб флота при его проверке установил, что организация службы на крейсере отработана значительно лучше, чем на других кораблях, учитывая при этом особую заслугу старшего помощника командира крейсера.

1933 г.

15 марта — присвоено звание капитана 2-го ранга в соответствии с приказом № 001168 наркома обороны о новых званиях командного состава.

кампания 1933 г. — совершает длительные походы в Турцию, Грецию, Италию. Из аттестации 1933 г.: «Заслуживает продвижения по службе во внеочередном порядке. — Командир крейсера «Красный Кавказ» Н.Ф. Заяц. 23.11.33».

осень 1933 г. — осенние флотские учения.

с ноября 1933 по 15.08.36 г. — командир крейсера «Червона Украина». Назначен приказом № 08 РВС СССР.

с осени 1933 по осень 1934 г. — под руководством и при деятельном участии командира крейсера разработана система боевой готовности одиночного корабля, принятая позже на всех флотах СССР; отработан метод экстренного прогревания турбин, принятый на всех флотах, позволивший готовить турбины вместо 4 часов за 15—20 минут; отработаны стрельбы главного калибра на самых больших скоростях хода крейсера и на предельной дальности обнаружения цели. На крейсере начато движение «Борьба за первый залп». Чисто артиллерийское понятие «первый залп» превратилось в общефлотское, стратегическое, позволившее значительно повысить боеготовность соединений ВМФ и распространившееся на все флоты СССР; впервые артиллеристы стали использовать самолет для корректировки невидимой цели. «На флоте многие заговорили о методах организации боевой подготовки «по системе Кузнецова», — писала газета «Красный флот», — только сам командир утверждал, что он ничего нового не создал».

1934 г.

осень — награжден орденом «Знак Почета» за успешные летние учения крейсера «Червона Украина».

1935 г.

— вывел крейсер на первое место в Морских Силах СССР.

сентябрь — награжден легковой автомашиной ГАЗ-А С.Г. Орджоникидзе, совершившим поход на крейсере.

ноябрь — командующий флотом И.К. Кожанов подверг крейсер всесторонней проверке, приказал обеспечить экстренный прогрев турбин, выход в море по тревоге, проверил организацию службы на общекорабельном учении, имитируя бой с противником и получение «тяжелых повреждений», с которым предстояло бороться личному составу. Команде пришлось отражать атаки самолетов, ликвидировать последствия нападений торпеды в «правый борт», бороться с пожаром в носовом отсеке, провести боевые стрельбы по щиту и конусу, буксируемому самолетом.

— по окончании учений получил личную благодарность командующего, объявленную также и всей команде.

7 ноября — газета «Красная звезда» публикует статью командующего Черноморским флотом И.К. Кожанова «Капитан 1-го ранга» о Н.Г. Кузнецове, в которой называет его «самым молодым капитаном 1-го ранга всех морей мира».

ноябрь — присвоено звание капитана 1-го ранга приказом НКО № 3090.

23 декабря — награжден орденом Красной Звезды (№ 727) постановлением ЦИК СССР «За выдающиеся заслуги в деле организации подводных и надводных морских сил РККА и за успехи в боевой и политической подготовке краснофлотцев» (за первое место по всем видам боевой подготовки крейсера «Червона Украина»). Орден вручен в Кремле 17 февраля 1936 г.

1936 г.

с 23 августа по 15 июля 1937 г. — военно-морской атташе и главный военно-морской советник, а также руководитель советских моряков-добровольцев в Испании: «На республиканский флот легла немалая задача: конвоировать транспорта, оберегать их от нападения кораблей противника. Эскадра постоянно находилась в море. Моряки проявляли настоящее мужество, но об этом не писали в газетах. Молчало радио, и совсем немногие знали, что всей сложной и важной работой, от которой в значительной степени зависит исход борьбы, негласно руководил русский товарищ Н.Г. Кузнецов» (Королев В. Указ. соч. С. 290).

1937 г.

3 января — награжден орденом Ленина (№ 3414) постановлением ЦИК СССР «За активное участие в национально-революционной войне в Испании». Орден вручен в Москве 17 июля 1937 г.

21 июня — награжден орденом Красного Знамени (№ 940) постановлением ЦИК СССР «За активное участие в национально-

революционной войне в Испании». Орден вручен в Москве 17 июля 1937 г.

15 июля — вернулся из Испании в Москву.

с 15 июля по 15 августа — отпуск в Сочи.

с 15 августа по 10 января 1938 г. — заместитель командующего Тихоокеанским флотом.

30 декабря — постановлением ЦИК и СНК СССР создан Наркомат ВМФ СССР.

1938 г.

с 10 января по 28 марта 1939 г. — командующий Тихоокеанским флотом (пр. НкО № 03).

2 февраля 1938 г. — присвоено воинское звание флагман 2-го ранга постановлением ЦИК СССР № 090.

22 февраля — награжден «Юбилейной медалью XX лет РККА» (передана в экспозицию Музея Вооруженных Сил СССР).

начало марта — избран делегатом на XVIII съезд ВКП(б) на 1-й краевой партийной конференции Приморья. «Мы, находящиеся на передовой линии, должны решать вопросы культурного и хозяйственного строительства таким образом, чтобы они были тесно увязаны с вопросами укрепления обороноспособности нашего края, обороноспособности Советского Союза в целом», — сказал в выступлении перед избирателями Н.Г. Кузнецов.

13 марта — введен в состав созданного при Наркомате ВМФ Главного военного совета ВМФ (постановлением СНК СССР).

май — выдвинут в кандидаты депутатов ВС РСФСР по Приморскому избирательному округу горняками шахты № 20 Сучана. Выступил перед избирателями.

— избран депутатом ВС РСФСР (первого созыва) от Приморского избирательного округа Дальневосточного края. Избран членом Президиума ВС РСФСР (деп. бил. № 134).

3 июня — открыл 3-ю партийную конференцию ТОФ во Владивостоке. Выступил с докладом «Об итогах и задачах боевой и политической подготовки кораблей, частей и соединений флота».

29 июля — 11 августа — конфликт у о. Хасан. Ускоряет переброску военных частей и грузов морем в район Посьетта, организует перевозку раненых.

1 августа — отправляется вместе с маршалом В.К. Блюхером на эсминце на место боев.

С самого начала конфликта — флот принимал меры предосторожности, заботился о каждом корабле, воинской части, о городе и его жителях.

Разгар боев — дает кораблям и частям первые директивы по оперативной готовности. Трудным оказалось быстрое

рассредоточение кораблей, много времени занимало затемнение баз. Для повышения боевой готовности сделано было еще мало, требовались постоянные тренировки, быстрое выполнение всех предупредительных мер.

7 ноября — гибель на ТОФе нового эсминца «Решительный».

декабрь — вызван в Москву на заседание ГВС ВМФ, состоявшееся в Кремле с участием членов Политбюро.

19 декабря — выступил на ГВС ВМФ, говорил о необходимости высокой боевой готовности флотов, об организации противовоздушной обороны кораблей по опыту войны в Испании. Поставил вопросы: о необходимости вывода из Владивостока торгового порта в бухту «Находка» и превращения города в закрытую военную базу; доказал невиновность командира погибшего эсминца «Решительный» С.Г. Горшкова; говорил о необходимости подготовки кадров для будущих кораблей по опыту и порядкам, существующим на иностранных флотах, и о сверхсрочниках.

1939 г.

3 января — Президиум ВС СССР утвердил новый текст военной присяги для Красной Армии и ВМФ и новое положение о порядке ее принятия.

23 февраля — принял одним из первых на ТОФе, присягая, как и все военные моряки, Родине на верность, присягу: «Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, как воин Вооруженных Сил, клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагом».

17 марта — выступил на XVIII съезде ВКП(б): «…Современные средства борьбы на море исключительно сложны и разнообразны… Мы должны иметь сильный морской флот, который должен служить нам опорой мира… Исходя из этого, мы должны строить различные классы кораблей применительно к нашим морским театрам и применительно к возможному противнику… В дни хасанских боев мы убедились, насколько крепка связь частей флота с частями нашей Красной Армии и населения Дальнего Востока. Эту связь мы будем укреплять и углублять дальше… Мы должны еще крепче нажать на боевую подготовку… Противника на Дальнем Востоке мы не боимся, но которого недооценивать было бы опасно… Мы не увлекаемся успехами, работаем и учимся и готовы бить врага, если он полезет. У нас в Приморье есть Сучанская долина, которая, кроме угля, славится еще незабудками. И когда японцы захватили в 20-х годах Приморье, они говорили, что пришли, дескать, рвать

сучанские незабудки. Но если японская военщина забыла, как их били на Хасане, и если они все же будут забывать и попытаются прийти морем или по суше, то сучанские и вообще советские дальневосточные незабудки действительно будут для них незабываемыми…»

март — избран в состав ЦК ВКП(б) (чл. бил. № 32. Членом ЦК был до 1955 г.).

с 28 марта по 28 апреля — заместитель наркома ВМФ СССР.

с 28 марта по 27 апреля — по заданию правительства выехал с А.А. Ждановым на Дальний Восток для окончательного заключения о целесообразности строительства в бухте Находка большого торгового порта и перевода туда торгового флота из Владивостока.

27 апреля — правительство утвердило решение о переносе торгового флота из Владивостока в Находку.

27 апреля — открыл заседание ГВС НК ВМФ. Поставил вопрос о подготовке кадров для флота и кадрах флота вообще, в связи с чем потребовал:

— пересмотреть процесс подготовки кадров особенно рядового и младшего начальствующего состава;

— повысить качество боевой подготовки рядового и младшего начальствующего состава, удлинить сроки службы на флоте, в БО и в ВВС;

— повысить заработную плату личному составу в связи с увеличением срока службы;

— создать новое положение о прохождении службы рядовым и младшим начальствующим составом;

— установить на кораблях и в частях процент сверхсрочнослужащих к штатам;

— пересмотреть нормы снабжения личного состава РК ВМФ обмундированием;

— установить систему подготовки и обучения рядового и младшего начальствующего состава.

28 апреля — назначен народным комиссаром ВМФ СССР указом Президиума ВС СССР. «Когда в 1939 г. Кузнецов был назначен наркомом ВМФ СССР, моряки-тихоокеанцы сожалели, что расстаются с таким чутким и любимым руководителем, и в то же время понимали, что под его руководством флот будет в надежных руках» («Красный черноморец», 17 янв. 1946 г.). «Наш флотский наркомат существовал второй год, а во главе его уже побывало несколько руководителей — случайных и менее случайных, — но никто из них не оставил после себя заметного следа. Исключением являлся флагман флота 2-го ранга Н.Г. Кузнецов. Он оказался на месте — думающий, уверенный,

отлично знающий флот и его людей» (Пантелеев Ю.А. Полвека на флоте. М., 1974. С. 124).

апрель — присвоено воинское звание «флагман флота 2-го ранга» постановлением СНК СССР № 442.

первые месяцы работы в новой должности — издал приказ о восстановлении кают-компании, как места встреч офицерского состава;

— разрешил специальной директивной всем командирам соединений, дивизионов, кораблей первого и второго ранга, не имеющим академического образования, но желающим получить его, направлять свои рапорты начальнику ВМА или наркому ВМФ непосредственно;

— приказал передать Центральную библиотеку ВМФ в ведение Центрального Военно-морского музея и перевести ее вместе с музеем из здания Главного адмиралтейства в здание бывшей фондовой биржи в связи с неблагоприятным положением с кадрами, средствами, помещением, не позволявшим Центральной библиотеке ВМФ полноценно развернуть работу;

— принял решение выделить из состава картотипографии ГУ ВМФ и передать в непосредственное подчинение начальника управления Военно-морского издательства типографию в составе всех типографских цехов с их оборудованием, помещениями и личным составом. Картография ГУ ВМФ в составе только картоиздательских цехов была переименована в картографию ГУ ВМФ, а с апреля 1941 г. — в картофабрику ГУ ВМФ.

май — под флагом наркома состоялись большие учения Черноморского флота. По результатам в Доме флота в Севастополе проведен разбор учений. Нарком подробно проанализировал действия кораблей, соединений и флота в целом, поставил перед командным составом задачи на ближайшее будущее — добиться высокой организации, дисциплины, отличной морской выучки, знать в совершенстве вверенную технику и уметь ее использовать. Провел осмотр кораблей Черноморского флота, начав его с трюмного помещения крейсера «Красный Кавказ».

весна — потребовал перенести Главную базу Балтийского флота (БФ) ближе к устью Финского залива — в Таллин. Пребывание штаба флота в Кронштадте усложняло управление Б.Ф. Теперь у КБФ театр действий становился обширнее с базами в Лиепае, Риге, Таллине, Ханко. Открываются новые причалы, батареи, склады.

5 июня — награжден медалью «Участник Хасанских боев 1938 г.» в соответствии с постановлением Президиума ВС СССР.

май — июнь — по предложению наркома правительство

приняло решение о приеме на службу на кораблях неограниченного процента сверхсрочников, об улучшении их обеспечения и оплаты.

22 июня — по предложению наркома принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об установлении и праздновании ежегодного Дня Военно-Морского Флота СССР в каждое последнее воскресенье июля.

24 июля — впервые в стране отмечался День Военно-Морского Флота СССР. На торжественном собрании актива общественных организаций Москвы в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького нарком ВМФ выступил с докладом.

27 июля — в Кремле устроен прием для командования всех флотов и флотилий в честь Дня Военно-Морского Флота СССР.

конец июля — под флагом наркома на Балтике состоялись большие учения КБФ. В Кронштадте в составе эскадры на линкоре «Октябрьская Революция» нарком вышел в поход, в ходе которого одно учение следовало за другим. По результатам состоялся разбор в Доме флота, на котором с анализом учений выступил нарком ВМФ.

12—20 августа — участвует в совещании трех держав: СССР, Англии и Франции в Москве в качестве члена советской военной делегации. В ходе переговоров готовит и представляет начальнику Генерального штаба данные о состоянии флотов Англии, Франции и Германии.

1 сентября — Указом Президиума ВС СССР принят Закон о всеобщей воинской обязанности и о пятилетнем сроке службы краснофлотцев на кораблях, четырехлетнем — в частях связи и береговой артиллерии.

15 сентября — назначает приказом № 364 флагмана 1-го ранга Г.А. Степанова начальником Военно-морской академии, подчинив ее непосредственно наркому ВМФ. Освобождает от совместительства по должности начальника ВМА, первого заместителя наркома ВМФ флагмана 2-го ранга И.С. Исакова. Приказывает представлять лично наркому ВМФ учебные планы и программы, планы НИР и отчеты.

16 сентября — приказывает зам. начальнику ГМШ В.А. Алафузову выехать на Днепровскую флотилию для организации ее участия в действиях в погранрайонах Белоруссии и Украины.

вторая половина сентября — выехал на Северный флот для составления и обсуждения с военным советом и штабом СФ более целенаправленных, соответствующих международной обстановке планов боевой подготовки.

сентябрь — внес предложение начальнику Генерального штаба Б. м. Шапошникову и И.В. Сталину о необходимости и

целесообразности перевода Главной базы Днепровской флотилии в Пинск. Предложение было принято.

— начаты переговоры с буржуазными правительствами Эстонии, Латвии и Литвы о возможности размещения на их территории наших войск и базирования флота. Получено право размещать на островах Эзель и Даго авиацию, строить береговые батареи.

16 октября ввел своим приказом № 416 в действие новый «Корабельный устав ВМФ СССР» (отменив прежний устав 1932 г.).

29 октября — ввел своим приказом № 654 в действие «Дисциплинарный устав ВМФ СССР».

11 ноября — утвердил первую инструкцию по оперативным готовностям с целью предотвращения внезапного нападения, обязавшую иметь силы в положении предварительного развертывания и в состоянии боевой готовности к отражению нападения и проведению первых операций. Предоставил право военным советам флотов изменять готовность только с ведома Наркомата ВМФ. Над первой инструкцией по оперативным готовностям работал начальник ГМШ Л.М. Галлер. Оперативные готовности предусматривали:

№ 3 — шестичасовую готовность боевого ядра и наличие на кораблях неснижаемого запаса топлива и боеприпасов;

№ 2 — четырехчасовую готовность боевого ядра, когда все находится в повышенной готовности и способно так жить длительное время;

№ 1 — часовую готовность боевого ядра, когда все части готовы к отмобилизованию, усилены дозоры, запрещен ввод в базу.

С момента введения готовностей на флотах начаты постоянные тренировки по приведению флотов в готовность № 2 и № 1 и доработка инструкции о готовностях.

декабрь — приказал Наркомату ВМФ совместно с Главспецгидростроем провести выбор мест расположения баз, доставить туда строительные материалы и начать их строительство. «У нас установились самые деловые и вместе с тем дружеские отношения с наркомом ВМФ адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым и адмиралом Галлером Львом Михайловичем. Во время войны созданные БМБазы сыграли огромную роль — задержали врага, и ни одна база не сдалась врагу. Развернутые в большом масштабе строительные работы на флотах, к сожалению, не были завершены в связи с началом войны» (Комаровский А. Н Записки строителя М., 1972, С. 88).

в течение года — поставил задачу перед Гидрографическим управлением ВМФ подготовить и издать наглядное пособие в

виде «Атласа командира ВМФ СССР» в целях создания полноценного справочника, обеспечивающего повседневную работу командиров, политработников и инженеров ВМФ по производству оперативных и навигационных расчетов. Своим приказом назначил комиссию под председательством начальника ГУ для составления тактико-технического задания на «Атлас командира», поставил задачу собрать в него физико-географические, военно-политические и навигационно-штурманские карты, а также чтобы, помимо прямого предназначения, «Атлас» служил бы хорошим популяризатором нового флота. Осуществить замысел не позволила война. После войны «Морской атлас», но уже на более высоком уровне, был издан.

— проводит работу по реализации судостроительной программы. «Чуть не каждую неделю проходили тогда совещания по кооперированным поставкам для судостроения. От нас, моряков, и М.Ф. Тевосяна — наркома судостроительной промышленности, требовали срочно представить на утверждение правительства проекты кораблей, которые уже строились, планы создания военно-морских баз, судоремонтных заводов, доков, складов — всего, что необходимо большому флоту (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 239—244).

— принимает меры по улучшению подготовки командного состава и прохождения им службы. Командные военно-морские училища преобразовываются в высшие учебные заведения.

— ставит в правительстве, Генштабе и Наркомате обороны вопрос о необходимости единоначалия в организации руководства военно-морскими базами в Либаве, Ханко, в Крыму, на островах Эзель и Даго (будь то армейское или морское командование), придавая решающее значение этому принципу. Встречает противодействие. Положительного решения добивается только в отношении Ханко. Впоследствии, оценивая правильность такого решения на Ханко, Главком ВМФ С.Г. Горшков писал: «… Заблаговременно и тщательно подготовилась к обороне со всех направлений — с моря, суши и воздуха… Все это позволило сделать оборону Ханко неприступной…» (Военно-исторический журнал, 1989, № 7. С. 13.).

конец 1939 г. — по решению правительства в Германии приобретен (и доставлен весной 1940 г. в Ленинград) недостроенный крейсер «Лютцов» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 244).

конец ноября 1939 г. — март 1940 г. — война с Финляндией. Нарком ВМФ приказал своему первому заместителю И.С. Исакову и начальнику ГМШ адмиралу Л.М. Галлеру выехать в Кронштадт

для оказания помощи командующему КБФ адмиралу В.Ф. Трибуну в организации связи КБФ с фронтом. Бои приняли упорный характер. Балтийцы успешно высадили десант на островах Гогланд, Сескар, Левенсари, в котором участвовали авиация флота, расположенная в Эстонии, крупные надводные корабли, подлодки, базировавшиеся в Таллине и Либаве (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 277).

— потребовал от Л. З. Мехлиса (прибывшего в штаб Ленфронта) с Г.И. Куликом, пытавшихся давать морякам некомпетентные указания, минуя наркома ВМФ и ГМШ ВМФ: «Без ведома наркома ВМФ приказов флоту не отдавать» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 227—228).

1940 г.

январь — встречается и обсуждает по поручению правительства с послом США Штейгартом, прибывшим с советским послом К.А. Уманским, меры по обеспечению безопасности плавания американских транспортов в Финском заливе.

21 февраля — приказал военным советам флотов и командирам соединений доложить свои соображения и вероятные действия на каждом флоте в связи с подготовкой флотов по системе готовностей.

26 февраля — издал специальную директиву флотам, в которой указал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию. «Противник был определен довольно точно» (Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972, С. 209).

12 марта — осмотрел полуостров Ханко, передаваемый в аренду Советскому Союзу после заключения мирного договора между СССР и Финляндией. Нарком видел здесь уже мощную военно-морскую базу, которую предстояло создать в короткий срок.

28 марта — издал директиву № 16430 об увеличении боевого ядра.

весна — начало свертывания строительства крупных кораблей.

начало мая — организована и начала работу комиссия, в состав которой включен нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, по рассмотрению кандидатов из высшего командования на присвоение генеральских и адмиральских званий.

10 мая — по указанию наркома ВМФ флотам выслано Положение о взаимодействии Красной Армии и Военно-Морского Флота.

24 мая — приказом наркома ВМФ в связи с 20-летием Амурской военной флотилии многим адмиралам досрочно присвоены воинские звания, 200 младших командиров, краснофлотцев и красноармейцев награждены знаком «Отличник ВМФ», наиболее отличившиеся — именными часами и ценными подарками. Нарком поздравил с юбилеем ВС АКВФ.

4 июня — присвоено звание «адмирал» постановлением СНК СССР.

середина июля — издал приказ о введении в действие на флотах «Наставления по боевой деятельности штабов соединений ВМФ».

27 июля — выступил с докладом на торжественном собрании актива общественности Москвы, посвященном Дню Военно-Морского Флота в СССР в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького. В статье, опубликованной к этому дню в журнале «Морской сборник» (№ 7, 1940 г. С. 9) отмечалось: «Быть настоящим моряком, уметь побеждать врага на море, плавать круглый год, поменьше торчать у стенки, на бочке, проводить боевую подготовку при любых условиях и при любом состоянии погоды и моря — вот те требования, которые красной нитью проходят через все приказы и указания народного комиссара флотам».

лето — по предложению наркома ВМФ правительство приняло решение об открытии семи морских спецшкол, занятия в которых начались в сентябре 1940 г. Наркомат ВМФ возрождал добрую российскую традицию, заложенную еще Петром I: готовить наиболее смелых и талантливых юношей к военно-морской службе. Но это было не просто продолжение традиции. Н.Г. Кузнецов хотел с помощью военных спецшкол восполнить ужасающие потери, понесенные командными кадрами флота во время репрессий 30-х годов. «Подготовка командных кадров для флота является большой и сложной задачей, в решении которой специальные школы могут и должны сыграть немаловажную роль» (из речи наркома ВМФ перед строем 2-й ВМСШ в Ленинграде 30 октября 1940 г.).

— выехал в Севастополь и Одессу для принятия мер по координации совместных действий ЧФ с сухопутными частями в операции по освобождению Бессарабии.

август — участвовал в крупных военных учениях в устье Финского залива, провел разбор учений с командирами соединений и частей.

— посетил Либаву (вместе с Л.М. Галлером и В.Ф. Трибуцем) с тем, чтобы определить, какие силы целесообразно сосредоточить в Либаве, где восстанавливалась база флота.

— принимается специальное постановление Главного

морского совета о переводе части кораблей из Либавы в Ригу. Получает на это согласие И.В. Сталина.

— ведется строительство оборонительных береговых батарей в Либаве с моря. «Но с сухопутным направлением дела обстояли неважно. Командир базы своих войск не имел, а армейские части стояли далеко. Мы с комфлотом решили добиваться усиления сухопутного гарнизона. Удалось не сразу. Я настоял на своем — в Либаву была направлена 67-я стрелковая дивизия. Вопрос о взаимодействии сухопутных частей с Военно-Морскими Силами до конца решен не был (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 232—233).

8 сентября — участвовал в проведении учений на КБФ. Провел их разбор, проанализировал действия сил флота в учениях, оценил работу всех звеньев личного состава и развернул перед участниками программу дальнейших мероприятий по укреплению боевой мощи флота.

19 октября — правительство пересмотрело план военного судостроения. Решено продолжать строить подводные лодки, малые надводные корабли — эсминцы и тральщики.

октябрь — докладывает И.В. Сталину (вместе с начальником ГМШ Л.М. Галлером) о ходе работ по строительству береговых батарей, принявшему большой размах и быстрые темпы, особенно на Балтике от Кронштадта до Палангена (Паланга) и на Севере — от Архангельска до полуострова Рыбачий, об укреплении западных морских границ на всем их протяжении.

29 октября — вводит в действие своим приказом № 654 «Дисциплинарный устав ВМФ», в котором организация управления воинской дисциплиной была сосредоточена как основа боевой его мощи. Нарком указывал, что «не только дисциплинарными взысканиями нужно поднимать уровень дисциплины», что «воспитание и разъяснительная работа имеют огромное значение». Подчеркивал, что строгость требований к подчиненным должна сочетаться с постоянной заботой о них.

вторая половина года — провел перестройку методов обучения и воспитания личного состава ВМФ в связи с возрастанием военной опасности. По указанию наркома в боевой подготовке стал максимально использоваться опыт современных войн. Подготовка стала проводиться в условиях близких к боевым, без лишних ограничений. Потребовал довести до совершенства взаимодействие кораблей и соединений в условиях сложного маневрирования как днем, так и ночью, добиться максимальной сплаванности кораблей, высокой натренированности личного состава для совместного выполнения кораблями боевых задач.

конец года — доложил в правительство о тяжелых условиях

базирования кораблей КБФ в связи с освоением новых баз в этих районах в условиях суровой зимы. Все базы, включая Таллин, покрылись льдом, открытой осталась только Либава.

декабрь — провел в НК ВМФ совещание высшего командного состава флотов, на котором были рассмотрены уроки финской войны и проблемы, выдвинутые опытом второй мировой войны, а также текущая деятельность флотов под углом зрения войны в Европе; проанализирована дерзкая операция немцев против Норвегии, начавшаяся 9 апреля 1940 г. высадкой крупных десантов на норвежское побережье, удаленное от баз на 1000 миль и в условиях отсутствия временного преимущества в воздухе и на море. Нарком сделал вывод: нужно быть готовым к любым неожиданностям, потребовал усилить боевую подготовку и начать плавание раньше, чем в прошлом году.

Открывая сбор командующих флотами и флотилиями, нарком обратил их внимание на то, что «опыт войны с Финляндией, проверка БП флотов показали недостаточную подготовленность начальствующего состава». «Мы имеем неплохую технику, преданный нашему делу рядовой и начальствующий состав. Но подготовка начальствующего состава — наше слабое место. Особенно — высшего начальствующего состава. Не потому, что это звено знает меньше, чем звено старшего начальствующего состава, а потому, что его подготовка должна быть особенно тщательной…

…Никаких систематических занятий с высшим начальствующим составом у нас по-настоящему налажено не было. У нас также не было и нет единой точки зрения на ряд принципиальных вопросов. У нас не было системы оценки высшего начальствующего состава по его оперативно-тактической подготовке, по его умению руководить во время войны подчиненными ему соединениями».

В заключительном слове нарком сказал: «Весь опыт войны нужно изучать не ради знания, не просто ради науки, а для того, чтобы найти и разгадать вероятные средства и методы борьбы противника и своевременно найти противоядие против них. Кого нам изучать? Есть общее положение, что нужно изучать своего вероятного противника. Я сейчас не берусь определять и указывать «имярек», но, как правило, из двух вероятных противников более вероятным является ближайший, соседний. Этим, я думаю, нам и следует руководствоваться».

— ввел своим приказом в действие «Временное постановление по ведению морских операций (ВМО-40)».

— сделал вывод, что с оперативной точки зрения постановка оборонных минных заграждений около своих баз не только на

Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. (Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1989, С. 24-25).

1941

январь — награжден боевой винтовкой (хранится в Военно-морском музее в Ленинграде) коллективом Тульского орудийного завода.

после 2 января — приказал открывать огонь зенитных батарей при появлении иностранных самолетов над нашими базами в связи с полетами над полуостровом Ханко немецкого самолета-разведчика.

— создана школа боцманов на о. Валаам в Ладожском озере. В 1941 г. мальчишки, не успев окончить учебу, шагнули в огонь войны, участвовали в обороне Ладожских островов, в эвакуации окруженных частей Красной Армии под Ленинградом, в боях на знаменитом Невском «пятачке».

15 февраля — издал директиву № 475, направленную на флоты, в которой поставил задачи по составлению боевого ядра флота для отражения удара противника и прикрытия побережья.

26 февраля — поставил флотам задачу разработать к 15 апреля оперативные планы, легшие в основу действий флотов в начальный период войны.

— издал директиву, согласованную с НКО, о совместных действиях армии и флота на случай вторжения врага.

февраль — приказал принять меры к обороне побережья и баз.

— издал директиву, согласованную с НКО, о совместных действиях армии и флота на случай вторжения врага.

февраль — приказал принять меры к обороне побережья и баз.

— издал директиву «не допускать высадки десанта и захвата противником баз с моря, с воздуха, а также проникновения его в Рижский и Финский заливы».

3 марта — доложил правительству, что немцы задерживают поставки для крейсера «Лютцов».

— приказал ГМШ передать директиву флотам открывать огонь по нарушителям без всякого предупреждения.

5 марта — над Лиепаей был обстрелян немецкий самолет-разведчик.

17—18 марта — над Либавой и Полярным были обстреляны несколько раз немецкие самолеты-разведчики.

после 18 марта — вызван к И.В. Сталину и в присутствии Л. Берия получил выговор и приказание отменить распоряжение от 3 марта об открытии огня по самолетам-нарушителям.

29 марта — приказал ГМШ дать директиву на флоты: «Огонь

не открывать, а высылать свои самолеты-истребители для посадки иностранных самолетов на аэродромы».

1 апреля — приказал командующим Дунайской и Пинской флотилиями усилить разведку.

апрель — разработано Положение о тыле флота, в соответствии с которым признано, что «тылом флота является совокупность органов, осуществляющих материально-техническое обеспечение боевой деятельности кораблей, Военно-Воздушных Сил, береговой обороны и сухопутных частей флота».

6 мая — получил донесение военно-морского атташе в Берлине М.А. Воронцова о готовящемся вторжении немцев, назначенном на 14 мая. Направил записку И.В. Сталину.

7 мая — приказал установить дозоры в устье Финского залива, минные заграждения на подступах к Таллину и Ханко — силами ОВРа.

весна — нарком ВМФ сделал вывод, что над нашим побережьем установлено наблюдение подводных лодок Германии, Финляндии и Румынии.

с начала 1941 г. и до начала войны — нарком ВМФ и ГМШ отправляли донесения И.В. Сталину и в Генеральный Штаб с информацией о подготовке немцев к войне, поступавшей из различных источников.

5 июня — издал приказ, обязывающий «об обнаруженных недочетах фактической оперативной готовности корабля, части, соединения флота, доносить мне как о чрезвычайном происшествии, выявлять лиц, проводивших последнюю проверку, и строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения».

13 июня — доложил И.В. Сталину факты, о которых ранее докладывал в Генеральный штаб и Наркомат обороны, о выводе всех немецких кораблей из советских портов и просил разрешить вывести все советские корабли из немецких портов, чем вызвал его крайнее неудовольствие. По этому случаю секретарь И.В. Сталина А.Н. Поскребышев зафиксировал в телефонограмме: «Сегодня Сталина И.В. в Кремле посетил адмирал Н.Г. Кузнецов. В докладе он упомянул, предоставив даже статистические данные, о выводе всех немецких кораблей из советских портов и просил разрешения вывести все советские корабли из немецких. «Хозяин» выпроводил его вон. Неужели адмирал не читал сегодняшнее сообщение ТАСС, опровергающее провокационные слухи о нападении Германии на Советский Союз? Всюду провокации… Все наши враги и ложные друзья пытаются стравить нас с Гитлером в своих интересах…»

14 июня — в газетах опубликовано сообщение ТАСС,

опровергающее слухи о нападении Германии на СССР.

— приказал всем флотам перейти на боевую готовность № 2, базам и соединениям — рассредоточить силы и усилить наблюдение за водой и воздухом, запретить увольнение личного состава из частей и с кораблей. Корабли приняли необходимые запасы, привели в порядок материальную часть, было установлено определенное дежурство. Весь личный состав остался на кораблях. Была усилена политработа среди краснофлотцев в духе постоянной готовности встретить и отразить врага.

июнь — направил начальника ГМШ ВМФ И.С. Исакова на ЧФ для участия в военных учениях, проводившихся с целью отработки высадки десанта и его отражения.

20 июня — ГВС ВМФ (председатель Н.Г. Кузнецов) принял решение об ускорении строительства военно-морских баз, особенно для Северного флота, об усилении противовоздушной обороны флота, разведки и дозорной службы, об увеличении состава Северного флота.

до начала войны — разработаны и введены в действие на всех флотах «Наставления» по организации боевой деятельности Военно-Воздушных Сил, подводных лодок и различных классов надводных кораблей.

21 июня (в 21.50) — связался с флотами, узнал обстановку и приказал (по телефону) действовать без промедления при получении приказа о переходе на высшую боевую готовность.

21 июня (в 23.00) — вызван к наркому обороны и проинформирован о возможном нападении в эту ночь фашистов. Приказал телеграммой флотам немедленно перейти на оперативную готовность № 1 и еще ранее — устно по телефону — перейти на готовность № 1, не дожидаясь телеграммы. Кроме приказа по телефону и телеграммой, отправил более пространную вторую телеграмму для военных советов флотов следующего содержания: «В течение 22—23 июня возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. Приказываю перейти на оперативную готовность № 1. Тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Кузнецов». Таким образом, высшая боевая готовность № 1 была объявлена на флоте в 00 час.

00 мин. 22 июня.

22 июня (в 03.07) — вражеские самолеты совершили налеты на главную базу в Севастополе и на Измаил с целою заблокировать ЧФ. Сбросили на входной фарватер базы и в Северной бухте электромагнитные мины. Их встретил огонь зенитной артиллерии. В полной боевой готовности встретили шквальный огонь с румынской стороны корабли Дунайской флотилии. Воздушным атакам подверглись также Лиепайская и Рижская ВМБ КБФ. Магнитные мины были сброшены с самолетов в районе Кронштадта. Были сброшены бомбы в районе главной базы СФ — Полярное. Однако нападение фашистской Германии не застало ВМФ врасплох. Флот не потерял ни одного корабля. Флоты и флотилии начали действовать согласно предвоенным планам обороны.

22 июня (в 03.15) — нарком ВМФ получил первое телефонное сообщение от командующего ЧФ Октябрьского Ф.С. о том, что на Севастополь совершен налет.

После звонка из Севастополя — пытался по телефону доложить обстановку И.В. Сталину, которого не нашел. Разговаривал с Маленковым Г.М. Последний перепроверил сведения Кузнецова, звонил в Севастополь.

22 июня (до 05.17) — под свою ответственность нарком ВМФ приказал передать флотам официальное извещение, что Германия начала нападение на наши базы и порты, которое следует отражать силой оружия.

22 июня в первые часы начала войны — приказал через ГМШ всем флотам: «Немедленно начать постановку минных заграждений по плану прикрытия». Первоначально намечалось ставить мины у германских военно-морских баз: Мемеля, Гдыни, Данцига. По распоряжению наркома план был изменен. Минные постановки авиация производила у финских баз и портов и на коммуникациях в шхерном районе, по которым из Германии следовали транспорты с войсками и боеприпасами. В течение июня — июля авиация КБФ поставила несколько заграждений из 105 неконтактных мин на фарватерах в районе Аландских шхер и на подходах к Турку. Сторожевые корабли, тральщики и торпедные катера выставили еще 128 контактных мин на выходах из шхер у островов Утэ и Эре. В середине сентября в этом районе подорвался и затонул финский броненосец береговой обороны «Ильмарине». Всего на центральной минно-артиллерийской позиции было поставлено 3059 контактных мин образца 1908 и 1926 годов и 498 минных заграждений. На Ирбенской позиции и в Рижском заливе было поставлено 1178 контактных мин и 40 минных заграждений.

— состоялся разговор с флотами и управлениями наркомата; «Больше оперативности, следить за каждым шагом противника, действовать решительно, не дожидаясь указаний сверху», — потребовал нарком.

— приказал ГМШ не терять управления флотами, контролировать положение на них, быть в курсе всех распоряжений Наркомата обороны.

— приказал заместителю начальника ГМШ В.А. Алафузову чаще информировать Генеральный штаб о событиях на флотах.

с 23 июня и по 10 июля — входит в Ставку Главного Командования.

23 июня — вызван к И.В. Сталину, в присутствии членов Политбюро и наркома обороны доложил о положении на флотах.

24 июня — обсудил с начальником ГМШ И.С. Исаковым развитие событий на флотах с анализом положения.

— по приказу № 1371 наркома ВМФ начальник ГМШ адмирал И.С. Исаков направлен в Ленинград в качестве заместителя Главкома по морской части. В годы войны нарком направлял на флоты начальника ГПУ ВМФ И.В. Рогова, адмиралов: Л.М. Галлера, Г.И. Левченко, В.А. Алафузова и др.

25 июня — приказал военному совету Северного флота начать военные действия против Финляндии.

26 июня — поставил задачу Черноморскому флоту обеспечить морские перевозки, и в первую очередь — топлива.

27 июня — принял решение о создании трех позиций обороны в восточной части Финского залива на линии о. Гогланд — губа Кунда для прикрытия Ленинграда, связанных единством замысла и явившихся серьезным препятствием для противника в попытках прорваться в восточную часть залива к Ленинграду.

29 июня — приказал Сааремаа и Хийумаа оборонять при любых условиях обстановки на сухопутном фронте, держаться за каждую пядь земли даже в условиях возможного окружения.

30 июня — приказал Черноморскому флоту уничтожить объекты нефтепромышленности в Плоешти.

июнь — сформирована Ладожская военная флотилия.

июнь — начало июля — приказал (по запросу Генштаба) выделить орудия калибра от 100 до 152 мм и отправить их под Вязьму.

3 июля — приказал в связи с нарушением связи между флотом и фронтом выставить на основных дорогах заслон морской пехоты, активно использовать авиацию для разведки, не ослабевая содействия войскам 8-й армии. Оборонять до конца Ханко, Эзель, Даго, район Таллина, отвести на восток и эвакуировать корабли и имущество, нужное для обороны.

5 июля приказал в целях успешного использования сил и средств Балтийского флота для защиты Ленинграда создать командование морской обороной Ленинграда и озерного района (МОЛ). Тяжелая сложилась бы в те дни обстановка в тылу Ленинграда с востока, в районе Невской Дубровки, если бы здесь не была вовремя создана флотом мощная Невская артиллерийская позиция Северного берега, не было бы кораблей, поддержавших нашу героическую пехоту. Невская группа армейских войск начала создаваться лишь в сентябре. Создание Невского укрепленного района из сил армии и флота сыграло колоссальную роль в обороне города.

12 июля — приказал поставить на ТОФ оборонительные минные заграждения для прикрытия от нападения с моря в направлении Владивосток, Владимир-Ольга, Советская гавань и Петропавловск-Камчатский.

13 июля — совместно со Сталиным И.В. и Шапошниковым Б.М. подписал с советской стороны соглашение, заключенное 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, что явилось первой крупной акцией на долгом и трудном пути создания коалиции.

22 июля — обратился с письмом к начальнику Генштаба А.М. Василевскому с предложением ряда мер по организации защиты перевозок по Каспийскому морю и Волге, усилению противовоздушной обороны этого района, увеличению числа плавучих батарей.

июль — воссоздана Азовская военная флотилия.

— сформирована Ильменская военная флотилия.

— сформирована Чудская военная флотилия.

конец июля — приказал на базе расформированной восточной позиции создать минную оборону Балтийского моря, возложить на нее задачу по постановке мин заграждения. Минными и сетевыми заграждениями, эскадренными миноносцами, действовавшими из Кронштадта днем и ночью, производилась эта постановка. Всего на восточной и тыловой позициях было поставлено 5657 контактных мин и 1480 минных защитников. Эффективность минных заграждений признана главкомом немецко-фашистского флота гросс-адмиралом Редером, отмечавшим, что «много судов нарвалось на мины на южном краю заграждений в Балтийском море (речь идет о Финском заливе), что повлекло за собой большие потери в людях и технике».

2 августа — приказал переформировать Беломорскую военно-морскую базу в Беломорскую военную флотилию.

7 августа — сформирована Онежская военная флотилия.

с 8 августа по 5 сентября — по предложению наркома, принятому Ставкой, и планом операции, разработанным наркомом и ГМШ, были нанесены бомбовые удары по Берлину советскими самолетами морской авиации. Личная ответственность за проведение операции была возложена Ставкой ВГК на Н.Г. Кузнецова. Общее руководство осуществлял командующий ВЕС ВМФ генерал-лейтенант С.Ф. Жаворонков.

август — установлен морской путь между Великобританией и северными портами СССР.

август — по личному указанию И.В. Сталина подготовлена директива об уничтожении Балтийского флота в случае захвата фашистами Ленинграда. Директива подписана Сталиным, Шапошниковым, Кузнецовым. «Ничего не должно достаться фашистам».

Являясь всю войну представителем Ставки ВГК по использованию сил флота и членом ГКО, Главкомом ВМФ с 1944 г. и членом Ставки ВГК с 1945 г., Н.Г. Кузнецов лично докладывал в Ставку о положении на фронтах, где действовали силы флота, когда командование направлений, медлило. Например, в критической ситуации в Таллине.

26 августа — просил разрешения на эвакуацию этой главной базы Балтийского флота. Докладывать и просить принять соответствующие меры должно было главнокомандование северо-западного направления, но оно медлило, а ждать дальше было нельзя. Ставка отдала приказ об эвакуации защитников Таллина и прорыве флота в Кронштадт для усиления обороны Ленинграда. В результате удалось сохранить боевое ядро БФ, сыгравшего важную роль в обороне Ленинграда.

12 сентября — начала действовать Дорога жизни. Когда блокадное кольцо фашистских войск замкнулось вокруг Ленинграда, нарком ВМФ и военный совет Ленинградского фронта, выполняя решение ГКО, поставили перед Ладожской военной флотилией важную задачу: обеспечить морские перевозки грузов через Ладожское озеро для осажденного города. Так родилась Дорога жизни (водная магистраль — летом и ледовая — зимой), сыгравшая важную стратегическую роль в войне. Моряки переправили по Дороге жизни более миллиона человек и доставили 1690 тысяч тонн грузов.

29 сентября — приказал ЧФ подготовить эвакуацию сил и средств флота.

30 сентября — приказал (совместно с ГМШ) военному совету ЧФ провести эвакуацию с учетом опыта эвакуации Таллина. В результате вывод войск и сил флота из Одессы был проведен

более организованно.

сентябрь — приказал (совместно с наркомом обороны) сформировать ГУ Гидрометеослужбы Красной Армии и Управление Гидрометеослужбы Советского Флота.

сентябрь — октябрь участвовал в Московской конференции представителей трех держав — СССР, Англии и США, на которой решались вопросы о военных поставках Советскому Союзу. По Военно-Морскому Флоту вопрос рассматривался вместе с наркомом ВМФ, имевшим свою заявку.

первая половина октября — подготовил проект решения и приказал (в соответствии с постановлением ГКО и указанием Ставки ВГК) выделить с флотом 35—40 тысяч моряков для формирования 25 морских стрелковых бригад. Приказал (совместно с ГМШ) отформировать для обороны Москвы 5—6 бригад из числа личного состава ТОФа и Амурской флотилии. Решение было утверждено постановлением ГКО от 18 октября 1941 г.

10 октября — отдал соответствующее распоряжение в связи с указанием Ставки ВГК об эвакуации всех управлений НК ВМФ в города Куйбышев и Ульяновск. Для организации работы в новых условиях и установления связи с флотами командировал в г. Куйбышев В.А. Алафузова.

16 октября — вылетел в Куйбышев. На месте распорядился размещением штаба, организацией оборудования командного пункта наркомата по вопросам установления связи с флотами. Не без труда отвоевал там нужные помещения для работников штаба и узла связи. Встретился с Н.А. Вознесенским и генералом М. З. Захаровым.

18 октября — вернулся в Москву.

19 октября — присутствовал на заседании ГКО, на котором было принято постановление о введении в Москве и прилегающих к ней районов с 20 октября осадного положения.

23 октября — приказал образовать в подчинении командующего войсками Московской зоны обороны первый морской отдельный отряд моряков в составе: батальона охраны НК ВМФ, батальона Московского флотского экипажа, гвардейского флотского дивизиона Р.С. («катюш»), дивизиона моряков ГГГО (противотанковых орудий).

октябрь 1914 г. — сформирована Волжская военная флотилия.

октябрь — выехал по приказу Ставки ВГК на Северный флот для организации и проверки подготовки встречи союзных конвоев. Уточнил, какие силы выделить в помощь английским кораблям, и определил порядок взаимодействия с англичанами.

начало ноября — немцы подошли к Севастополю. Нарком ВМФ, убежденный, что только командующий ЧФ может по-настоящему руководить обороной города, обратился в Генштаб с просьбой рассмотреть этот вопрос. В секретариат И.В. Сталина был направлен проект директивы, завизированный Б.М. Шапошниковым и Н.Г. Кузнецовым.

7 ноября — в соответствии с указанной выше директивой в Севастополь на имя адмирала Левченко отправлена телеграмма за подписями И.В. Сталина, Б.М. Шапошникова и Н.Г. Кузнецова, в которой от имени Ставки ВГК (с целью сковать силы противника в Крыму и не допустить его на Кавказ через Таманский полуостров) было приказано: считать главной задачей ЧФ — активную оборону Севастополя и Керченского полуострова; Севастополя не сдавать ни в коем случае.

— на Красной площади в Москве состоялся военный парад, в котором участвовали 1-й Московский отдельный морской отряд и две курсантские роты, созданные в августе 1941 г. по приказу адмирала Л.М. Галлера. С парада курсанты вместе с войсками 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И.В. Панфилова ушли на фронт, приняли на себя мощный удар вражеских танков под Волоколамском. Нарком ВМФ напутствовал и вручил боевое знамя командиру 1-го отдельного отряда моряков полковнику Смирнову и военкому Владимирову.

середина зимы 1941 г. — нарком ВМФ объявил на совещании командиров-подводников ЧФ о введении на флотах отделов подводного плавания, подчиненных непосредственно командующим, в целях совершенствования организации службы на лодках и лучшего освоения техники.25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г. — Керченско-Феодосийская операция. Она вошла в историю Великой Отечественной войны как «не только образец отваги воинов. Это была самая крупная десантная операция нашего флота, хорошо разработанная, несмотря на крайне сжатые сроки ее подготовки. Действия нашего флота мы оцениваем по тому, насколько полезны они были для общего дела борьбы с врагом… Что принесло пользу стране, то и надо признать разумным в действиях флота» (Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 149). В разработке и проведении этой операции участвовал и нарком ВМФ. В результате в Крыму был создан новый фронт. Противник потерял возможность вторгнуться через Керченский полуостров на Кавказ и был вынужден прекратить наступление под Севастополем, оборона которого продолжалась еще полгода.

1942 г.

Деятельность наркома ВМФ имела свои особенности. Они

заключались в том, что он ставил задачи флотам на каждый год, руководствуясь сложившейся обстановкой на огромном сухопутном фронте. Подчиняя действия флота интересам армии, нарком и его аппарат анализировали состояние боевой готовности флотов, результаты выполнения задач в морских операциях и определяли новые, исходя из конкретной оперативно-стратегической обстановки. Так, например, на 1942 г. нарком ВМФ поставил Северному флоту следующие задачи: не допустить захвата районов базирования флота, прорыва кораблей и высадки десантов в Кольском заливе, Иоканке и Белом море, содействовать флангу 14-й армии авиацией, артогнем, десантными и морскими перевозками, продолжить нарушение перевозок противника в Норвежском и Баренцевом морях и запретить использование Петсамо в качестве конечного пункта перевозок; активизировать действия подлодок, авиации и надводных кораблей против боевых кораблей и транспортов противника, систематически производить активные минные постановки; обеспечить движение внешних конвоев усилением охранения и всеми видами обороны в прибрежной зоне; сохранить морскую коммуникацию Мурманск — Белое море — Арктика.

12 января — приказал преобразовать Краснознаменный смешанный авиаполк в 20-й гвардейский Краснознаменный авиаполк.-

16 марта — командировал во Владивосток (в связи с директивой ВГК Дальневосточному фронту, Тихоокеанскому флоту и Амурской военной флотилии разработать и уточнить планы боевых операций на случай внезапного нападения Японии) начальника ГМШ адмирала И.С. Исакова для разработки совместно с военсоветом ТОФа плана предохранительных мер.

3 апреля — приказал удостоить гвардейского звания крейсер «Красный Кавказ» на ЧФ (пр. № 137), подводные лодки М-171, М-174, Д-3, К-22, эсминец «Стойкий», минный заградитель «Марат» («Ока») и тральщик Т-205 на С.Ф. Родилась морская гвардия, традиции которой сохраняются экипажами современных кораблей, унаследовавших гвардейские военно-морские флаги кораблей-героев.

4 апреля — утвердил и ввел в действие план предохранительных мер на ТОФе, которым предусматривались усиленная разведка подводными лодками у японских баз, повседневная воздушная разведка самолетами на юг до Гензана и на восток к берегам Японии, не нарушая границ.

апрель — приказал сформировать на Онежском озере онежский отряд кораблей, более сильный, чем флотилия, с

непосредственным подчинением наркому ВМФ.

апрель — вылетел вместе с С.М. Буденным по указанию Ставки ВГК на Керченский полуостров в связи с подготовкой там наших войск к наступлению. «Фашистская авиация висела над проливом и городом. В штабе фронта царила неразбериха. Мехлис вмешивался во все оперативные дела… Побывал в Керченской базе и бригаде морской пехоты, вылетел в Новороссийск, а оттуда в Пота, где стояла эскадра флота». Здесь наркома ВМФ застало известие о наступлении врага на Керченском полуострове. Наши войска оказались в критическом положении. Когда положение в Керчи стало катастрофическим, Мехлис попытался свалить ответственность на командира Керченской базы Фролова, потребовал у Н.Г. Кузнецова отдать его под суд, в противном случае грозился расстрелять его своим приказом. «Этого вы не посмеете сделать!» — заявил Кузнецов Мехлису, защитил и отстоял Фролова (см.: Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С 170).

до 10 апреля — не раз поднимает в Ставке ВГК вопрос о необходимости лучшей организации управления Черноморским флотом.

10 апреля — доказывает И.В. Сталину необходимость смены командования в Севастополе.

апрель — май — видя, что защитникам Севастополя не хватает оружия, послал в Ставку ВГК телеграмму: «В базах ЧФ имеется до 5000 прекрасных бойцов, могущих быть использованными для обороны Севастополя, но не имеющих оружия. Убедительно прошу в срочном порядке выделить 5000 винтовок».

23 апреля — принял решение и приказал военному совету Беломорской военной флотилии строить военно-морскую базу в Йоканке.

апрель — рассмотрел, насколько эффективно используется корабельная артиллерия в общей системе обороны Ленинграда. Огненным щитом стали орудия фортов «Красная Горка» и «Серая лошадь», а также крепости Кронштадт. Заметил, что корабельная артиллерия, обладающая высокой мощностью и дальностью стрельбы, нередко используется недостаточно эффективно из-за того, что многие командиры сухопутных частей ставят задачи флотской артиллерии без понимания ее специфики. Добился директивы, отданной начальником Генштаба войскам, использовать корабельную артиллерию в интересах сил фронта, как артиллерию РВГК, не планируя для нее тех целей, которые могли подавляться полковыми и дивизионными орудиями.

апрель — встретился с прибывшим в Москву послом США В.

Стэндли, согласовал вопросы, связанные с увеличением морских перевозок из США в СССР и оказанием содействия американским представителям в Архангельске.

25 мая — приказал создать Соловецкую школу юнг ВМФ: «В целях создания кадров будущих специалистов флота высокой квалификации, требующих длительного обучения и практического плавания на кораблях ВМФ, приказываю:

1. К 1 августа 1942 г. сформировать при учебном отделе Северного флота школу юнг ВМФ с дисклокацией на Соловецких островах. Плановые занятия начать с 1 сентября 1942 г.

2. Школу юнг подчинить командиру учебного отряда Северного флота.

3. Школу укомплектовать юношами в возрасте 15—16 лет, имеющими образование в объеме 6—7 классов, исключительно добровольцами…»

В приказе приведен перечень специальностей, по которым шла подготовка юнг, указывался порядок формирования и материального обеспечения школы. Одновременно вводились в действие «Положение о юнгах ВМФ СССР» и «Правила приема в школу юнг ВМФ».

май — встретился с бывшим послом СССР в США К.А. Уманским по вопросу о необходимости дальнейшего развития деловых отношений с США, связанных с поставками по ленд-лизу; решил ряд вопросов, касавшихся морских перевозок и поставок военных грузов Советскому Союзу.

21 июня — приказал учредить гвардейский Военно-морской флаг СССР и гвардейский Краснознаменный Военно-морской флаг СССР для отличия кораблей, личный состав которых проявил массовый героизм и мужество. Торжественное вручение и подъем гвардейского Военно-морского флага СССР состоялись на первых гвардейских кораблях, объявленных таковыми приказом наркома ВМФ.

27 июня — трагическая гибель конвоя PQ-17. Под давлением адмиралтейства У. Черчилль, опасаясь дальнейших потерь, пытался прекратить отправку конвоев до наступления полярной ночи. Нарком ВМФ СССР неоднократно докладывает в Ставке ВГК о сложившейся ситуации, получает указания и готовит проекты телеграмм советскому представителю в Великобритании и лично Черчиллю с настоятельными просьбами продолжать отправку грузов Северным путем.

18 июля — приказал ввести на флоте отличительный знак для раненых военнослужащих ВМФ.

— приказал ввести в действие «Правила ношения орденов, медалей и нагрудных знаков военнослужащими ВМФ».

18 августа — приказал обеспечить сбор конвоев в районе Новой Земли и защищать новоземелъские проливы, сформировать Новоземельскую ВМБ в губе Белушья.

26 сентября — издал специальную директиву ЧФ, в которой указал на необходимость усилить активность флота по нарушению морских перевозок у западного побережья Черного моря и особенно на путях сообщения с Крымом и Северным Кавказом.

начало ноября — выехал на Краснознаменный Балтийский флот.

10 ноября — награжден моряками КБФ пистолетом «Браунинг-III» № 1839 с кобурой и ремнем (с металлической накладкой и гравировкой: «Наркому ВМФ адмиралу Кузнецову Н.Г. от эскадры КБФ»).

14 ноября — выступил на совещании командующего состава КБФ с оценкой начала боевых действий флотов, состояния материальной части флотов, личного состава, боевого управления, подготовки операций и руководства ими; речь шла: о неумении предусмотреть все, что нужно; об организации флота в целом: ВВС, БО, флот, тыл, базы, ОВР, ПВО; о выполнении своих задач всеми флотами.

31 декабря — определил директивой следующие задачи флотам на 1943 г.: защищать свои и нарушать вражеские коммуникации, содействовать приморскому флангу Сухопутных войск, оборонять побережье и поддерживать выгодный оперативный режим в своей зоне. Главная задача (для Северного флота) — совместная с военно-морскими силами союзников защита внешней коммуникации, а в период между операциями по обеспечению конвоев — нарушение коммуникаций противника.

в течение 1942 г. — нарком ВМФ постоянно следил за формированием морских стрелковых бригад для помощи армейским соединениям. На различных фронтах войны сражались 21 бригада морской пехоты и свыше 30 морских стрелковых бригад, несколько десятков отдельных полков и батальонов морской пехоты.

— награжден моряками 3-й гвардейской бригады пистолетом системы «Парабеллум-III» № 5558 (с металлической накладкой и гравировкой: «Наркому ВМФ Адмиралу Кузнецову Н.Г. от моряков 3-й гвардейской бригады. 1941—1942»).

1943 г.

— определил Черноморскому флоту на предстоящий период действовать по морским коммуникациям группировки войск противника на Таманском полуострове и считать это первоочередной задачей.

конец января — поднял в Ставке ВГК вопрос о целесообразности воссоздания расформированной в октябре 1942 г. Азовской флотилии.

3 февраля — подписал приказ о воссоздании Азовской флотилии под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова.

3 марта — приказал сформировать на Каспийской флотилии оборону Астраханского рейда в составе дивизиона плавучих батарей (4 батареи), отряда кораблей охранения, отряда тральных средств и других сил и средств.

10 мая — приказал организовать противоминную оборону Волги и Волго-Каспийского канала, состоявшую из бригады траления трехдивизионного состава (48 вымпелов, 104 поста) СН и С Астраханской ВМБ. Было сформировано управление старшего морского начальника для руководства движением конвоев, шедших вдоль восточного побережья Каспийского моря.

17 июля — приказал ввести в действие «Корабельный Устав Военно-Морского Флота СССР 1943 г.», состоящий из двух частей (1. Боевая служба корабля. 2. Повседневная служба корабля) и приложения к части 2-й («Правила службы корабельных нарядов»). В статье № 121 Устава получило дальнейшее развитие очень важное положение, требующее от командира корабля, как главы экипажа, воспитывать у личного состава чувство гордости за свой корабль, стремление сохранить и приумножить его боевые традиции. Правильность и жизненность основных положений Устава 1943 г. подтверждает тот факт, что он оставался без существенных изменений вплоть до 1951 г.

лето — вылетел вместе с маршалом Г.К. Жуковым по приказу Ставки ВГК в район Новороссийска с целью организовать помощь Сухопутным войскам силами ЧФ.

— вылетел в Сталинград и Саратов по поручению Ставки ВГК и ГКО для организации оказания помощи новому командующему Волжской флотилией Ю.А. Пантелееву и принятия решительных мер для обеспечения движения судов по Волге. К осени все волжские фарватеры были очищены от фашистских мин.

13 августа — обязал своей директивой КБФ развернуть борьбу за Нарвско-Гогландскую укрепленную позицию, являвшуюся первой блокадной линией противника, захватить десантом ключевые острова этой позиции — Гогланд и Тютерс — и продолжить вывод подводных лодок в Балтийское море. После прорыва блокады основной проблемой КБФ поставил вывод сил из Финского залива в Балтийское море.

16 октября — создано Тбилисское нахимовское училище.

декабрь — доложил Верховному Главнокомандующему, что практика оперативного руководства флотами показала

необходимость ее некоторого изменения. Командующие фронтами ставят подчиненным флотам задачи только на текущие операции. Задачи флотам, которые они решают самостоятельно на морском направлении (борьба на морских коммуникациях, набеговые действия на береговые объекты и др.), ставит нарком ВМФ, согласовывая их с Генштабом. Просил распоряжения И.В. Сталина, чтобы в будущем директивы исходили из Ставки.

1943 г. — дал на флоты шифровку в связи с Курской битвой: «Учесть обстановку и в пределах поставленных оперативных задач повысить свою боевую активность, приковывая силы противника к побережью и этим помогая частям Красной Армии в кратчайший срок парализовать попытки противника к наступлению». Для хода и исхода летне-осенних сражений самостоятельные действия ВМФ на океанских, морских и речных коммуникациях имели важное значение.

1944 г.

февраль — присвоено звание «Адмирал флота» (с четырьмя звездами на погонах).

2 марта — И.В. Сталин объявил наркому ВМФ выговор (постановление ГКО № 5278) «За непринятие мер к предупреждению неправильных действий командования ЧФ при подготовке и проведении операций кораблей» (Пр. по НК ВМФ от 04.03.44 № 0060).

31 марта — вышла директива Ставки ВГК, принятая по предложению наркома ВМФ. в которой были сформулированы основные принципы управления силами флота и их взаимодействия с другими видами Вооруженных Сил. Все флоты и флотилии во всех отношениях подчинялись наркому ВМФ. На отдельных этапах войны они могли быть переданы в оперативное подчинение командующих соответствующих фронтов, округов, армий, которые ставили им задачи, утвержденные Ставкой ВГК, касающиеся проведения операций: десантных, противодесантных, по поддержке приморского фланга Сухопутных войск, против береговых объектов противника. Не связанные непосредственно с фронтами задачи, решаемые только военно-морскими силами, ставились флотам и флотилиям лично наркомом ВМФ.

— в соответствии с директивной Ставки ВГК нарком ВМФ стал именоваться Главнокомандующим Военно-Морскими Силами СССР.

— директивой Ставки ВГК № 24123 Черноморский, Северный флоты и Беломорская флотилия непосредственно подчинены наркому ВМФ. С 1944 г. нарком ВМФ и ГМШ самостоятельно разрабатывают крупные операции, согласовывая их с Генштабом или командующими фронтами на местах, полностью отвечают за

их проведение.

1 мая — награжден медалями «За оборону Кавказа» № 000013) — вручена 6 октября 1944 г., «За оборону Москвы» № 008595) — вручена 22 июля 1944 г.

31 мая — присвоено звание «Адмирал Флота» (с маршальскими звездами на погонах) (постановлением СНК СССР). Звание приравнено к званию Маршала Советского Союза (см. Табель о рангах 1944 г.).

21 июня — по ходатайству НК ВМФ и Ленинградского комитета ВКП(б) постановлением СНК СССР в Ленинграде создано нахимовское военно-морское училище для обучения и воспитания сыновей-сирот, чьи родители погибли во время войны.

27 июля — награжден орденом Ушакова 1-й степени (№ 5) «За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» (Указ ПВС СССР). Орден вручен 1 августа 1944 г.

24 августа — предложил исполкому Ленинградского горсовета принять решение установить навечно, как памятник, Краснознаменный крейсер «Аврора» на Неве у Петроградской набережной по р. Большая Невка против здания Ленинградского нахимовского училища.

август — вылетел вместе с Г.К. Жуковым по заданию Ставки ВГК в Румынию с целью организации и координации действий ЧФ с фронтами при подготовке наступления на Болгарию.

сентябрь — сформирована Днепровская военная флотилия.

3 ноября — награжден орденом Красного Знамени.

27 ноября — КБФ полностью подчинен Главнокомандующему ВМС.

1944 г. — награжден кортиком (от трудящихся г. Златоуста).

1945 г.

январь — направил директиву КБФ провести в январе — мае в центральной и южной Балтике в районе от Курляндского полуострова до Померанской бухты операцию по нарушению морских сообщений гитлеровцев.

2 февраля — введен в состав Ставки Верховного Главнокомандования. Директивы и приказы наркома ВМФ флотам до этого момента шли также от Ставки ВГК.

4—11 февраля — в составе советской делегации принимает участие в Крымской конференции в Ялте.

21 февраля — награжден орденом Ленина (№ 23507). Орден вручен 1 марта 1945 г.

9 мая — награжден медалью «За победу над Германией» (№

947).

28 июня — награжден орденом Ушакова I степени (№ 17) «За образцовое выполнение боевых заданий». Орден вручен 10 июля.

июнь — июль — определил и разработал совместно с начальником ГМШ вопрос взаимодействия ТОФ и Амурской военной флотилии для плана предстоящих операций на Дальнем Востоке.

— организовал и провел совещание командующих и начальников штабов по вопросам организации взаимодействия сил ТОФ и Краснознаменной Амурской флотилии с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, на котором были уточнены вопросы подготовки и высадки десантов в порты Северной Кореи и в ходе продвижения 25-й армии вдоль побережья. Действия Амурской флотилии совместно с Сухопутными войсками в армейских наступательных операциях планировались до деталей.

17 июля — 2 августа — в составе советской делегации принимает участие в Потсдамской конференции.

24 июля — создано Рижское нахимовское училище.

3 августа — доложил и согласовал в Ставке ВГК планы кампании на ТОФ. Вылетел на Дальний Восток.

7 августа — И.В. Сталин подписал директиву о начале военных действий против Японии 9 августа 1945 г. 8 августа правительство СССР объявило войну Японии.

август — начало сентября — осуществлял координацию действий ТОФ и Краснознаменной Амурской флотилии с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов.

14 сентября — присвоено звание Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР. Вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза (№ 8608) и орден Ленина № 54389), а также Грамота Героя Советского Союза № 11727) с текстом: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флота и достигнутые в результате этих операций успехи».

30 сентября — награжден медалью «За победу над Японией».

сентябрь — награжден медалью «Освобождение Кореи».

— награжден оружием — опытным образцом пистолета «Балтиец» (№ 2) с металлической накладкой с надписью: «Наркому ВМФ Адмиралу флота Кузнецову Н.Г. от коллектива завода № 181».

— награжден пистолетом «браунинг» — Бельгия (№ 1080051).

1941—1945 гг. — как по заданиям Ставки, так и по своей инициативе нарком ВМФ часто вылетал на тот фронт и флот, где

возникала наиболее сложная ситуация. Десятки раз выезжал он на флоты и в штабы фронтов, в том числе:

сентябрь 1941 г. — при обороне Ленинграда;

1942—1943 гг. — при подготовке и проведении войсками Приморских фронтов и силами флотов десантных операций на Черноморском побережье (Новороссийская и Керченско-Эльтигенская операции);

1943 г. — при обороне Сталинграда и ь битве за Волгу;

1944 г. — в ходе Выборгской и Петсамо-Киркинесской наступательных операций;

1945 г. — при подготовке и проведении операций в ходе войны с Японией;

1941—1945 гг. — при организации и решении вопросов по проведению союзных конвоев, усиления их охранения; вопросов, связанных с морскими перевозками и поставками военных грузов странами-союзницами Советскому Союзу.

— на флоты и фронты нарком ВМФ нередко направлял своих заместителей: И.С. Исакова (до ранения в 1942 г.), Л.М. Галлера, начальника Главпура ВМФ И.В. Рогова, адмиралов Г.И. Левченко, В.А. Алафузова и др.

— нарком ВМФ организовывал и координировал деятельность флотов в совместных с сухопутными частями операциях, непосредственно участвовал в разработке планов проведения операций, в том числе тех, замысел которых зарождался в Ставке ВГК; вносил предложения по операциям и планам их проведения Верховному Главнокомандованию, в том числе: по налетам на Берлин, по обеспечению союзных конвоев, по защите их кораблей в портах и др.; самостоятельно ставил задачи по усилению борьбы на коммуникациях противника, высадке десантов, воинским перевозкам, эвакуации грузов, населения и войск, блокаде участков побережья, занятого противником, по содействию Сухопутным войскам в операциях по обороне и освобождению приморских городов и территорий побережья, защите собственных коммуникаций и нарушению коммуникаций противника, по высадке десантов и наращиванию сил на отвоеванных территориях, по поддержке фланговых соединений огнем корабельной и береговой артиллерии, по поводу снабжения и подкреплений.

сентябрь 1945 г. — подготовил и представил в правительство десятилетнюю программу строительства ВМФ, включавшую производство авианосцев — больших и малых, крейсеров с 9" арт., новых подводных лодок и эсминцев с универсальной артиллерией, и вызвавшую споры, которые явились одной из основных причин снятая Н.Г. Кузнецова с должности.

Строительство кораблей осуществлялось после его ухода «в ином духе».

1946 г.

12 января — направил доклад за № 50сс Председателю СНК СССР о том, что опыт войны показывает необходимость иметь единую организацию всех Вооруженных Сил. Доклад нигде не рассматривался и не обсуждался.

январь — избран депутатом ВС СССР (2-го созыва) по Севастопольскому избирательному округу Крымской обл. (деп. билет № 188). Газета «Красный Черноморец» писала, что «в т. Кузнецове каждый член экипажа видел своего воспитателя, который учил военному делу и морской культуре, порядку и был сам образцом военного моряка».

конец января — по решению И.В. Сталина Балтийский флот был разделен на два. Категорическое возражение и несогласие с таким решением также явилось одной из причин снятия Н.Г. Кузнецова с должности.

25 февраля — вышел Указ Президиума ВС СССР об упразднении Наркомата ВМФ (был вновь воссоздан в 1950 г.).

с 21 марта 1946 г. по 19 февраля 1947 г. — работал в должности заместителя министра Вооруженных Сил и Главнокомандующего ВМС в соответствии с постановлением СМ СССР № 629.

21 мая — награжден орденом «Крест Грюнвальда» 1-го класса (№ 118707) Президиумом Национального Общепольского Совета (Крайовой Рады Народовой).

— награжден орденом «Комендорский Крест» (ПНР).

8 июня — награжден орденом «Партизанская Звезда 1-й степени» (№ 890) Президиумом Народной Скупщины ФРЮ.

— награжден орденом «Народного освобождения» (№ 356) (ФРЮ)

19 сентября — поставлено на вид за недостаточное внимание к руководству по переводу судов из Германии в Советский Союз (постановление СМ СССР № 2138—868 ГК ВМФ).

7 ноября — выступил на совещании ВВС ВМФ по вопросам коренного улучшения организации работы в ВВС ВМФ после войны, устранения недостатков с учетом будущего.

конец года — выступил перед профессорско-преподавательским составом ВМУЗов в Ленинграде по вопросам подготовки офицерских кадров для настоящего и будущего ВМФ.

в течение года — инициировал вопрос о защите флота и ВМБаз от атомного оружия.

— в докладе на совещании конструкторов поставил вопрос о необходимости разработки новых проектов кораблей для ВМФ с

учетом использования последних достижений в области науки и техники: кибернетики, электроники и атомной энергии.

— по указанию И.В. Сталина комиссия под председательством маршала Л. Говорова проверила деятельность Главкома ВМС и ГМШ.

1947 г.

с 19 февраля по 8 ноября 1947 г. — работал начальником Управления ВМУЗов в Ленинграде (приказ ВМС № 0153).

— избран депутатом Ленгорсовета 2-го созыва по избирательному округу 195 Дзержинского района Ленинграда.

8 ноября — отозван в Москву вместе с адмиралами Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым и Г.А. Степановым. Главком ВМС Юмашев И.С. и начальник штаба ВМФ Головко А.Г. сообщили, что бывшему руководству наркомата предъявлены обвинения в незаконной передаче союзникам во время войны секретной документации на парашютную торпеду; основанием явилось письмо офицера минно-торпедного управления ВМФ капитана 1-го ранга В. Алферова.

11 декабря — на совещании у маршала Н.А. Булганина принято решение судить четверых адмиралов «судом чести».

12 декабря — принято постановление СМ СССР, подписанное И.В. Сталиным, о предании бывших руководителей ВМФ «суду чести».

— приказом маршала Н.А. Булганина определен состав суда.

1948 г.

12—15 января — состоялся «суд чести» над адмиралами в клубе Главного штаба ВМФ. «Обвинения в адрес «подсудимых» сыпались, как из дырявого ведра. Выступавшие требовали как можно строже наказать адмиралов, «потерявших бдительность» и «опозоривших советский флот». Все указания суду шли от Сталина либо через Булганина. «Свое суждение иметь» судьи не решились. Несмотря на все это, вина адмиралов не была доказана», — вспоминали впоследствии адмиралы В.А. Касатанов, Ю.А. Пантелеев, Н.Д. Сергеев и другие, присутствовавшие на процессе. Тем не менее было принято решение передать дело в Военную коллегию Верховного суда СССР.

16 января — Сталин подписал постановление СМ СССР об утверждении решения «суда чести», о подготовке дела к рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР, которое поручалось военному прокурору Вооруженных Сил СССР. Был утвержден состав суда во главе с Ульрихом. Дело слушалось в закрытом судебном заседании коллегии без обвинения и защиты.

18 января — Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело и начала допрос адмиралов.

29 января — вынесено постановление о привлечении адмиралов к уголовной ответственности. С них снимаются допросы уже как с обвиняемых.

31 января — следствие закончено. Вынесено обвинительное заключение с требованием придать всех обвиняемых суду и направить дело в Военную коллегию Верховного суда СССР.

2 февраля (в 1245) — открытие судебного заседания.

3 февраля (в 00.30) — оглашение приговора. В.А. Алафузов и Г.А. Степанов приговорены к 10 годам лишения свободы, Л.А. Галлер — к четырем. Кроме того, они лишены всех воинских званий и государственных наград. Н.Г. Кузнецов признан виновным, «однако, учитывая большие заслуги Кузнецова Н.Г. перед Союзом ССР в деле организации Военно-Морского Флота как в данный период, так и особенно в период Великой Отечественной войны, Военная коллегия Верховного суда, руководствуясь ст. 8 УК РСФСР, постановила не применять к Кузнецову Н.Г. уголовного наказания, постановила ходатайствовать перед СМ Союза ССР о снижении Кузнецова Н.Г. в воинском звании до контр-адмирала».

10 февраля — снижен в воинском звании до контр-адмирала постановлением СМ СССР № 283—114. (Отменено 13.05.53.)

11 февраля — постановление объявлено приказом № 012 Министерства Вооруженных Сил.

22 февраля — награжден медалью «XXX лет Советской Армии и Флота».

с 8 марта по 12 июня 1948 г. — находился в распоряжении Главнокомандующего ВМС.

с 12 июня 1948 г. по 20 февраля 1950 г. — работал в должности заместителя Главнокомандующего войсками Дальнего Востока по ВМС (согласно приказа по ВМС № 01120).

1949 г. — руководил крупной военной игрой (учениями) войск на Дальнем Востоке.

1950 г.

с 20 февраля 1950 г. по 20 июля 1951 г. — работал командующим 5-м Военно-морским флотом (согласно приказа ВМС № 0317).

15 ноября — награжден орденом Красного Знамени «За долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» (№ «З»-5935).

1950 г. — избран депутатом ВС РСФСР 3-го созыва по особому избирательному округу — Порт-Артур (депутатский билет № 772).

1951 г.

27 января — получил очередное воинское звание «вице-

адмирал» (постановление СМ СССР № 257 объявлено приказом ВМС № 16 от 28.01.51),

лето (до 20 июля) — выступил на Главном военно-морском совете против отмены гарантийного срока на вновь построенные корабли.

с 20 июля 1951 г. по 16 марта 1953 г. — работал военно-морским министром СССР.

25 августа — выступил на партактиве Военно-морского министерства СССР.

1 сентября — отправил Председателю СНК СМ СССР доклад № 2222 об устаревшем флоте, о кораблях, построенных по старым проектам, о реактивном вооружении и по другим флотским вопросам, о необходимости ряда крупных и срочных мер по флоту. Добиться рассмотрения вопросов не удалось. «…Ни формально, ни по существу меня нельзя обвинять в тех кораблях, которые построены в период 1947—

1951 гг. Программа была принята без меня и против моих предложений. Строительство велось в мое отсутствие».

в течение года — запрашивает инстанции о судьбе своих товарищей и пишет письма об облегчении их участи.

1952 г.

22 февраля — выступил на торжественном собрании личного состава ВМФ в связи с 34-й годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота.

июнь — отправил Председателю СМ СССР доклад об основных недостатках по оружию и технике ВМС. 7 августа

1952 г. этот вопрос рассматривался на заседании Президиума СМ СССР.

23 июля — награжден орденом Ленина (№ 216081) «За заслуги перед государством и ВМФ и в связи с 50-летием со дня рождения».

31 июля — в связи с непринятием должных мер, несмотря на доклады о недостатках в судостроении и вооружении, направляет в адрес Сталина, Булганина и Маленкова доклад № 2476 о недостатках в судостроении. Вопрос рассматривался на заседании Бюро Президиума СМ СССР. «Этот доклад был воспринят как направленный против кого-то и никакого решения не получил. Была написана записка В.А. Малышева по моему докладу, где я обвиняюсь в антигосударственном деле, «охаиваю» самые современные корабли. Резолюция на нем закончила это дело».

7 августа — вопросы, поставленные Н.Г. Кузнецовым в докладе от июня 1952 г., рассмотрены на Бюро Президиума СМ СССР. Принято решение: «Придавая важное значение представленным Военно-Морским Министром т. Кузнецовым

материалам по данному вопросу, поручить Бюро по военно-промышленным и военным вопросам тщательно разобраться в этих материалах и в 10-дневный срок доложить Бюро Президиума Совета Министров заключение и предложения по каждому виду оружия и техники». В докладе Н.Г. Кузнецова по каждому разделу были изложены основные недостатки и предложения по их устранению. При этом в предложения включены только те вопросы, которые Военно-морское министерство собственными силами решить не могло: недостатки надводных кораблей — низкие мореходные качества, слабость зенитного и противолодочного вооружения, недостаточная скорость кораблей ПЛО, интенсивная коррозия корпусов, ненадежность отдельных механизмов, устройств и систем; недостатки ПЛ М-XV серии и 613 пр., отставание в развитии и перевооружении авиации ВМС; недостатки минно-торпедного, трального и противолодочного оружия; низкие темпы и эффективность разработки реактивного оружия для флота; недостатки в развитии радиолокационных и гидроакустических средств».

10 августа — выступил перед личным составом ВМФ в связи с Днем Военно-Морского Флота СССР.

5—14 октября — участвовал (как делегат) в работе XIX съезда ВКП(б) с правом решающего голоса от Московской областной партийной организации; избран членом ЦК ВКП(б). Членский билет № 58.

1953 г.

12 февраля — выступил перед избирателями. Избран депутатом Моссовета (4-го созыва) по избирательному округу № 1222.

март — в связи с возникновением после смерти И.В. Сталина многих организационных вопросов и подтверждая свою точку зрения на необходимость единой организации Вооруженных Сил СССР, отправил в правительство копию доклада от января 1946 г. о единой организации, построенной не на простом слиянии двух министерств, а с учетом накопленного в войну и позже опыта.

16 марта — постановлением СМ СССР № 783 Военно-морское министерство слито с Министерством обороны без учета точки зрения военно-морского министра Н.Г. Кузнецова.

с 16 марта 1953 г. по 8 декабря 1956 г. — был назначен (постановлением СМ СССР № 7о3) и работал первым заместителем министра обороны СССР — Главнокомандующим ВМС.

11 мая — постановлением пленума Верховного суда Союза ССР приговор Верховной коллегии от 3 февраля 1948 г. отменен, и дело за отсутствием в делах адмиралов состава уголовного

преступления производством прекращено.

13 мая — запрашивает Верховный суд СССР о судьбе адмирала Л.М. Галлера, получает ответ от председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А. Чепцова: «Сообщаю, что по извещению МВД СССР Галлер Лев Михайлович, 1883 года рождения, умер 12 июля 1950 г. в Казани».

— восстановлен в прежнем воинском звании «Адмирал Флота», полученном во время войны, постановлением СМ СССР № 1254—504 с. Отмечено постановление СМ СССР № 283—114 с. от 10 февраля 1948 г.

25 июля — выступил перед общественностью с докладом на торжественном собрании, посвященном Дню Военно-Морского Флота СССР в ЦПКиО им. Горького.

6 августа — направил в правительство доклад (№ 1832сс) о необходимости решить назревшие вопросы флота по десятилетнему плану судостроения.

1953 г. — направил в правительство копию доклада о необходимости иметь единую организацию всех Вооруженных Сил. Доклад остался без обсуждения.

1954 г.

9 февраля — выступил с речью на вечере, посвященном 50-летию со дня героического подвига моряков крейсера «Варяг», в Доме Советской Армии (г. Москва).

20 февраля — выступил с речью на торжественном собрании личного состава органов управления ВМС, посвященном 36-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота, в Центральном театре Советской Армии.

4—6 марта — в связи с выдвижением в депутаты Верховного Совета СССР выступил перед избирателями — рабочими завода № 890, личным составом судостроительного батальона, рабочими и служащими заводов «Ильмарине», «Вольта», № 7, комбината «Балтийская мануфактура», кондитерской фабрики «Калев», резиновой фабрики «Пыхьяла», ремонтно-механического завода № 4, в Политехническом институте, перед военнослужащими Калининградского Северного избирательного округа Эстонской ССР.

14 марта — избран депутатом ВС СССР (4-го созыва) от Калининградского Северного избирательного округа Эстонской ССР. Депутатский билет № 352.

27 марта — обратился к делегатам конференции — коммунистам ВМУЗов (Ленинград) на партийной конференции ВМУЗов (обращение зачитано адмиралом Кучеровым).

31 марта — представил в правительство доклад,

согласованный в Министерстве обороны и в Генштабе, о десятилетнем плане судостроения. Доклад рассматривался на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС. Однако рассмотрение плана, как и создание комиссии для дальнейшего и детального его рассмотрения, было отложено. Решения приняты не были.

22 мая — выступил с докладом в Доме офицеров флота в Кронштадте на торжественном собрании, посвященном 250-летию со дня основания Кронштадтской военно-морской крепости.

23мая — участвовал в военно-морском параде на большом рейде и в сухопутном параде на Якорной площади Краснознаменной Кронштадтской военно-морской крепости в связи с 250-летием со дня ее основания.

1954 г. — добился решения об установке первого опытного образца реактивного оружия на крейсере «Адмирал Нахимов» на Черноморском флоте. Крейсер «Адмирал Нахимов» и береговая оборона флота закончили установку опытных образцов нового оружия. Береговая установка «Стрела» была испытана стрельбой.

— вместе с тт. Малышевым В.А. и Завенягиным А.П. рассматривает проекты атомной подводной лодки и утверждает первый проект; тогда же приступают к строительству первой атомной подводной лодки.

— вновь ставит перед министром обороны и в правительстве вопрос о необходимости рассмотрения программы судостроения для ВМФ и жизненных для флота проблем.

1955 г.

январь — изложил свое мнение на запрос Н.А. Булганина о назначении министром обороны маршала Г.К. Жукова.

3 марта — к прежнему званию «Адмирал Флота» в связи с Указом Президиума ВС СССР добавлены слова «Советского Союза».

27 апреля — получил грамоту и маршальскую звезду в Президиуме ВС СССР.

апрель — составил и представил в ЦК КПСС проект доклада о десятилетнем плане создания кораблей, вооруженных реактивным оружием.

— пытается добиться рассмотрения программы судостроения и решения флотских вопросов перед Министерством обороны, Президиумом ЦК КПСС. Решения по программе откладываются.

май — совместно с Носенко подготовил доклад о необходимости разработки и создания комплекса гироскопических устройств и счетно-решающих приборов для ПЛ, вооруженных ракетным оружием.

— ставит перед министром обороны вопрос о необходимости

немедленной разработки реактивного оружия дальнего действия для П.Л. Жуков нашел аргументы убедительными и, в свою очередь, обратился по этому вопросу в ЦК КПСС.

— инфаркт.

26 мая — обратился к министру обороны с письмом, в котором просил освободить от должности по состоянию здоровья. Ответа не последовало.

12 июня — исполняющим обязанности Главкома ВМС по рекомендации Н.Г. Кузнецова назначен командующий Черноморским флотом вице-адмирал С.Г. Горшков. (С 5 мая 1956 г. назначен на эту должность постоянно.)

сентябрь — октябрь — по рекомендации врачей, выписавшись из госпиталя, находился на санаторном лечении в Крыму.

до 27 октября — выехал из Крыма в Москву. В день приезда узнал о взрыве на линкоре «Новороссийск». Вылетел в Севастополь.

29 октября — «…на месте в Севастополе уже работала правительственная комиссия. В комиссию по расследованию не включаюсь. События против меня» (К трагедии с «Новороссийском». Рукопись хранится в личном архиве Н.Г. Кузнецова).

ноябрь — «разбирается дело по «Новороссийску». Несмотря на мои просьбы, никто не принимает меня. Дело разбирается без меня» (К трагедии с «Новороссийском»).

8 декабря — снят с должности первого заместителя министра обороны СССР — Главнокомандующего ВМС постановлением Президиума ЦК КПСС (согласно протокола № 172) и постановлением СМ СССР № 2049—1108 «за неудовлетворительное руководство ВМС». Решение принято без вызова и заслушивания Н.Г. Кузнецова.

15 декабря — направил письмо министру обороны СССР маршалу Г.К. Жукову. Ответа не получил.

с 8 декабря 1955 по 18 февраля 19о6 г. — в распоряжении МО СССР.

1956 г.

14 февраля — присутствовал в качестве делегата с правом совещательного голоса на XX съезде КПСС. (Удостоверение № 112, мандат в Музее Революции в г. Ленинграде.)

15 февраля — вызван к министру обороны маршалу Г.К. Жукову и выслушивает в течение 4—5 минут объявление решения об увольнении из армии без права надеяться на восстановление.

17 февраля — снижен в звании и уволен в отставку.

18 февраля — приказом министра обороны уволен из кадров ВМС в отставку с правом ношения формы.

февраль — получил выговор по партийной линии, о котором узнал лишь 13 лет спустя, в 1968 году.

1 марта — получил через нарочного МО на дому увольнительные документы и пенсионное удостоверение с правами «обычного» пенсионера.

8 июля — обратился с письмом к министру обороны СССР маршалу Г.К. Жукову с просьбой принять по ряду вопросов, касающихся ВМФ, перечислил в письме номера документов, о которых хотел говорить. Ответа не получил. Принят не был.

1957 г.

8 ноября — обратился с письмом в Президиум ЦК КПСС с просьбой поручить разобрать дело. Ответа не получил.

Конец 50-х — начало 60-х гг. — находясь на пенсии, начал изучать английский язык, переводить работы зарубежных авторов. Зародились мысли написать об увиденном и пережитом.

1962 г.

до 5 июля — написал письмо АФ СССР С.Г. Горшкову с просьбой проверить и сообщить, нет ли новых выводов о гибели линкора «Новороссийск». Отправил письменное изложение своих соображений о трагедии.

5 июля — получил ответ (№ 700/1/106) следующего содержания: «Ничего нового сообщить Вам по существу этого вопроса в настоящее время не имею возможности. С. Горшков».

1963 г.

— Написал статью для Военно-исторического журнала об адмирале Л.М. Галлере. На ее корректуре познакомился с содержанием резолюции С.Г. Горшкова: «Не печатать, прославляет себя. С. Горшков». Статья была опубликована

1964-1947 гг.

— ежедневно работает над мемуарами, статьями по истории отечественного флота, воспоминаниями о соплавателях. Участвует в общественной жизни страны. Встает на партийный учет в парторганизации Института общей и педагогической психологии АПН СССР. Ведет семинар. Выступает перед учеными, студентами, читателями, общественностью в различных организациях с воспоминаниями и рассказами об исторических событиях, об истории Советской Армии и Военно-Морского Флота, о Великой Отечественной войне, о людях, с которыми работал и которых знал.

1964 г.

28 ноября — написал и отправил письмо министру обороны СССР маршалу Р.Я. Малиновскому. Был принят. На просьбу заняться рассмотрением дела получил отказ с мотивировкой, что вопрос решался высшими инстанциями. «Хрущев почему-то на

Вас сердит», — буквально сказал он мне и развел руками» (личный архив Н.Г. Кузнецова).

— узнал, что маршалу М.В. Захарову поручено подготовить «какое-то решение по моему делу», отправил письмо в Президиум ЦК КПСС на имя Л.И. Брежнева с просьбой вызвать для разбора дела. Ответа не получил. Вызван не был.

1966 г.

— получил от маршала А.М. Василевского копию письма, отправленного в ЦК КПСС по вопросу восстановления Н.Г. Кузнецова. (В 1956—1988 гг. общественность, моряки-ветераны, служащие в ВМФ, семья адмирала отправляли письма в высшие инстанции и на имя всех Генеральных Секретарей ЦК КПСС с просьбами разобраться по существу и восстановить справедливость. Решения не принимались вплоть до 26.07.88.)

1967 г.

27 декабря — награжден медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР». Вручена в сентябре 1969 г.

1968 г.

19 февраля — награжден медалью ПНР «За вашу и нашу свободу».

до начала мая — обратился (в связи с постановлением правительства о пересмотре пенсий Героям Советского Союза) к министру обороны А.А. Гречко с просьбой написать ходатайство о пересмотре пенсии. Зав. административным отделом ЦК КПСС Н.И. Савинкин информировал Н.Г. Кузнецова по телефону, что для решения пенсионного вопроса необходимо снять выговор по партийной линии, который он имеет.

9 июня — отправил письмо Н.И. Савинкину в ЦК КПСС с сообщением, что ничего не знает о партийном взыскании.

25 июня — принят Н.И. Савинкиным, показавшим решение 1956 г., но не ознакомившим с его основаниями. Просьбу ознакомить с основаниями отклонил, сославшись на вышестоящие органы. Для снятия партийного взыскания посоветовал написать министру обороны А.А. Гречко и начальнику ГПУ СА и ВМФ генералу Епишеву.

26 июня — написал и отправил письма в оба адреса с просьбой поддержать ходатайство о снятии партийного взыскания.

1969 г.

31 марта — в связи с тем, что узнал о партийном взыскании (спустя 13 лет после его объявления), написал письмо в ЦК КПСС с просьбой объяснить основания.

1 апреля — принят Пельше в связи со снятием партийного взыскания. Передать письма Л.И. Брежневу с просьбой

разобраться в деле, ознакомиться с материалами, на основании которых снижен в звании, Пельше отказался.

лето — получил прибавку к пенсии, новое пенсионное удостоверение. Назначена пенсия в 380 руб.

1971 г.

— работал на общественных началах в качестве военного консультанта в Главной редакционной комиссии научного труда «История второй мировой войны 1939—1945 гг.». Написал и отправил замечания по труду в адрес академика П.Н. Поспелова и Главкома ВМС С.Г. Горшкова. В изданном 2-м томе замечания учтены не были.

1972 г.

лето — награжден монгольским орденом «За боевые заслуги» (№ 2402).

1974 г.

ноябрь — заболел, госпитализирован в больницу на ул. Грановского.

3 декабря — оперирован по поводу кисты на почке. Во время операции сердце не выдержало. Развился обширный инфаркт миокарда.

6 декабря — в 1 час. 15 мин. — Н.Г. Кузнецов скончался в возрасте 70 лет.

9 декабря — прощание с Н.Г. Кузнецовым в Доме Советской Армии. Похороны на Новодевичьем кладбище.

1988 г.

26 июля — посмертно восстановлен в звании «Адмирал Флота Советского Союза», которое он получил еще во время Великой Отечественной войны (Указ Президиума ВС СССР № 9296-XI)[100].

26 июля — приказом министра обороны СССР № 255 Указ Президиума ВС СССР № 9296-XI о восстановлении Н.Г. Кузнецова в прежнем воинском звании объявлен среди личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Н.Г. КУЗНЕЦОВА

1939

Выступление на XVIII съезде ВКП(б) 17 марта 1939 г. // Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б). — М.: Госиздат политической литературы, 1939.

То же // Морской сборник. — М., 1939, № 4—5.

Строительство могучего Военно-Морского Флота кровное дело всего советского народа (Доклад на торжественном заседании общественности г. Москвы в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького 24 июля 1939 г.) // Морской сборник. — М., 1939.

1940

Учения Краснознаменного Балтийского флота (Выступление на разборе учений 8 сентября 1940 г.). // Морской сборник. — М., 1940, N > 10.

1941

Военно-Морской Флот Советского Союза. — М. — Л.: 1941.

Военно-Морской Флот в Отечественной войне // Морской сборник. — М., 1944, № 7.

О стратегических задачах флотов и флотилий в ходе войны // Там же.

Речь на предвыборном митинге в Севастополе // Красный флот. — 1946. — 9 февраля.

То же // Красный Черноморец. — 1946. — 7 февраля.

Советский Военно-Морской Флот // Красный флот. — 1946. — 28 июля.

1953

Военно-Морской Флот советской державы // Правда. — 1953. — 24 июля.

1954

Боевое содружество Армии и Флота // Известия. — 1954. — 23 февраля.

То же// На вахте. — 1954. — 23 февраля.

Верный страж морских рубежей // Правда. — 1954. — 25 июля. Советский моряк // Советский моряк. — М., 1954, № 1. Славный подвиг русских моряков // Правда. — 1954. — 9 февраля. То же // Красная звезда. — 1954. — 9 февраля.

1959

Испанский флот в национально-революционной войне 1936—1939 гг. // Из истории освободительной борьбы испанского народа. Сб. ст. — М.: Изд-во АН СССР, \959.(Под псевдонимом: Н.

Николаев.)

1961

Будущее гидросамолета (пер. с англ.) // Военный зарубежник. — 1961, № 12.

Освоение Арктики (пер. с англ.) // Военный зарубежник. — 1962, N > 3.

Являются ли подводные лодки-ракетоносцы полноценным оружием устрашения (пер. с англ.) // Военный зарубежник. — 1962, № 10.

Подо льдом к полюсу (пер. с англ. кн. Джеймса Кальверта). — М.: Воениздат, 1962.

Испанский флот в борьбе за республику // Военно-исторический журнал. — 1962, № 3.

1963

В Картахене (Из воспоминаний советского моряка) // Испанский народ против фашизма (1936—1939). Сб. ст. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Вся жизнь флоту (об адмирале Л.М. Галлере) // Военно-исторический журнал. — 1963, N° 3.

1964

Встречи с маршалом Блюхером // Октябрь. — 1964, № 11. Флагман флота 2-го ранга (о И.К. Кожанове) // Военно-исторический журнал. — 1964, № 8.

1965

Во дворце Бабельсберг // Нева. — 1965, № 5.

Военно-Морской Флот накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. — 1965, № 9.

Война на море (1939—1945) (пер. с англ. кн. Ч. Нимица и Э. Поттера. — н. II) — М.: Воениздат, 1965.

Дни незабываемые и прекрасные (оМ. Кольцове) // Литературная Россия. — 1965. — 13 октября.

Михаил Кольцов, каким он был // Советский писатель. — М. — 1965. — С. 297-302.

Патриотизм и культура (интервью) // Советская культура. — 1965. т- 4 декабря.

Первый налет на Берлин //Литературная Россия. — 1965. — 4 марта.

Перед войной // Октябрь. — 1965, № 8, 9, 11.

То же // Helsingin Sanomat (на фин. яз.) — 1965.

То же // Вечерний Ленинград. — 1965. — 16 октября (отр. из кн.).

То же (Враг у самых ворот) // Боевая вахта КТОФ. — 1965. — 24 сентября.

Перед великим испытанием // Нева. — 1965, № 11.

Потсдам, 1945 // Новое время. — 1965, № 30. — 23 июля (на англ., нем., испанск., чешском и польском языках).

Страницы былого // Вопросы истории. — 1965, № 4.

Флагман флота 1-го ранга (о В.М. Орлове) // Военно-исторический журнал. — 1965, № 6.

Ялта — Потсдам // Вопросы истории. — 1965, № 5.

То же (на фин. яз.) // Kansan Untiset. — 1965 (пер. из журн. Вопросы истории. — 1965, № 4, 5.

1966

Во дворце Бабельсберг // Нева. — 1966, № 5.

Компаньеро русо // Нева. — 1966, № 7.

Легендарные дни Испании // Труд- — 1966. — 17, 19 июля.

Моряки на защите столицы // Нева. — 1966, N° 12.

Моряки в обороне столицы // Провал гитлеровского наступления на Москву. Сб. ст. — М.: Наука, 1966.

На далеком меридиане. — М.: Наука, 1966.

Накануне. — М.:* Воениздат, 1966.

Перед войной // Международная жизнь. — 1966, №5—12 (на англ. яз.).

С испанскими моряками против фашизма // Вопросы истории. — 1966, № 5.

Трудная и героическая пора // Вышли мы все из народа. — М.: Политиздат, 19об.

Человек с горячим сердцем (о Р.А. Муклевице) // Октябрь. — 1966, № 1.

Шли в бой моряки // Труд. — 1966. — 25 октября.

1967

Война //Международная жизнь. 1967, № 4—12. Перед войной //Международная жизнь. 1967, № 1—3 (на англ. яз.). Под знаменем Испанской республики. — Варшава, 1967 (на польском яз.).

То же. — М.: Прогресс. — 1967 (на исп. яз.).

1968

Атакует С-13 // Нева. — 1968. № 7.

Военные моряки в Сталинградской битве // Сталинградская эпопея. — М.: Наука, 1968.

Война// Международная жизнь. 1968, № 1—12.

Годы войны // Октябрь. 1968 № 8, 9, 12.

Моряки защищают Волгу // Нева. 1968, 186 2.

Моряки в Сталинградской битве // Вопросы истории. 1968, № 2.

Об обороне Ленинграда // Оборона Ленинграда. Сб. ст. — Л.: Наука, 1968.

1969

Видный политработник армии и флота (об И.В. Рогове) // Военно-исторический журнал. 1969, № 8.

Война// Международная жизнь. 1969, № 1—3.

Накануне. — М.: Воениздат, 1969 (второе издание).

Перед войной. — София, 1969 (на болт. яз.).

Предисловие // Ладога родная. — Л., 1969.

Упущенные возможности. О переговорах военных миссий СССР, Англии, Франции в августе 1939 г. // Новая и новейшая история. 1969, № 6.

1970

О Дне Победы // Военно-исторический журнал. 1970, № 5.

Операции на море // США 1970, № 5.

От Ялты до Потсдама // 9 мая 1945 г. Сб. ст. — М.: Наука, 1970.

То же // Литературная Грузия. 1970, № 3.

Победная весна 1945 года // Новая и новейшая история. 1970. — № 1.

Потсдам: страницы воспоминаний // Литературная газета. 1970. — 29 июля.

Разгром милитаристской Японии // Новое время. 1970, JVfe 36.

Ялта, февраль 1945 г. // Новое время. 1970. 5 февраля.

Ялта — 25 лет спустя // Днес и утре. 1970, N° 3; Аурора. 1970, № 4—5 (на болт, яз).)

Четверть века спустя //Литературная Грузия. 1970, N° 5.

Накануне (отрывок из книги). — Прага. 1970 (на чешек, яз.).

1971

Крах конвоя PQ-17. Предисловие к кн. Д. Ирвинга. — М.: Воениздат. 1971. (Книга вышла под ред. Н.Г. Кузнецова.)

Крах конвоя PQ-17. Рецензия на кн. Д. Ирвинга // Вопросы истории. 1971, № 5.

На далеком меридиане. — М.: Наука, 1971, 2-е изд.

Накануне. — Прага, 1971 (на чешек, яз.).

На северных морских дорогах // Новая и новейшая история. 1971, № 2.

242

На флотах боевая тревога. — М.: Воениздат 1971. От Ялты до Потсдама // Литературная Грузия. 1971, № 6 (окончание; начало в № 3 за 1970 г.).

1972

Боевые вымпелы над Онегой. Предисловие к кн. // Карелия. — Петрозаводск, 1972.

В конце второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1972, № 5.

На флотах боевая тревога. — Прага, 1972 (на чешек, яз.).

Памятные дни 1945 года // Военно-исторический журнал. 1972, № 8, 9.

Шефство комсомола над ВМФ // Комсомольская правда. 1972. 12 сентября.

1973

День Военно-Морского Флота // Архангельский комсомол — Военно-Морскому Флоту. Сб. ст. — Северо-Западное кн. изд-во, 1973

Накануне. — Берлин, 1973 (на нем. яз.).

На флотах боевая тревога. — София 1973 (на болг. яз.).

1974

Воспоминания о Б.М. Шапошникове. Вместо предисловия // Воспоминания Шапошникова Б.М. — М.: Воениздат, 1974; То же: Новая и новейшая история. 1974, № 1.

Главным курсом // Октябрь. 1974, № 1,2.

День первый и день последний// История СССР. 1974, № 5.

Керченско-Эльтигенская десантная операция // Военно-исторический журнал. 1974, № 8.

Награды моряков (К 30-летию учреждения орденов и медалей Ушакова и Нахимова) // Военно-исторический журнал. 1974, Nq 3.

Суровые были войны. Предисловие // Гангут. Сб. ст. — Л., 1974.

На флотах боевая тревога. Берлин. 1974 (на нем. яз.).

То же. — М.: Прогресс. 1974 (на франц. яз.).

1975

Курсом к победе. — М.: Воениздат, 1975.

Некоторые вопросы океанско-морских операций английского и американского флотов в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1975, № 4.

То же // Морской сборник. 1975, № 7, 8.

Так кончилась война // Спутник. 1975, № 4.

Накануне. — Будапешт. 1975 (на венг. яз.).

1976

Курсом к победе. — М.: Воениздат, 1976.

На флотах боевая тревога. — Будапешт, 1976 (на венг. яз.).

1978

Курсом к победе. — Варшава, 1978 (на польск. яз.).

1979

Курсом к победе. — Берлин, 1979 (на нем. яз.). На флотах боевая тревога. — Берлин, 1979 (на нем. яз.). Советский флот в войне 1941—1945 гг. — М.: Прогресс, 1979 (на исп. яз.).

1982

Адмирал Красного Флота. Записки из личного архива // Наука и жизнь. 1982, № 9 (публ. Н. Кудряшова при участии В.Н. и Р.В. Кузнецовых).

1987

Курсом к победе. — М.: Воениздат, 1987.

1988

На далеком меридиане. — М.: Наука, 1988, 3-е изд, доп.

Крутые повороты // Правда. 1988. 29 июля (публ. Р.В. Кузнецовой).

Чему учила война // Красная звезда. 1988. 29 июля (публ. Р.В. Кузнецовой).

Победа обошлась нам очень дорого (интервью с докт. ист. наук, проф. Г.А. Куманевым // Советская Россия. 1988. 29 июля (публ. Г.А. Куманева).

Накануне: Неопубликованные страницы глав книги. (Организация — ключ к победе и др.) //Москва, 1988. № 5 (публ. Р.В. Кузнецовой).

Слово о друге: Флотоводец (об адмирале Л.А. Владимирском) // Советская Россия. 1988. 25 сентября (публ. Р.В. Кузнецовой и А. Дятлова).

Курсом к победе. — Берлин, 1988 (на нем. яз.).

На флотах боевая тревога. — Берлин, 1988 (на нем. яз.).

1989

Курсом к победе. — М.: Воениздат, 1989. Накануне. — М.: Воениздат, 1989, 3-е доп. изд.

1991

Накануне. Курсом к победе. — М.: Воениздат, 1991.

Начало войны не было «громом с ясного неба» (Из записок Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова) // Правда. 1991. 20 июля (публ. Р.В. Кузнецовой).

1992

Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими // Военно-исторический журнал. 1992, № 1.

Крутые повороты: Из записок адмирала (сокр. вариант) // Военно-исторический журнал. 1992, № 12, 1993, № 1—4, 6, 7, 10 (публ. Р.В. Кузнецовой и В.Н. Кузнецовой).

Законность нужна не только мне (мемуары без ретуши) // Красная звезда. 1992. 11 ноября (публ. Р.В. Кузнецовой).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Некоторые современники, даже из числа адмиралов на больших должностях в настоящем или прошлом, прочитав «Крутые повороты», оценили их как оправдания Николая Герасимовича за взлеты, а вернее — за периодические «падения». Но это мнения отдельных людей, лично не знавших и не служивших вместе с выдающимся флотоводцем, бескомпромиссным человеком, открытым в своих суждениях и поступках, заботливым по отношению к подчиненным, доброжелательным и объективным в суждениях о сослуживцах, в оценках начальников и знакомых. В этих качествах человека, отдавшего всю свою жизнь делу служения Родине, своему народу через создание, строительство, повседневную и боевую деятельность Военно-Морского Флота, никто из знавших Николая Герасимовича Кузнецова, служивших с ним, не только не сомневается ни на йоту, но помнит его с глубочайшим уважением, любовью и в своей службе стремится быть похожим на него. Вечная ему слава и покой.

В «Крутых поворотах» Николай Герасимович, казалось бы, пишет о себе, о крутых поворотах своей судьбы. Мы, хорошо знавшие его, его личную скромность, объективность по отношению к себе, его успехи и неудачи в службе, понимаем, что все это не драма отдельного человека на фоне истории, а сама история, великая и трагическая история Советского Военно-Морского Флота, за честь которого боролся адмирал Н.Г. Кузнецов, отстаивая его интересы перед государством. Он открыто противоречил всем начальникам, включая членов правительства, принижавшим роль и значение флота из зависти или по своей безграмотности, тем, кто и по сию пору считает Россию в геостратегическом отношении сугубо сухопутной державой, хотя и располагающей 40 тысячами километров морской границы из имеющихся 60 тысяч.

Абсурдно было бы утверждать, что все военные победы Россия одерживала только на сухопутье. За триста последних лет истории флот России, его свершения под руководством Петра I, Спиридова, Ушакова, Сенявина, Лазарева, Нахимова, Макарова, Эссена уже нельзя вычеркнуть из истории. Нельзя вычеркнуть из нее и советский флот, его заслуги в Великой Отечественной, многочисленные десанты, оборону побережья, борьбу с врагом на морских коммуникациях и многое другое.

Нужно признать, что значение флота в обороне государства понимал Сталин, и не только понимал, а лично проводил

решения по созданию мощного океанского флота, о чем справедливо пишет Николай Герасимович в «Крутых поворотах». Сталин оценивал флот как верного помощника армии в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии, по его инициативе были учреждены ордена и медали Ушакова и Нахимова. К сожалению, как показывает Кузнецов, руководство Министерства обороны, в том числе и Жуков, не знало флота, не любило его и не занималось им, видимо, по причине больших ассигнований, требуемых на создание и содержание флота. На совещаниях по обсуждению кораблестроительных программ (на части из них мне довелось присутствовать) армейские руководители при Сталине робко возражали, а обоснованные, логичные доказательства Н.Г. Кузнецова о необходимости создания мощных Военно-Морских Сил, в конечном итоге одобряемые Сталиным, просто их раздражали. По тем же причинам перед войной Генеральным штабом не было организовано оперативно-стратегического взаимодействия Сухопутных войск и сил флота. Вследствие этого Ставка ВГК пошла по линии наименьшего сопротивления — подчинила отдельные флоты по географическому принципу командующим приморскими флотами. Нарком ВМФ Кузнецов, будучи членом Ставки, сумел через командующих фронтами деятельно руководить силами флотов как в совместных, так и в самостоятельных операциях.

Следует сказать о некоторых противоречиях во взглядах Н.Г. Кузнецова на систему управления Военно-Морским Флотом. Будучи наркомом, он отрицал вмешательство в военно-морские дела Генерального штаба, что привело бы к рассмотрению вопросов флота на уровне незначительной должности морского офицера невысокого ранга. Вместе с тем он пишет о том, что считал правильным положение вещей, при котором Главморштаб являлся аппаратом Генштаба, но с сохранением всех прав наркома ВМФ. Мы пережили, причем неоднократно, и самостоятельное существование Наркомата-министерства ВМФ и Главкомат Минобороны. И то и другое имело свои положительные и отрицательные стороны. Кроме флота, есть и другие роды войск: ПВО, авиация, ракетно-стратегические войска, — и все они должны быть стратегически и оперативно увязаны. По моему мнению, наилучшей организацией для решения всех этих вопросов является комитет начальников штабов при Президенте по примеру США. Это, пожалуй, единственное, в чем Николай Герасимович выражает сомнительное суждение. К сожалению, в вопросах руководства Вооруженными Силами мы и сегодня не преуспели, а вернее сказать, еще больше запутали их.

Я назвал историю флота трагической, и это соответствует истине. Судьба флота зависела и пока зависит от социальной, экономической, международной политики государства и от личностей, руководящих страной. Во всех областях наша страна пережила много «крутых поворотов», повинуясь воле руководителей государства, в том числе и откровенно волюнтаристского типа. Флот просто не успевал в своем строительстве и приспособлении к задачам, вытекающим из политики и экономики государства.

В 1922 году впервые была провозглашена «оборонительная военная доктрина». После гражданской войны в наследие нам достались 121 боевой корабль и 44 катера в очень плохом техническом состоянии. Необходимы были замена кораблей новыми образцами и восстановление боеспособности имеющихся. В условиях разрухи во всех областях и слабой судостроительной базы была выработана и принята концепция создания и использования для обороны берегов и подходов к ним малого, так называемого «москитного флота». Строили в основном торпедные, артиллерийские, сторожевые (пограничные) катера, небольшие (прибрежного действия) тральщики и латали старые корабли — это все, что могла себе позволить страна в то время. В середине 30-х годов в стране развилась и окрепла индустрия. Изменилась экономическая ситуация, иными стали промышленные возможности. В это же время сформировался блок фашистских государств. Международная обстановка диктовала необходимость крепить обороноспособность страны, в числе прочего следовало усилить ВМФ современными кораблями, подводными лодками. Была проведена обстоятельная дискуссия на тему «Каким быть Военно-Морскому Флоту и какие задачи он призван решать». В ней приняли участие ученые, руководители и специалисты промышленности. В ходе дискуссии выработалось два направления. Одни отдавали предпочтение подводному флоту, другие — линейным кораблям и тяжелым крейсерам. Подводя итоги, начальник ВМС РККА Р.А. Муклевич объявил: «… Строить будем разные корабли и подводные лодки, нужные для обороны, а не для войны за обладание морями и господства на океанах, поэтому отпадает необходимость в строительстве линейных кораблей и крупных крейсеров». В 1938 году в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) уже другой начальник ВМС — В.М. Орлов, представил в Совет Труда и Обороны кораблестроительную 10-летнюю программу, предусматривавшую строительство крупных серий линейных кораблей, тяжелых крейсеров и проектирование авианосца. Видимо, Сталина ознакомили с теорией Мехена и Коломба,

другое объяснение этой программе трудно дать.

В 1937 году был образован Наркомат ВМФ. В 1939 году наркомом был назначен Н.Г. Кузнецов. Его предшественники повлиять на судьбу судостроения были не способны. Осуществить программу 1938 года помешала война (возможно, это и к лучшему, так как линейные корабли, тяжелые крейсера, постройка которых началась, были только обузой, и они разделили бы судьбу «Марата», «Октябрьской Революции», «Тирпица», «Ямато»). К началу войны советский флот состоял из тысячи кораблей различных классов (7 1фейсеров, 59 лидеров и эсминцев, 212 подводных лодок, 2о9 торпедных крейсеров, более 2 тысяч самолетов).

После войны судьба флота сложилась долее драматично. Министр Вооруженных Qui Г.К. Жуков совершенно отстранился от дел и проблем, связанных с флотом. Сталин был занят восстановлением разрушенной страны, серьезными международными проблемами, и курирование флота было поручено В.М. Молотову, который с пониманием относился к нуждам флота, докладам Н.Г. Кузнецова, но, как пишет Николай Герасимович, кроме Сталина, никто, в том числе и Молотов, самостоятельно принимать решение не мог. Необходимо же было решать вопросы кораблестроения с учетом опыта войны. Необходима была разработка новых проектов кораблей с использованием последних достижений науки и техники, кибернетики, электроники, атомной энергетики.

В личном архиве Н.Г. Кузнецова есть копия доклада правительству с кораблестроительной программой, которая не была принята. Корабли продолжали строить не по замыслам руководства ВМФ, а по решению правительства, отражавшим интересы промышленности. В июне 1952 года Н.Г. Кузнецов направил письмо Председателю Совмина, в котором изложил основные недостатки по строящимся кораблям и вооружению: низкая мореходность, слабое противовоздушное вооружение, недостаточная скорость противолодочных кораблей, слабая гидроакустика, интенсивная коррозия корпусов, недостатки подводных лодок XV серии и проекта 613, низкие темпы разработки реактивного оружия, ненадежность отдельных механизмов и устройств. 31 июля 1952 года Николай Герасимович направляет аналогичный доклад в адрес Сталина, Булганина, Маленкова. Вопрос рассматривался на Бюро Президиума Совмина, и позиция военно-морского министра, его справедливое беспокойство о качестве кораблей и вооружения были расценены с позиций В.А. Малышева как «попытка охаять наши лучшие в мире корабли», на чем вопрос и был закрыт.

В 1953 году Первым секретарем ЦК КПСС становится Н.С. Хрущев, человек своеобразный, увлекающийся новыми идеями, в высшей степени — волюнтарист. Его «новшества» во всех областях жизни государства не обошли и Военно-Морской Флот. Ознакомившись с первыми двумя дизельными подлодками с крылатыми ракетами небольшой дальности и посмотрев их стрельбы на Черном море, а также с подводной лодкой проекта 611, вооруженной баллистической ракетой дальностью 800 км на Тихоокеанском флоте, Хрущев сделал вывод, что все проблемы решают ракеты, а корабли и авиация нам не нужны. Несмотря на доказательные, смелые и настойчивые возражения Н.Г. Кузнецова (а я присутствовал при этом), Г.К. Жуков был аналогичного с Хрущевым мнения о флоте. Генералитет, сидевший в президиуме, молчал. Когда Хрущев дошел до танков, заявив: «…Надо посмотреть, нужны ли нам танки?», Р.Я. Малиновский бросил тихую реплику: «Ну это уже, Никита Сергеевич, чересчур».

Для флота настал очередной «черный период». В это время в стадии строительства находились семь крейсеров типа «Яков Свердлов» водоизмещением 16 тысяч тонн, с четырьмя трехорудийными башнями 180-мм артиллерии и шестью двухорудийными универсальными 100-мм. Будучи в высокой степени готовности (80—90%), эти крейсера отвечали всем требованиям того времени. Все семь кораблей были разрезаны на металл. Была ликвидирована Амурская флотилия, а ее мониторы со 130-мм современными орудиями также порезаны. Эта же участь постигла ряд других вполне исправных кораблей, нужных флоту. Морские самолеты Ил-28 были разложены с убранными шасси на взлетных полосах и рулежных дорожках (я это знаю по Тихоокеанскому флоту) и раздавлены гусеничными тракторами.

Ни Г.К. Жуков, ни (впоследствии) Р.Я. Малиновский в дела флота не вмешивались. А.А. Гречко прямо говорил: «Не надо вмешиваться в решения моряков, они сами разберутся со своими делами». Фактически же разбирались не специалисты флота, а промышленный комплекс через ЦК КПСС, в котором военную промышленность курировал выходец из оборонпрома Д.Ф. Устинов. Впрочем, это происходило уже после 1956 года, когда Н.Г. Кузнецов был уволен в отставку в звании вице-адмирала. Начинался другой, но столь же сложный для флота период.

Крутые повороты в политике государства обусловили и «крутые повороты» в судьбе Николая Герасимовича Кузнецова. Они подробно изложены в книге. В своих мемуарах он вовсе не оправдывается, да ему и не в чем было оправдываться, а описывает свои «взлеты» на службе Родине и свои неоднократные «падения». Причиной последних была его открытая, честная

борьба с несправедливостью в отношении флота. Этому Николай Герасимович посвятил всю свою жизнь. Это подтверждается и многочисленными письменными отзывами о выдающемся советском флотоводце, написанными его бывшими сослуживцами, подчиненными. Семья Николая Герасимовича располагает множеством письменных свидетельств самых разных людей, моряков, писателей, кинематографистов, чьи жизненные пути соприкоснулись с судьбой Н.Г. Кузнецова, и все они проникнуты большим уважением и любовью к нему. Поместить все отзывы в одном издании не представлялось возможным, но назвать некоторых авторов, видимо, необходимо. Это адмиралы Ю.А. Пантелеев, В.Ф. Трибуц, В.А. Касатонов, И.И. Азаров, В.В. Виноградов, Г.И. Щедрин, А.Т. Чабаненко, писатели В. Рудный, Н. Флёров, дипломат И.М. Майский, кинематографисты М. Ромм, В. Николаева, бывший первый секретарь Приморского крайкома Н.М. Пегов.

Николай Герасимович в «Крутых поворотах» описывает все перипетии снятия его с должностей, снижений в звании. Два эпизода требуют некоторого разъяснения для полного понимания причин гибели линкора «Новороссийск» и обмена злополучной торпеды РАТ-52 на английский трал «ЛАЛ». Эта два события взаимосвязаны. Кроме того, гибель «Новороссийска» до сегодняшнего дня имеет различные толкования причин, да и своего мнения Н.Г. Кузнецов в «Крутых поворотах» определенно не выразил.

В 1944 году я был назначен начальником штаба 4-й бригады траления КБФ (командиром бригады был ныне покойный контр-адмирал Белов). Бригада была большая — 12 дивизионов тральщиков, 157 кораблей от больших до малых катерных тральщиков. Финский залив был похож на суп с клецками — нами и немцами были выставлены сотни тысяч мин. Судоходство было почти полностью парализовано. Шло интенсивное траление, чтобы как можно быстрее пробить безопасные для плавания фарватеры. С якорными минами мы справлялись успешно, уничтожали их, вытравливая до тысячи в сутки. Тралили днем и ночью. Справились и с защитниками минных полей. Это мины, выставляемые немцами на малом заглублении от поверхности, а вместо минрепа (троса) применялись цепи, которые обычными резаками не подрубались. Нашли выход — к резакам трала прикреплялся тротиловый пакет для подрыва цепи, а за катерными тральщиками шли большие и вытравливали якорные мины, поставленные против больших кораблей. Но мы столкнулись и с немецким новшеством — электромагнитными минами, которые массово применялись на глубинах до 40 метров.

Эта мина «RMH» представляла собой деревянный ящик на колесиках, начиненный взрывчатым веществом ТГА (тротилгексагеналюминий), размером в кубический метр. Мощность взрыва была в 1,6 раза больше, чем у тротила. Внутри мины находился сложнейший механизм с приборами срочности приведения в боевое положение (от немедленного до месяца) и прибором кратности (от 1 до 16), реагирующим на определенный по счету проход над миной или вблизи нее корабля. Начальная чувствительность мины составляла 4 миллиэрстеда (0,31 А/М). Со временем она постепенно грубела. Никаких тралов против этих мин мы не имели, и корабли подрывались на тщательно протраленных от якорных мин фарватерах. Единственно, что нами было придумано, — это таскать, как правило, деревянным тральщиком на буксире 500-метровой длины большую металлическую баржу, нагруженную рельсами, металлоломом для увеличения магнитного поля. Самое трудное заключалось в том, что для того, чтобы считать полосу протраленной, баржу по ней нужно было протащить 16 раз.

Вся наука была «поставлена на ноги», академики Курчатов, Александров». Но для ожиданий не было времени, Балтика была необходима народному хозяйству.

Наркому ВМФ стало известно, что наши союзники англичане имеют эффективный специальный трал против электромагнитных мин и он своим решением обменял торпеду РАТ-52 на образец такого трала. Я присутствовал на испытаниях трала. Когда на красногорском рейде у Кронштадта был включен ток, взорвалось сразу 11 мин. Таким образом, большая, прямо скажем, государственная проблема стала решатся. В будущем были созданы и отечественные тралы, но это произошло много позже.

По свидетельству Н.Л. Михайлова (статья «Суд без чести», «Красная звезда», 16.06.90 г.), торпеда РАТ-52 разрабатывалась группой сотрудников минно-торпедного института под руководством В. Алферова и была принята на вооружение в 1939 году. Как пишет Н.Л. Михайлов, …«разрабатывалась» — сильно сказано: лицензия на ее производство была приобретена в Италии еще в 1935 году, оригинальность отечественной разработки заключалась лишь в своеобразной конструкции грузового парашюта с поворотным тросом». Но торпеда была секретной (в то время все засекречивалось), и В. Алферов в октябре 1947 года подал рапорт на имя замглавкома по кораблестроению и вооружению П. Абанькина, в котором обвинили Н.Г. Кузнецова в антигосударственных и антипатриотических поступках. В этих же грехах были обвинены адмиралы Галлер, Алафузов и Степанов, с ведома которых производился обмен данными с союзниками по

некоторым образцам морской техники и артиллерии. Последствием был, как известно, суд чести над Кузнецовым, Галлером, Алафузовым и Степановым.

Не по своей воле, как правильно пишет Н.Л. Михайлов, а по указанию «сверху» председателем суда чести был назначен маршал Говоров, членами — М. Захаров, Ф. Голиков, Г. Левченко, П. Абанькин, Н. Харламов, Н. Кулаков — 2 армейца, 3 моряка и 2 политработника. На суде, кроме свидетелей обвинения (тот же Алферов), были и свидетели защиты, например, член-корреспондент Академии артиллерийских наук Чистосердов, но на доказательства защиты никто из судей внимания не обратил. Никакой суд был не в силах подорвать огромный авторитет Николая Герасимовича на флоте и в народе. Так была «отмечена» заслуга наркома за старание ликвидировать минную опасность для судоходства.

Можно утверждать, что из многочисленных версий причин гибели линкора «Новороссийск» (бывшего итальянского «Джулио Чезаре») является одна достоверная — подрыв на мине «RMH». Немцы, покидая в панике Севастополь в мае 1944 года, минировали, а вернее, беспорядочно сбрасывали в воду большое количество таких мин. За время моего командования 3-й бригадой траления в Усть-Двинске личным составом бригады на участке реки Даугавы от железнодорожного моста в центре Риги до оконечности входных молов было поднято водолазами флота около 100 таких мин. При разоружении некоторых из них установлено наличие в механизме гидростата, который на глубине Юм «надевал вторичный детонатор на взрыватель». При меньших (чем 10-метровая) глубинах гидростат не срабатывал, и хотя прибор кратности работал и запал срабатывал, но взрыва не происходило. Такие мины никаким тралом обезвредить нельзя. В сложном механизме мины с многочисленными паяными контактами бывали случаи, когда часовой механизм прибора срочности засорялся кусочками пайки и не работал. Когда «Новороссийск» пришел в гавань и стал на якорь, самим якорем или якорь-цепью он задел подобную мину, в которой отработал прибор срочности. Тот факт, что это была мина «RMH», доказывает пробоина в корпусе линкора. А перевернулся корабль потому, что, коснувшись носом грунта, потерял остойчивость. При большей глубине этого не случилось бы, и линкор плавал бы, как поплавок. Похожий случай имел место с большим танкером № 5 при таллинском переходе в 1941 году.

Если и ставить гибель линкора кому-то в вину, то в первую очередь, С.Г. Горшкову, который, будучи несколько лет командующим флотом, не принял должных мер к очистке гаваней

от мин и, во вторую очередь, новому комфлоту Пархоменко — за нераспорядительность на аварийном корабле и гибель большого количества людей в сотне метров от берега. Никак нельзя обвинять Н.Г. Кузнецова, хотя сам он признавал свою вину за происшедшее.

Выше мы уже отмечали наличие большого авторитета Николая Герасимовича как выдающегося флотоводца, государственного деятеля и вместе с тем справедливого, заботливого и тактичного человека. Мне хочется привести пример, свидетельствующий о том, что никакой суд не мог изменить отношение к нему. В 1948 году Николай Герасимович, разжалованный до контр-адмирала, отдыхал на Рижском взморье в санатории ВМФ. В один из дней он позвонил мне, командиру бригады кораблей в Усть-Двинске:

— Николай Николаевич, не могли бы Вы мне в Майори прислать какой-либо небольшой катерок с рулевым, который знает реку Лиелупу; мне хочется пройтись по Лиелупе, войти в Даугаву, дойти до Риги, посмотреть бухты, торговый порт в Мильгрависе и возвратиться обратно.

Я ему ответил, что сам приду на катере и покажу все, что его интересует. Николай Герасимович возразил, дав понять, что ему не хочется отрывать меня от дел и отдыха (было воскресенье). Когда же я сказал, что для меня честь в очередной раз встретиться с ним и поговорить и что на катере буду один, сам за рулем, без моториста, после некоторого смущения он согласился. Лишь попросил меня быть, как и он сам, в штатском. После трехчасового плавания при возвращении Николай Герасимович попросил высадить его в поселке Дзинтарс, откуда хотел поехать до Майори одну остановку на поезде. С катера мы пошли на станцию и по пути заглянули в станционный буфет утолить жажду, погода была жаркая. Когда мы вошли, буфет был битком набит офицерами флота, все столики оказались заняты. Увидев Николая Герасимовича в штатском, все офицеры встали по стойке «смирно», а было их человек восемьдесят), наступила полная тишина. Николай Герасимович тихо сказал: «Спасибо!», смутился, вышел из буфета и до подхода электрички молча простоял на платформе, глядя в море.

После снятия Хрущева и смерти Жукова в ЦК КПСС пошел поток писем (как коллективных, так и от отдельных лиц) с предложениями восстановить Н.Г. Кузнецова в звании Адмирала Флота Советского Союза. Никаких ответов и реакции на это не последовало. После смерти Николая Герасимовича по инициативе адмирала И.И. Бойкова на имя Брежнева было послано письмо двадцати адмиралов, бывших командующими флотами,

занимавших высокие посты в Военно-Морском Флоте, с просьбой о восстановлений Н.Г. Кузнецова в звании посмертно. Месяца через два я спросил у зав. отделом ЦК Н. Савинкина о судьбе этого письма. Он ответил, что письмо было направлено в ВМФ на рассмотрение Военно-морского совета; получен отрицательный ответ, и дело таким образом закрыто. О том, что на заседании Военного совета письмо адмиралов не рассматривалось, рассказал мне секретарь совета, показав ответ в ЦК КПСС, подписанный начальником политуправления ВМФ — членом Военного совета В.М. Гришановым, в котором было написано, что Военный совет рассмотрел письмо на заседании и считает нецелесообразным восстановление звания Н.Г. Кузнецову. Уже позже при свидетелях я в глаза Гришанову высказал свое мнение о его неблаговидном поступке. Он промолчал, а потом заявил: «Я думаю, что этот ответ был за двумя подписями, а не только моей». Кого второго он имел в виду, думаю, объяснять не надо.

В день смерти Николая Герасимовича в декабре 1974 года руководство ВМФ возвращалось в Москву из поездки на Дальний Восток. Я, как оставшийся за главкома, встречал их на аэродроме Чкаловский и там доложил о печальном событии. После некоторого молчания В.М. Гришанов изрек: «Ну что ж, надо назначить комиссию, которая свяжется с семьей, узнает, на каком кладбище они хотят его похоронить, и, видимо, дать некролог за подписями членов Военного совета». Председателем комиссии назначили В.А. Касатонова, меня — заместителем.

Почувствовав неладное, я позвонил А.Н. Косыгину и, зная его отношение к Николаю Герасимовичу, доложил о случившемся. Алексей Николаевич ответил, что знает о печальном событии, а на мои слова о затруднениях с некрологом и местом захоронения сказал: «…Скажите Промыслову — хоронить на Новодевичьем кладбище, там есть площадка, где похоронены адмиралы!» А в отношении некролога: «Сегодня возвращается из Югославии Брежнев, я ему доложу. Но при любых решениях под некрологом поставьте мою подпись». Через день в газетах появился некролог с портретом, начинавшийся словами: «После тяжелой болезни скончался видный военный деятель, активный участник гражданской и Великой Отечественной войн, Герой Советского Союза вице-адмирал в отставке Кузнецов Николай Герасимович…» Далее в некрологе была перечислена вся его служебная деятельность, указаны все должности, в том числе и наркома с 1939 года, и что в годы Великой Отечественной Н.Г. Кузнецов умело руководил боевыми действиями флотов против немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов. Было упомянуто и руководство советскими моряками-добровольцами в

Испании. Подписали некролог Брежнев, Подгорный, Косыгин, все маршалы Советского Союза, адмиралы, всего 47 человек.

На Новодевичьем, куда я прибыл подобрать место для захоронения, меня встретил относительно молодой мужчина 35—40 лет. Узнав цель моего приезда, он сказал: «Я служил у Николая Герасимовича и, узнав о его смерти, начал подбирать место. На адмиральской площадке места нет, но я подобрал хорошее место, пойдемте посмотрим!» Место оказалось рядом с могилой первого начальника Морских Сил Альтфатера, рядом с адмиральской площадкой. Ну что ж, первый Наморси и первый народный комиссар рядом…

Прочитав книгу, некоторые читатели могут задать вопрос: «А стоило ли ее издавать, зачем ворошить прошлое?»; могут найти какие-то неточности в хронологии событий и описании отдельных эпизодов, ведь Николай Герасимович писал «Повороты» уже больным человеком, в отставке, архивами не пользовался и не мог этого сделать. Один из прочитавших рукопись обеспокоился описанием взаимоотношений Кузнецова с Жуковым и высказал опасение, что «как бы после прочтения этих мест в книге читатель не усомнился в способности Жукова как стратега». Николай Герасимович и не дает оценку стратегическим способностям Жукова, он пишет не о нелюбви флота Жуковым, а о том, что тот не знал и не понимал места флота в вооруженной борьбе. Что ж, ведь это неопровержимый факт, подтверждаемый многими очевидцами и участниками событий того времени, причем не только моряками, но и армейскими генералами и маршалами. Делает это Н.Г. Кузнецов тактично, без злопыхательства.

Доводы о том, что флот не любил не только Жуков, а и Куропаткин и Тухачевский — не оправдание Г.К. Жукова, фетишизируемого ныне очередными переписчиками истории в качестве сверхвеликого полководца, спасшего Родину, Москву и даже Ленинград (за 17 дней командования фронтом). Правы будут те, кто считает эти вопросы предметом глубокого научного исследования. Родину спасли воины армии и флота, весь народ от подростков до глубоких стариков.

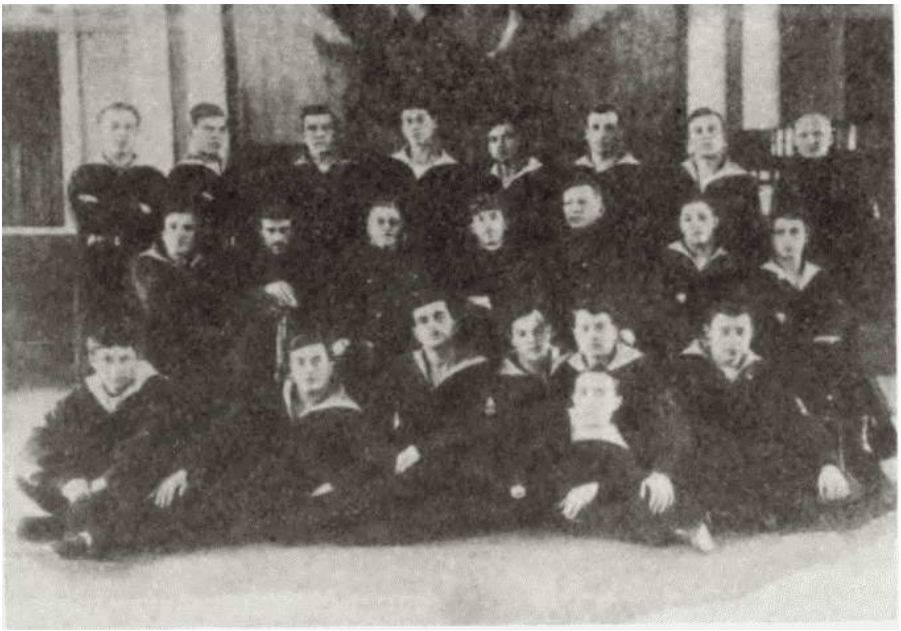
Хорошо, что эта правдивая от корки до корки книга выходит в свет. Она является хорошим дополнением к изданным уже книгам Н.Г. Кузнецова о флоте, дает представление об авторе как незаурядной личности, человеке, посвятившем всю свою жизнь беззаветному служению Родине, Вооруженным Силам, флоту. «Крутые повороты» — не только дань памяти Николаю Герасимовичу, но и один из уроков того, как создавать флот, достойный нашей страны, не повторяя ошибок прошлого. Это

обязанность не только моряков, но и всего военного руководства, правительства и Президента.

Адмирал, кандидат военно-морских наук
К.К. АМЕЛЬКО

ИЛЛЮСТРАЦИИ

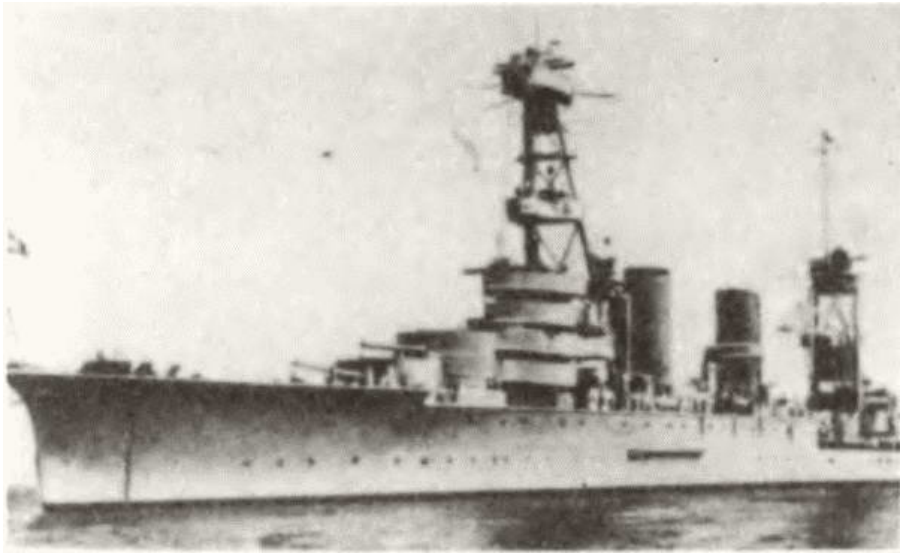
Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. 1955 г.



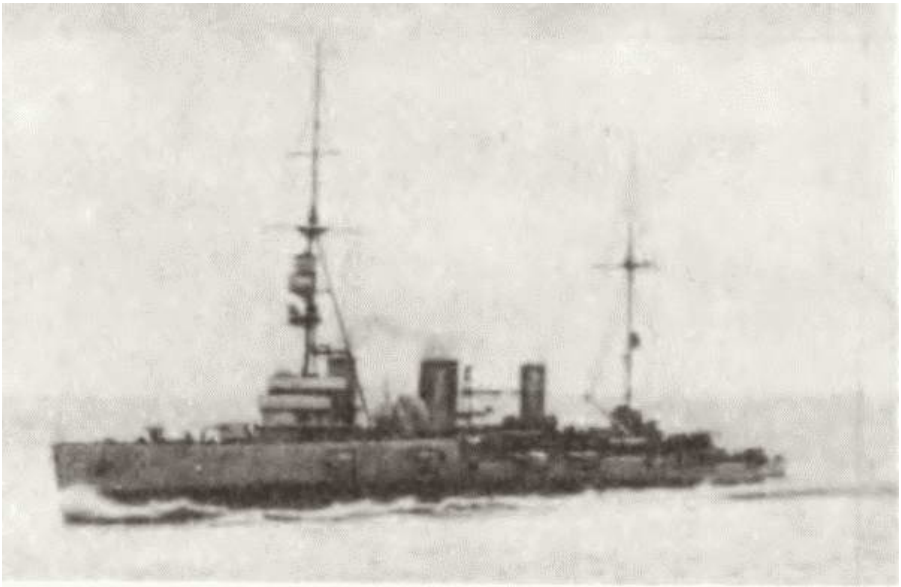
Н.Г. Кузнецов (второй справа во втором ряду) курсант Военно-морского училища. Ленинград. 1923 г.

Н.Г. Кузнецов, 2-й курс ВМУ.

Старший помощник крейсера «Красный Кавказ» Н.Г. Кузнецов проводит занятия с командой. Черноморский к флот. 1932 г.



Крейсер «Червона Украина».



Крейсер «Красный Кавказ».

Командующий ТОФ флагман 2-го ранга Н.Г. Кузнецов (второй в первом ряду слева) среди дальневосточников — делегатов от Приморья на XVIII съезде ВКП(б). 1938 г.

П.В. Рычагов, Н.Г. Кузнецов, Г.М. Штерн, Москва. Март 1939 г.

Народный комиссар Военно-Морского Флота СССР, флагман флота 2-го ранга Н.Г. Кузнецов. Апрель 1939 г.

Адмирал Л.М. Галлер. 1945 (46?) г.

Вице-адмирал Г.А. Степанов.

1942 г. Ленинградский фронт. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов (второй справа) по дороге на батарею.

Адмирал В.А. Алафузов. 1959 г.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов у раненых в госпитале в г. Тбилиси. Март 1943 г.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов на палубе канонерской лодки «Альтфатер». Баку. 3 апреля 1943 г.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов в госпитале у адмирала И.С. Исакова. Тбилиси. 31 марта 1943 г.

Севастополь, февраль 1945 г. «В Севастополь я приехал за неделю до начала Крымской конференции, чтобы проверить, как выполняются указания о подготовке к встрече самолетов и кораблей союзников».

Герой Советского Союза
адмирал флота Н. Г. Кузнецов

Указ Президиума
Верховного Совета СССР

**О присвоении звания
Героя Советского Союза
адмиралу флота
Кузнецову Николаю Герасимовичу**

За образцовое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов, в том числе Тихоокеанского флота, и достигнутые в результате этих операций успехи присвоить звание **Героя Советского Союза** с вручением ордена **Ленина** и медали **«Золотая Звезда»** адмиралу флота **Кузнецову** Николаю Герасимовичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 14 сентября 1945 года.

14 сентября 1945 г. Указом ПВС СССР Адмиралу Флота Н.Г. Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза. В грамоте, врученной 19 сентября, написано: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении заданий

Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями флотов, в том числе Тихоокеанского флота, и достигнутые в результате этих операций успехи…»

Февраль 1945 г. «2 февраля в Крым специальным поездом прибыли И.В. Сталин и В.М. Молотов На следующий день мы встречали британскую и американскую делегации».

Член советской делегации на Крымской конференции — Главнокомандующий ВМС Советского Союза, Адмирал Флота Н.Г. Кузнецов. 1944 г. «С главнокомандующим английским флотом адмиралом Э. Канингхэмом и главнокомандующим американским флотом адмиралом Э. Кингом, с которыми я был знаком заочно, мы встретились на Крымской конференции».

Главнокомандующий ВМФ Великобритании адмирал флота Э. Канингхэм. Крымская конференция. Февраль 1945 г.

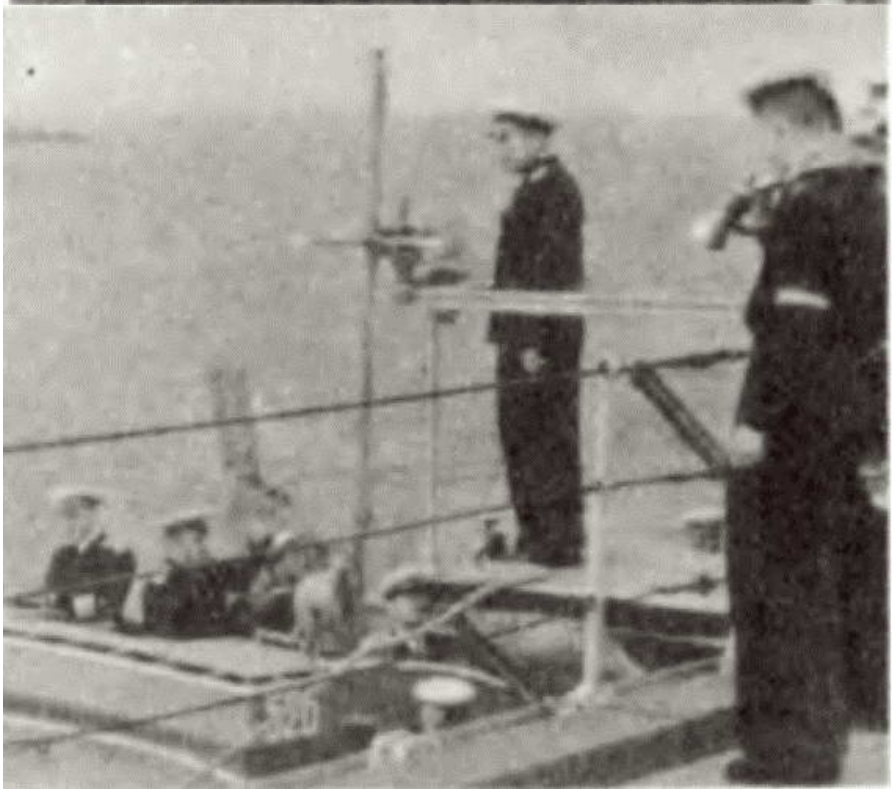
Главнокомандующий ВМС Соединенных Штатов Америки адмирал флота Э. Кинг. Крымская конференция. Февраль 1945 г.

Потсдам, 1945 г. Заседание Потсдамской конференции.

В перерывах между заседаниями Потсдамской конференции. И.В. Сталин, Ф.Т.

Гусев (посол СССР в Великобритании), Н.Г. Кузнецов и охрана. Июль 1945 г.

Потсдам, 1945 г. Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, А. И. Антонов и др.

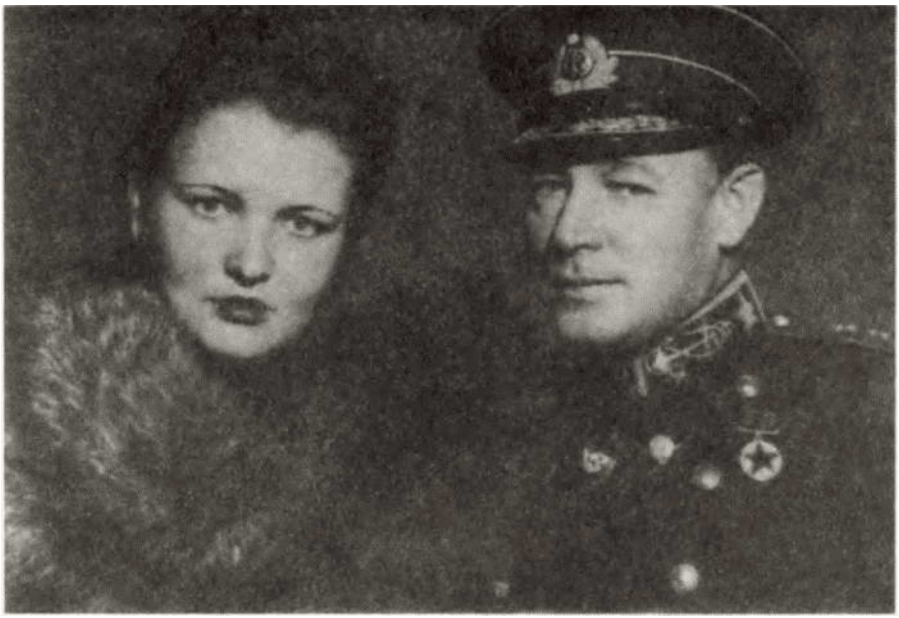


В походе после окончания войны. На Северном флоте. 1946 г.

Маршал Советского Союза А.И. Василевский и Адмирал Флота Советского Союза, министр ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов в траурном карауле на похоронах И. Сталина. Март 1953 г.

Адмирал Флота Советского Союза, Главком ВМС Н.Г. Кузнецов и ветеран флота матрос-артиллерист с крейсера «Варяг» А.Д. Войцеховский.

Вручение маршальской звезды. Москва. Кремль. 27 апреля 1955 г.



Вера Николаевна и Николай Герасимович Кузнецовы. Дальний Восток. Хабаровск. 1939 г.

Вера Николаевна и Николай Герасимович Кузнецовы. Москва. 1941 г.

В.Н. и Н.Г. Кузнецовы и сыновья Николай и Владимир. Хабаровск. 1949 г

Братья Кузнецовы (слева направо): Виктор Николаевич, Владимир Николаевич и Николай Николаевич. Поселок Новь, лето, 1972 г.

Николай Герасимович с сыном Николаем на военно-морском параде в день Военно-Морского Флота. Ленинград. Июль 1947 г.

С сыном Николаем в Дзинтари. Лето 1948 г.

Николай Герасимович с Верой Николаевной на даче в Подмосковье. Поселок Новь, лето, 1970 г.

В минуты раздумий. Николай Герасимович во время написания третьей книги воспоминаний. Подмосковье. Поселок Новь, 1972 г.

notes

1

Н. Г. Кузнецов работал над рукописью книги «Крутые повороты в 1973—1974 гг.

2

В мае 1955 г. Н. Г. Кузнецов написал письмо министру обороны Г. К. Жукову, в котором просил освободить его от должности по состоянию здоровья (инфаркт), но ответа не получил. В июне по рекомендации Н. Г. Кузнецова исполняющим обязанности Главкома ВМФ назначен вице-адмирал С. Г. Горшков, командовавший в то время Черноморским флотом. 29 октября произошел взрыв на линкоре «Новороссийск». Корабль затонул, имелись большие человеческие жертвы. В ноябре 1955 г. Н. Г. Кузнецов был снят с должности первого заместителя обороны — Главнокомандующего ВМФ, а в феврале 1956 г. — снижен в воинском звании до вице-адмирала и уволен в отставку «без права работы на флоте».

3

Данный эпизод относится к 1973 г.

4

Улице 25 Октября ныне возвращено прежнее название — Никольская.

5

Галлер Лев Михайлович (1883—1950) — адмирал, в 1937 г. — заместитель начальника Морских сил НКО СССР, в 1938—1940 гг. — заместитель наркома ВМФ по кораблестроению, в 1947—1948 гг. — начальник Военно-морской академии. В 1948 г. репрессирован, в 1950 г. умер в тюрьме.

6

Алафузов Владимир Антонович (1901—1966) — адмирал, в 1937—1938 гг. воевал в Испании, с 1938 г. — заместитель начальника Главного морского штаба, с 1943 г. — начальник штаба Тихоокеанского флота, затем начальник Главного морского штаба. В 1945— 1948 тт. — начальник, а в 1953—1958 гг. — заместитель начальника Военно-морской академии.

7

Степанов Георгий Андреевич (1890—1957) — вице-адмирал, с 1939 г. — начальник Военно-морской академии, в годы Великой Отечественной войны командовал Беломорской военной флотилией, с 1943 г. исполнял обязанности начальника Главного морского штаба, с 1944 г. — начальник управления военно-морских учебных заведений. В 1948 г. репрессирован.

8

В начале ноября 1947 г. адмиралам Н. Г. Кузнецову, Л. М. Галлеру, В. А. Алафузову и Г. А Степанову было предъявлено обвинение в незаконной передаче союзникам во время войны секретной документации на парашютную торпеду. Основанием для подобного обвинения явилось письмо офицера минно-торпедного управления ВМФ капитана 1-го ранга В. И. Алферова.

11 декабря 1947 г. вопрос рассматривался на совещании у Н. А Булганина, занимавшего тогда посты заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра Вооруженных Сил СССР. На следующий день И. В. Сталин подписал постановление Совета Министров СССР о предании бывших руководителей Наркомата ВМФ «суду чести». Санкционированное свыше судилище состоялось 12—15 января 1948 г. в клубе Главного морского штаба. Обвиняемые адмиралы выслушали множество незаслуженных упреков, однако вина их так и не была доказана. 16 января И. В. Сталин подписал постановление Совета Министров СССР, утвердившее решение суда. Дело (уже как уголовное) было передано в Военную коллегию Верховного суда СССР. Расследование поручалось главному военному прокурору Вооруженных Сил СССР, слушание дела намечалось провести в закрытом судебном заседании Военной коллегии без участия защиты. 2—3 февраля Военная коллегия рассмотрела «дело» четырех адмиралов и вынесла приговор: В. А. Алафузов и Г. А. Степанов присуждались к 10 годам лишения свободы, Л. М. Галлер — к 4. Н. Г. Кузнецов был признан виновным, но, учитывая большие заслуги адмирала, решено было не применять уголовного наказания, а ходатайствовать перед Советом Министров СССР о снижении его в воинском звании до контр-адмирала.

9

В личном архиве Н. Г. Кузнецова имеется следующая запись: «1944 году Сталин неожиданно для меня поставил вопрос в Ставке ВГК о присвоении мне очередного звания. У нас к этому времени не было звания выше адмирала, а значит, не было предусмотрено и соответствующих погон. Я доложил, что в других флотах существует звание адмирала флота. «Чему это будет равно в наших Вооруженных Силах?» — спросил Сталин. Я ответил, что если выдерживать ту же последовательность, что и в армии, то адмиралу флота следует присвоить погоны с четырьмя звездочками, но это тогда не будет самым высшим званием, какое имеют сухопутные военачальники, то есть звание маршала.

Тогда же было решено учредить пока звание адмирала флота с четырьмя звездочками на погонах, не указывая, кому это звание присваивается в сухопутных силах. Итак, я получил очередное звание адмирала флота с необычными для флота погонами. Носил я их сравнительно недолго. В мае 1944 года было решено заменить эти погоны на маршальские, с одной большой звездой. А когда обсуждался уставной вопрос и в табели о рангах нужно было решить, кому же равен по своим правам адмирал флота, то черным по белому было записано: «Маршалу Советского Союза».

К сожалению, на этом я не могу поставить точку. Позднее (в 1948 г.) я был лишен этого звания и по второму разу надел погоны контрадмирала. Получил очередное повышение, будучи командующим Тихоокеанским флотом (по второму разу) в 1950 году, а после смерти Сталина восстановлен в прежнем звании Адмирала Флота Советского Союза (в 1953 г.).

Уже после войны встал вопрос: следует ли адмиралу флота иметь и носить маршальскую звезду? Помнится, маршал Жуков предложил изменить тогда и название на «Адмирал Флота Советского Союза». Правительство решило внести такую поправку в высшее звание ВМФ, и я вместе с группой маршалов из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова получил маршальскую звезду. Однако фортуна еще раз отвернулась от меня, и я был понижен в звании до вице-адмирала. Думаю, это уникальный и единственный случай в истории всех флотов. Там же, где я получил маршальскую звезду, я вернул ее, сохранив за собой звание вице-адмирала...»

10

Прекрасной иллюстрацией к сказанному являются воспоминания А. Н. Петрова: «После полугодового отсутствия я появился на крейсере «Красный Кавказ». Увидел нового старпома Н. Г. Кузнецова и просто поразился происшедшими переменами. Разработан абсолютно точный распорядок дня, чего не было прежде. С точностью до минуты соблюдается корабельное расписание. Команда в безупречно чистом рабочем платье. Все, что каждому положено, делается в срок — увольнение, обед, баня. А тенты в жару на рейде? Раньше их с трудом успевали поставить за два-три часа — теперь вслед за командой «отдать якорь» шла команда «поставить тент». И за 15—18 минут все палубы были под тентами.

Новый старпом был ближе команде, чем его предшественники, сам хлебнул матросской жизни. Не было у него фанаберии, как еще кое-где тащилось от старого флота.

Впервые я видел, как новый старпом заставил всех командиров боевых частей, да и нас, флагманских специалистов, разработать методику боевой подготовки. Раньше никакой методики не было. Старослужащие обучали молодых, как и что нужно делать. Но это пригодно для одиночек. А действия подразделения? А взаимодействие? А ученья по боевым частям, по кораблю в целом?

Все, по сути, началось с крейсера «Красный Кавказ». В полной мере эту работу Кузнецов развернул, когда стал командиром крейсера «Червона Украина». Все потом вылилось в «Курс боевой подготовки в масштабе флота. Мы тогда только рожали БУМС — временный Боевой Устав Морских Сил. Это академия работала. А «Курс на корабле» — его инициатива и заслуга. Он, помнится, вроде бы и не работал. Стоим на рейде, выглянешь — старпом на юте, а всюду все вертится. И это было чудом». *(Личный архив Н. Г. Кузнецова. — Воспоминания. Автограф.)*

11

Бои у озера Хасан шли с 29 июля по 11 августа 1938 г. Советские войска разгромили и отбросили вторгшиеся на территорию СССР японские войска.

12

Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — Маршал Советского Союза, в 1928—1938 гг. командовал Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, Краснознаменным Дальневосточным фронтом. Репрессирован.

13

Штерн Григорий Михайлович (1900—1941) — генерал-полковник, Герой Советского Союза. В 1937—1938 гг. — главный военный советник в Испании. В 1941 г. — начальник Управления противовоздушной обороны РККА Репрессирован.

14

Жаворонков Семен Федорович (1899—1967) — маршал авиации, в 1938—1939 гг. — командующий ВВС ВМФ, в 1939—1946 гг. — начальник Главного управления Гражданского воздушного флота СССР.

15

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — государственный и партийный деятель, с 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б), курировал в том числе и вопросы Военно-Морского Флота. Член Политбюро с 1939 г.

16

В 1939 г. состоялись Московские переговоры между СССР, Англией и Францией, которые показали, что правительства двух последних стран не стремятся противостоять агрессивной политике Германии.

17

Исаков Иван Степанович (1894—1967) — Адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза (1965), член-корреспондент Академии наук СССР, в 1937— 1938 гг. — начальник штаба и командующий Балтийским флотом, в 1938—1950 гг. — заместитель наркома ВМФ и начальник Главного морского штаба (с 1940 по 1942 г.). После тяжелого ранения в 1942 г. обязанности начальника Главного морского штаба выполняли Г. А Степанов и В. А. Алафузов.

18

Более подробно об обстоятельствах последнего мирного дня 21 июня 1941 года читайте в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне» (М.: Воениздат, 1966. С. 324—343).

19

Сразу после разговора с В. Ф. Трибуцем Н. Г. Кузнецов связался по телефону с командующим Северным флотом А. Г. Головко и начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым, известив их о посланной телеграмме.

20

Микоян Анастас Иванович (1895— 1978) — государственный и партийный деятель. В 1926—1946 гг. — нарком внешней и внутренней торговли, возглавлял ряд других наркоматов. В годы Великой Отечественной войны руководил комитетом продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии, в 1942—1945 гг. — член Государственного Комитета Обороны (ГКО). Член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1935—1966 гг.

21

Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965) — генерал-лейтенант, секретарь И. В. Сталина. С августа 1935 года — заведующий канцелярией Генерального секретаря ЦК ВКП(б), секретарь Президиума ЦК КПСС.

22

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — партийный и государственный деятель. В 1935—1944 гг. — народный комиссар путей сообщения, руководил рядом других наркоматов. С 1938 г. — заместитель председателя СНК СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 по 1956 год.

23

Народный комиссариат Военно-Морского Флота упразднен 25 февраля 1946 года в связи с образованием Народного комиссариата Вооруженных Сил СССР.

24

Н. Г. Кузнецов занимал должность Главкома ВМФ — заместителя министра Вооруженных Сил СССР до 19 февраля 1947 года.

25

Н. Г. Кузнецова на посту Главнокомандующего ВМФ — заместителя министра Вооруженных Сил СССР сменил адмирал Юмашев Иван Степанович (1895—1972). В 1950—1951 гг. был военно-морским министром СССР, в 1951—1957 гг. — начальником Военно-морской академии.

26

В конце 1946 года И. В. Сталин поручил комиссии под руководством Маршала Советского Союза Л. А Говорова (1897—1955) проверить деятельность Главного морского штаба. Адмирал Ю. А. Пантелеев вспоминал впоследствии, что «проверяющих особенно интересовала деятельность Кузнецова и что в акте проверки от 13 февраля 1947 г. было много несправедливых и неверных обвинений в адрес Николая Герасимовича и других адмиралов» (см. Красная звезда. 1990. 16 июня).

27

Н. Г. Кузнецов в феврале 1947 года был назначен в Ленинград начальником управления военно-морских учебных заведений, находился на этой должности до ноября того же года.

28

См. прим. 8.

29

28 марта 1947 г. ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР (по записке А. А. Жданова) приняли совместное постановление «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах СССР», в котором отмечалось, что суды чести создаются в целях содействия «делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства... Для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На суды чести также возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств и центральных ведомств СССР, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке».

Суды чести избирались сроком на один год в составе 5—7 человек из числа работников министерств и ведомств «тайным голосованием на собрании руководящих, оперативных и научных работников». Суды чести имели право объявлять следующие виды наказаний: общественное порицание, общественный выговор, передача дела следственным органам для направления в суд в уголовном порядке. Решение суда чести обжалованию не подлежало. Суды чести функционировали до конца 1949 года.

30

Кулаков Николай Михайлович (1908—1976) — вице-адмирал, с 1939 г. член военного совета Северного флота, в 1940—1943 гг. — член военного совета Черноморского флота, в 1944—1946 г. — начальник Высших военно-политических курсов ВМФ, с 1946 г. — член военного совета — заместитель главкома ВМФ по политчасти, с 1950 г. — член военного совета Черноморского флота, в 1956— 1971 гг. — начальник политотдела Кронштадтской крепости, Ленинградской военно-морской базы и военно-морских учебных заведений Ленинграда.

31

Чепцов А. А. — генерал-лейтенант юстиции, председатель Военной коллегии Верховного Совета СССР (1958).

32

Имеется в виду субботний день 31 января 1948 года, понедельник — 2 февраля.

Вот как формулирует данное решение Ф. Д. Титов (ныне — генерал-майор), являвшийся в то время начальником организационно-инспекторского отдела Военной коллегии Верховного суда СССР:

«Учитывая большие заслуги Кузнецова Николая Герасимовича перед Союзом ССР в деле организации Военно-Морского Флота как в данный период, так и особенно в период Великой Отечественной войны, Военная коллегия Верховного суда, руководствуясь ст. 8 УК РСФСР, постановила не применять к Кузнецову Н. Г. уголовного наказания. Одновременно Военная коллегия Верховного суда СССР постановила ходатайствовать перед Советом Министров Союза ССР о снижении Кузнецова Н. Г. в воинском звании до контр-адмирала» .*(Личный архив Н. Г. Кузнецова. Воспоминания. Автограф.)*

34

Левченко Гордей Иванович (1897—1981) — адмирал, в 1938—1939 гг. командующий Балтийским флотом, в 1939—1941 гг. и в 1944—1960 гг. заместитель наркома ВМФ и главнокомандующий ВМФ.

35

Данный фрагмент воспоминаний Н. Г. Кузнецова написан в 1964 году, когда В. А. Алафузов и Г. А. Степанов были еще живы.

Имеются в виду Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Г. К. Жуков.

37

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967) — Маршал Советского Союза, 1947—1955 гг. главнокомандующий войсками Дальнего Востока и Дальневосточного военного округа. В 1957—1967 гг. министр обороны СССР.

38

О том, как приняли Н. Г. Кузнецова на Дальнем Востоке, видно из его письма жене Вере Николаевне от 23 августа 1948 года: «...Вчера вернулся на Сахалин. Ходил морем на корабле и получил большое удовольствие... Встретился со многими флотскими людьми, и здесь я нашел исключительно теплый и дружеский прием... Чувствуется, что для многих мое новое звание роли не играет, а поэтому охотнее называют меня по имени и отчеству, без звания. ...Мне кажется, что с флотскими людьми мне будет работать нетрудно. Очень хорошо меня встретили на корабле матросы... Ну, вот этому я рад больше всего, т. к. это я считаю плодом моей работы, невзирая на все события...»

39

В бумагах того периода имеется следующая запись рукой Н. Г. Кузнецова: «...больным вопросом на флоте тогда был вопрос о целесообразности иметь гарантийные сроки для вновь сдаваемых промышленных кораблей. Сталин считал, что в наших условиях этого уже не нужно. Все воскресенье я не раз возвращался к обдумыванию этого очень принципиального для флота вопроса. Как ни примерял и ни критиковал сам себя, приходил к одному и тому же выводу, что гарантийный срок необходим как с чисто флотской, так и с государственной точки зрения. Я решил высказать это свое мнение.

Как бы не отвергая в принципе точку зрения Сталина, я сказал, что мне кажется, что гарантийный срок отменять преждевременно. Сталин поднял голову, но не возразил и продолжал чертить что-то на бумаге».

Н. Г. Кузнецов в данном случае имеет в виду В. С. Абакумова.

Официальный документ гласил:

«Постановлением пленума Верховного суда Союза ССР от 11 мая 1953 года приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 3 февраля 1948 года в отношении

Кузнецова Н. Г.,

Галлера Л. М.,

Алафузова В. А.,

Степанова Г. А. отменен и дело за отсутствием в их действиях состава уголовного преступления производством прекращено.

Председатель Верховного суда СССР

А. Волин 12 мая 1953 г.».

42

Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР образован в соответствии с постановлением СНК СССР от 30 декабря 1937 года.

43

Среди записей Н. Г. Кузнецова имеется следующее пояснение: «А, А Жданов, как секретарь ЦК, был введен перед войной в состав военного совета Военно-Морского Флота и тогда считал своим долгом вникать в обстановку на флоте. Сам решений он принимать не мог и не принимал, но от него многое зависело, и он оказывал помощь в тех случаях, когда знал, что это делается по поручению Сталина и в духе его указании. В предвоенный период я несколько раз был с ним на флоте, а один раз — на учениях в большом походе Балтийского флота, он взял на себя текущую работу с директорами заводов (особенно в Ленинграде) по строительству кораблей. Бывая там, он охотно ездил по городу, рассказывал мне о своих планах. Но это продолжалось недолго. После начала войны флотскими вопросами он уже не занимался (кроме Балтики, находясь в Ленинграде). После войны я обратился к нему за советом, и он дал мне понять, что занят другими делами и «едва ли у него руки дойдут до флотских вопросов».

44

Имеются в виду последние полгода до смерти И. В. Сталина, последовавшей в марте 1953 года.

45

Тевосян Иван Федорович (1902—1958) — с 1939г. — нарком судостроительной промышленности, в 1949—1953 гг. и 1954—1956 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР.

С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. на флоте были сняты с должности 4 командующих флотами, многие командиры соединений и кораблей. Почти весь руководящий состав флотов находился в стадии перемещения и замены.

47

25 февраля 1946 г. был упразднен Наркомат ВМФ, после чего Н. Г. Кузнецов до 19 февраля 1947 года являлся заместителем министра Вооруженных Сил — Главнокомандующим ВМС.

48

К. Е. Ворошилов на посту наркома обороны сменил 7 мая 1940 года С. К. Тимошенко, которому в этот же день было присвоено звание Маршала Советского Союза.

49

Донесение командующего Ф. С. Октябрьского о том, что ПВО Черноморского флота отражает налет фашистской авиации на Севастополь, поступило Н. Г. Кузнецову по телефону в 3 ч 15 мин.

50

Або — шведское название финского города Турку на побережье Балтийского моря.

51

Жуков Г. К. являлся министром обороны в 1955—1957 гг., кандидатом и членом Президиума ЦК КПСС в 1956—1957 гг.

52

XVIII съезд ВКП(б) проходил с 10 по 21 марта 1939 г.

53

Ванников Борис Львович (1897—1962) — в 1939—1941 гг. нарком вооружения, в 1942—1946 гг. нарком боеприпасов. Генерал-полковник (1946). Трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954).

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897—1968) — с августа 1940 г. начальник Генерального штаба, с января 1941 г. — заместитель наркома обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны командовал войсками ряда армий и фронтов. Маршал Советского Союза (1944 г.). Герой Советского Союза (1940).

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968) — советский военачальник, командовал войсками ряда фронтов. Маршал Советского Союза (1944 г.). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

54

Кожанов Иван Кузьмич (1897—19380) — флагман флота 2-го ранга. В 1931—1937 гг. командующий Черноморским флотом. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

55

Паулюс Фридрих (1890—1957) — генерал-фельдмаршал германской армии, командовал 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом.

56

Крымская (ялтинская) конференция глав правительств трех союзных во второй мировой войне держав (СССР, США и Великобритании). Проходила в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г.

57

Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств главных держав —победительниц во второй мировой войне (СССР, США и Великобритании). Проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 г.

58

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — премьер-министр Великобритании в 1940—1945, 1951—1955 гг.

59

Рузвельт Франклин Делано (1882—1945) — 32-й президент США (с 1933) от демократической партии.

60

Монтгомери Аламейнский Бернард Лоу (1887—1976) — английский фельдмаршал. В 1944—1945 гг. командовал 21-й группой армий в Нормандии, Бельгии и Северной Германии. Монтгомери Аламейнский Бернард Лоу (1887—1976) — английский фельдмаршал. В 1944—1945 гг. командовал 21-й группой армий в Нормандии, Бельгии и Северной Германии.

61

Трумэн Гарри (184—1972) — 33-й президент США (1945—1953).

62

Коккинаки Владимир Константинович (1904—1985) — заслуженный летчик-испытатель СССР, генерал-майор авиации (1943), дважды Герой Советского Союза (1938 и 1957). 27—28 июня 1938 г. совершил беспосадочный полет Москва—Владивосток за 24 ч 36 мин.

63

Смушкевич Яков Владимирович (1902—1941) — советский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1937 и 1939), генерал-лейтенант авиации (1940).

64

Вознесенский Николай Алексеевич (1903— 1950) — советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1943). С февраля 1941 г. — кандидат в члены, а с 1947 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

65

Н. Г. Кузнецов пытался освободить Н. И. Николайчика, но не успел.

При этом погиб один человек.

67

Командиром корабля был Горшков С. Г. — будущий Главком ВМФ. За эту катастрофу его намерены были судить военным трибуналом.

68

Воронов Николай Николаевич (1899—1968) — Главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза. В 1941—1945 гг. — начальник Главного управления ПВО страны, начальник и командующий артиллерией Советской Армии, представитель Ставки ВГК на различных фронтах. В последние годы — президент Академии артиллерийских наук и начальник Военно-артиллерийской командной академии.

Всего 17 дней (прим. Н. Н. Амелько).

70

В письме к жене Вере Николаевне из Ялты от 20 октября 1955 года Николай Герасимович писал: «Пишу тебе потому, что на душе так много скопилось горечи, что в письме не изложишь, да и хочется сначала все это пережить... Дело снова в том же, что никто не находит времени по-деловому переговорить со мной, а между тем чувствую, что мною недовольны. Насколько мне удалось понять, министр хочет иметь своего нового Главкома, но объяснить это желает чем-то серьезным и поэтому скрывает от меня. Хоть я, как ты знаешь, готов был всегда уступить свое место, если это нужно для дела. Ну пусть делают как хотят, я со всем буду согласен. Я настолько устал, что, по-моему, не в состоянии даже доказывать свою правоту...»

Заслуживает внимания читателя та образная характеристика, данная трем знаменитым полководцам, о которых идет речь в настоящем фрагменте, прозвучавшая на вечере в ЦДЛ в 1987 году в выступлении полковника в отставке Н. С. Фрумкина: «Известно, что маршал Г. К. Жуков является мастером фронтового прорыва, маршал К. К. Рокоссовский — мастером войскового маневра, адмирал же Н. Г. Кузнецов проявил себя выдающимся организатором взаимодействия флота с сухопутными войсками».

72

Бывшее итальянское судно «Джулио Чезаре» (Я. Я. Амелько).

73

В ночь на 29 октября 1955 г.

С 2.08.1951 по 12.07.1955 г.

75

С 12.07.1955 г. — первый заместитель Главкома ВМФ, официально назначен главкомом 5.01.195 г.

...и корма встала на грунт... (прим. Н. Н. Амелько).

На запрос Н. Г. Кузнецова об истинных причинах катастрофы 5 июля 1962 г. адмирал флота С. Г. Горшков ответил: «...каких-либо новых выводов сделать нельзя, а также не оказалось заслуживающей внимания информации. Исторический опыт свидетельствует, что в отдельных случаях истинные причины событий остаются неизвестными. Примером может служить гибель «Императрицы Марии» в 1916 г. Соображения, изложенные в Вашем письме, понятны, однако ничего нового сообщить Вам по существу этого вопроса в настоящее время не имею возможности. С. Горшков» *(Письмо из личного архива Я. Г. Кузнецова)*.

78

В ряде публикаций о гибели «Новороссийска» (см.: Черка-шин Н. // Правда. 1988. 14 мая; Смена. 1988, № 11. С. 229—237, № 12. С. 231—233; Медведев Р. // Огонек. 1989, N? 13) упорно проводится мысль, что Н. Г. Кузнецов был снят с должности, уволен и разжалован исключительно из-за гибели «Новороссийска». Однако эта версия опровергается аргументами из воспоминаний Николая Герасимовича. Кроме того, Н. Черкашин пишет («Дружба народов», с. 238), что во время работы комиссии ее председатель В. А Малышев якобы обратился к члену комиссии Н. Г. Кузнецову и передал ему список к награждению. Однако Кузнецов членом комиссии не был и, не будучи главкомом, решать наградные дела не мог. К сожалению, авторы публикаций допускают многочисленные неточности и домыслы.

Большой интерес в этой связи представляет исследование Б. А. Коржавина (Коржавин Б. А. Тайна гибели линкора «Новороссийск». — СПб.: Политехника, 1991), строго опирающиеся на подлинные документы, хранящиеся в ЦВМА в Гатчине под грифом «совершенно секретно». В 1988 году автор впервые познакомился с документами правительственной комиссии и установил следующие факты:

1. 16 ноября 1955 года, еще до доклада правительственной комиссии о гибели линкора «Новороссийск», состоялось заседание Президиума ЦК КПСС в полном составе. Выступил Г. К. Жуков. Назвал виновных, указал ошибки бывшего командующего Черноморским флотом, однако упор, как на главного виновного, сделал на бывшего Главкома ВМС, своего заместителя, Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. Решение Президиума было кратким: предложили никого из лиц Черноморского флота к судебной ответственности не привлекать. (Протокол от 16.11.55. ЦВМА, ф. 14. Оп. 52. Д. 476. Л. 105)

2. 17 ноября 1955 года Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин отправились с визитом в Индию.

3. 17 ноября 1955 года был подписан и отправлен в ЦК КПСС и Совмин СССР официальный доклад правительственной комиссии. В нем говорилось, что «...причиной подрыва линкора является немецкая донная мина... нельзя полностью исключать, что причиной подрыва является и диверсия». Претензией к Н. Г. Кузнецову правительственная комиссия не предъявляла. Министру обороны поручалось подготовить доклад в ЦК КПСС и Совмин СССР о гибели линкора «Новороссийск». Доклад об оценке обстоятельств и причинах гибели линкора готовился начальником ГМШ ВМФ вице-адмиралом В. А. Фокиным.- (ЦВМА Ф. 14. Оп. 52. Д. 476. Л. 149-150.)

4. 24 ноября 1955 года этот доклад направлен в секретариат министра обороны.

5. 29 ноября 1955 года министр обороны Маршал СССР Г. К. Жуков направил этот доклад в ЦК КПСС и Совмин СССР. О Н. Г. Кузнецове там сказано: «...Руководство ВМФ находится в неудовлетворительном состоянии. Главком ВМФ Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов Н. Г. неудовлетворительно руководил флотом, неправильно оценивал роль флота в будущей войне, допустил ошибки во взглядах и разработке направлений строительства и развития флота и упустил подготовку руководящих кадров...»

6. 8 декабря 1955 года принято постановление Совмина СССР о гибели линкора «Новороссийск». К выводам правительственной комиссии было добавлено: «За неудовлетворительное руководство В. М. флотами снять с занимаемой должности Главкома ВМ Флотом Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова и зачислить его в распоряжение министра обороны. Назначить первым заместителем министра обороны и Главнокомандующим ВМФлотом т. Горшкова С. Г. — командующего Черноморским флотом. — (ЦВМА. ф. 14. Оп. 52. Д. 476. Л. 105)

7. 17 февраля 1956 года Н. Г. Кузнецов был понижен в воинском звании до вице-адмирала и уволен в отставку без объявления причин и без права работать во флоте. — (Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 17.02.56. и Указ Президиума Верховного Совета СССР.)

80

После отставки маршала Г. К. Жукова.

81

Доклад Председателю Совета Министров СССР от 1.09.1951 г., доклад в правительство (июнь 1952 г.), который рассматривался на заседании бюро Президиума Совета Министров СССР 7.08.1952 г.

Сохранился текст выступления Н. Г. Кузнецова на совещании конструкторов в октябре 1946 года, свидетельствующий, что он уже тогда смотрел на проблемы флота далеко вперед: «Мы живем в переломную техническую эпоху, в том числе и в отношении военных действий на море, в том числе и в отношении состава военно-морской силы, а стало быть, и в отношении военного кораблестроения. Отсюда нам надо делать все выводы.

Надо учитывать также, что наука и техника в настоящее время развиваются с такой быстротой, настолько ускоряют темпы общего технико-экономического развития, в том числе темпы развития Вооруженных Сил, и в частности кораблестроения, что упущение нескольких лет может оказаться действительно «смерти подобным».

Если эпоха гребного флота в истории человечества длилась несколько тысяч лет, а эпоха развитого парусного флота — несколько сот лет, то эпоха парового флота длилась всего сто лет и на наших глазах начинает сменяться новой эпохой.

Основные вопросы новой техники, влияющей на состав военно-морской силы, а стало быть, на новое кораблестроение, это — атом, ракета, новая энергетика и новые средства наблюдения, связи и управления. (Для справки: академик И. В. Курчатов осуществил в СССР впервые цепную ядерную реакцию, доказав возможность практического использования ядерной энергии, 25 декабря 1946 года. — *прим. сост.)*

По большинству этих вопросов еще не наметились окончательные выводы и предложения, которые можно было положить в качестве достаточно разработанного материала в основу строительства нового флота и прежде всего проектирования. Можно полагать, что необходимая полная ясность в этих вопросах создастся у нас не раньше, чем через год, через два, тогда только и можно будет говорить об окончательном переходе на постройку новых кораблей.

Однако само собой понятно, что переход на постройку новых кораблей и на новое проектирование представляет собой громоздкую и сложную задачу, требующую большого времени на предварительное продумывание и подготовку, а также на так называемое перспективное проектирование.

Было бы совершенно неправильно, если бы наши конструкторы уже сейчас не работали бы над этими вопросами, а занялись бы ими только тогда, когда все будет приведено в окончательную ясность. На этом мы потеряли много времени.

Наоборот, конструкторы должны непрерывно быть в полном курсе происходящих коренных изменений в науке и технике — и прежде всего сами должны над этими вопросами работать. Наша же обязанность держать вас в курсе результатов тех, хотя бы и начальных сейчас, исследований, которые ведутся собственно морскими силами и Министерством судостроительной промышленности в их научно-исследовательских органах.

Такая информация и такая самостоятельная ваша работа необходимы для того, чтобы уже сейчас:

— вы могли начать, и серьезно, заниматься перспективным проектированием, в котором поначалу, конечно, будет много ошибок, много детских болезней, и которое может привести нас к каким-то серьезным выводам не раньше, чем через год-два. Именно поэтому этим делом надо заниматься сейчас;

— во-вторых, это необходимо для большего и лучшего вашего участия в научно-исследовательской работе по основным вопросам, которые в итоге должны составить основную расчетную базу для нового кораблестроения;

— в-третьих, это необходимо также для максимально возможного учета (в тех пределах, в которых это возможно) в ваших работах по текущему проектированию.

Учтите, что вопросы проектирования кораблей тесно связаны с вопросами оружия, так как не оружие для корабля, а корабль для оружия. Поэтому компоновка новых кораблей может идти только на основе последовательного анализа возможностей, представляемых новым оружием. Отсюда необходима ваша тесная связь с представителями оружия и соответствующими институтами, представители которых также на этом совещании присутствуют и мнение которых на настоящем совещании весьма желательно выслушать.

Вы услышите здесь пока что, конечно, не слишком подробные и полные доклады, но услышите выводы, которые, так или иначе, научно-исследовательским органам Военно-Морских Сил удалось сделать до сих пор по новой технике и возможному перспективному ее влиянию на кораблестроение. Весьма желательно, если вы, со своей стороны, внесете необходимые добавления и предложения, как работать над этой новой техникой, как лучше заниматься научно-исследовательскими вопросами и как лучше увязать эту работу с перспективным проектированием и всей вашей работой. Желаю вам успеха в вашей работе». *(Личный архив Н. Г. Кузнецова.)*

83

Данный фрагмент воспоминаний был написан Н. Г. Кузнецовым в 1957 году.

Первая послевоенная программа судостроения начала реализовываться в это время и вовсе не в том духе, как ее отстаивал в спорах и докладе правительству Н. Г. Кузнецов. Судостроители, не имея возможности быстро изменять технологию, сумели отстоять строительство старых проектов. Со стороны же моряков с ними уже никто не спорил.

Имеется в виду доклад от 31 июня 1952 года.

86

Речь идет об Указе Президиума ВС СССР 1967 года.

Николай Герасимович получал обычную (не персональную) пенсию генерал-майора в 300 рублей.

88

Автор имеет в виду рискованные шаги, предпринятые по блокаде Берлина в 1948—1949 годах, а также при Н. С. Хрущеве.

89

Имеется в виду известная реплика Фамусова из комедии А- С. Грибоедова «Горе от ума»: «Ах! Боже мой! что станет говорить // Княгиня Марья Алексевна!»

90

Л. С. — Толоконников Лев Сергеевич — сосед по даче в поселке Раздоры рядом с Барвихой.

91

Здесь и далее Н. Г. Кузнецов излагает свою сугубо субъективную точку зрения. На самом деле такая бумага существует (прим. Н. Н. Амелько).

В 1969 году Николаю Герасимовичу была установлена пенсия Героя Советского Союза в связи с вышедшим в 1967 году Указом Президиума ВС СССР о персональных пенсиях Героям Советского Союза в 380 рублей, однако персональным пенсионером он так и не стал.

Будучи в отставке, Николай Герасимович состоял на партийном учете в Институте общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР, где вел семинар с его сотрудниками.

94

Пантелеев Юрий Александрович — адмирал, профессор; командующий Волжской флотилией (1943), Тихоокеанским флотом (1953—1956); начальник Военно-морской академии; автор книг «Морской фронт» (М., 1965), «Полвека на флоте» (М., 1974).

95

Чернощёк Елисей Андреевич — капитан 1-го ранга, кандидат военно-морских наук.

96

Харитонов Николай Федорович — во время войны — переводчик, затем заведующий кафедрой английского языка и преподаватель в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

В основу настоящей Хронологии положены документы государственных архивов, личного (семейного) архива Н. Г. Кузнецова, исторические монографии и энциклопедические издания, периодическая печать времен Великой Отечественной войны и другие источники (прим. сост.).

98

В 1922 году училище командного состава флота было переименовано в Военно-морское училище. В 1926 году ему было присвоено имя М. В. Фрунзе. В 1936 году оно стало Краснознаменным, награждено почетным революционным Красным Знаменем ЦИК СССР. В 1939 году переведено в разряд высших учебных заведений (прим. сост.).

99

Начальник Морских Сил.

100

Хочется обратить внимание читателя на факт отсутствия в Указе Президиума ВС СССР от 26.07.88 записи о том, что постановление Президиума ВС СССР от 17.02.56. и соответствующий Указ Президиума ВС СССР (1956) следует считать недействительными за отсутствием вины Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. Остается надеяться, что хотя бы и с превеликим опозданием, но это все же будет сделано (прим. сост.).